

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2020 / № 2

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 07.00.02 – Отечественная история; 07.00.03 – Всеобщая история; 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 07.00.02 – Domestic history (historical sciences); 07.00.03 – Global history; 07.00.09 – Historiography, source-study and methods of historical research; 23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development.

ISSN 2072-8360 (print)

2020 / № 2

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета:
Серия: История и политические науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

————— Выходит 5 раз в год —————

Редакционная коллегия

Научный руководитель серии:

Смоленский Н. И. — д.и.н., проф., МГОУ

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. — д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. — д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. — к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. — д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. — д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалез Дж. — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Ершов В. Ф. — д.и.н., проф., МГОУ;

Журавлев В. В. — д.и.н., проф., МГОУ;

Захаров В. Н. — д.и.н., проф., Институт российской истории РАН;

Каширина Т. В. — д.и.н., доцент, Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Ковалев В. А. — д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. — д.и.н., проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. — д.и.н., проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. — д.пол.н., проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. — доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Сулакшин С. С. — д.пол.н., д.ф.-м.н., проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Фукс А. Н. — д.и.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных ученых по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40712**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2020. — № 2. — 188 с.

© МГОУ, 2020.

© ИИУ МГОУ, 2020.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University:
Series: History and Political Sciences»**
Moscow Region State University

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Scientific Consultant:

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. F. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Professor, University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Professor, Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Professor, University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin MRSU, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series « History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-73347.

**Index of the series «History and Political Sciences»
according to the Union catalog «Press of Russia» 40712**

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences. – 2020. – № 2. – 188 p.

© MRSU, 2020.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2020.

**The Editorial Board address:
Moscow Region State University**

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА:

ЛЕНИН КАК ПРОРОК И СУБЪЕКТ ИСТОРИИ: PRO ET CONTRA. К 150-ЛЕТИЮ СОЗДАТЕЛЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Багдасарян В. Э. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОРОЧЕСТВА В. И. ЛЕНИНА В ФОКУСЕ АКТУАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ РАЗВИТИЯ РОССИИ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.....	8
Шульц Э. Э. ЛЕНИН И ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	24
Ивашов Л. Г., Хмуркин Г. Г. К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ В. И. ЛЕНИНА К ПРАВОСЛАВНОМУ ДУХОВЕНСТВУ ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ 1917 г.....	35
Куренышев А. А. ВЛАДИМИР ЛЕНИН И БОРИС САВИНКОВ – ДВА РУССКИХ ПОЛИТИКА И РЕВОЛЮЦИОНЕРА. ДВЕ СУДЬБЫ НА ФОНЕ ЭПОХИ	51

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ МЫСЛИ: ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Гео Йиман. О РЕВОЛЮЦИИ	61
-------------------------------------	----

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Волобуев О. В. ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ НАЧАЛА 1930-х гг.: «АГРАРНЫЙ ВОПРОС В КОЛОНИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» О. ТАРХАНОВА.....	71
--	----

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Захарова А. А. ЖИТЕЛИ УЕЗДНЫХ ГОРОДОВ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. И ПРОБЛЕМА ИХ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	79
Постников Н. Д. НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПЕРВЫХ ГАЗОБАЛЛОННЫХ АТАКАХ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (МАЙ-ИЮНЬ 1915 г.).....	87
Бухаренкова О. Ю., Морова О. В. ФОРМИРОВАНИЕ ОРЕХОВО-ЗУЕВА КАК ГОРОДСКОГО КОНГЛОМЕРАТА В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ РОССИИ НАЧАЛА XX в.....	111
Сорокин А. А. ПРОЕКТЫ РЕФОРМ ВЫБОРНЫХ ИНСТИТУТОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ И МЕСТНОГО СУДА В МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ О НУЖДАХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ)	124
Солодилов А. В., Бруз В. В. ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ, ПОВЛИЯВШИЕ НА СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ КРАСНОЙ АРМИИ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ	134
Суверов Е. В., Малкова Ю. А. НКВД КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.).....	145
Горлов В. Н. САМЫЙ МОДЕРНИСТСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ПРОЕКТ Н. С. ХРУЩЕВА	155

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Епифанова Т. В. ДОБРОДЕТЕЛЬ НАДЕЖДЫ В РАННЕМ ХРИСТИАНСТВЕ:

СТАНОВЛЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ 159

Аирафьян К. Э. К ВОПРОСУ ОБ ОТКРЫТИИ ФЛОРИДЫ В 1513 г. 166

ПОЛИТОЛОГИЯ

Джаббаринасир Х. Р. ЛОГИКА ЭВОЛЮЦИИ ЗНАЧИМОСТИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

В КОНЦЕПЦИЯХ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ: КОНТЕКСТЫ И КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ. 175

CONTENTS

LENIN AS A PROPHET AND SUBJECT OF HISTORY: PRO ET CONTRA. TO THE 150TH ANNIVERSARY OF THE FOUNDER OF THE SOVIET STATE

- V. Bagdasaryan.** POLITICAL PROPHECIES OF V.I. LENIN IN THE FOCUS OF CURRENT CHALLENGES
IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIA AND HUMANITY 8
- E. Shults.** LENIN AND CHARACTERISTIC FEATURES OF THE RUSSIAN REVOLUTION..... 24
- L. Ivashov, G. Khmurkin.** TO THE QUESTION OF V. I. LENIN'S ATTITUDE TOWARDS THE ORTHODOX
CLERGY AFTER 1917 35
- A. Kurenishev.** LENIN AND SAVINKOV AS TWO RUSSIAN POLITICIANS AND REVOLUTIONARIES:
TWO FATES AGAINST THE BACKDROP OF THE ERA 51

MONUMENTS OF THE WORLD THOUGHT: FIRST PUBLICATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

- Geo Yeaman.** ABOUT REVOLUTION 61

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

- O. Volobuev.** FROM THE HISTORY OF SOVIET ORIENTAL STUDIES AT THE BEGINNING OF 1930:
"THE AGRARIAN QUESTION IN THE COLONIAL REVOLUTION" BY O. TARKHANOV 71

NATIVE HISTORY

- A. Zakharova.** RESIDENTS OF DISTRICT TOWNS IN THE MOSCOW PROVINCE IN THE LATE
18TH – THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY AND THE PROBLEM OF THEIR CIVIC IDENTITY 79
- N. Postnikov.** NEW DATA ON THE FIRST GAS-BALLOON ATTACKS ON THE EASTERN FRONT
OF THE FIRST WORLD WAR (MAY–JUNE 1915) 87
- O. Bukharenkova, O. Morova.** FORMATION OF OREKHOVO-ZUEVO AS AN URBAN CONGLOMERATE IN
THE CONTEXT OF MODERNIZATION PROCESSES IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY.. 111
- A. Sorokin.** REFORM PROJECTS OF ELECTED INSTITUTIONS AND LOCAL COURTS IN THE MOSCOW
PROVINCE IN THE EARLY 20TH CENTURY (ON THE MATERIALS OF A SPECIAL MEETING
ON THE NEEDS OF THE AGRICULTURE INDUSTRY) 124
- A. Solodilov, V. Brooz.** OBJECTIVE FACTORS AFFECTING THE STATE AND DEVELOPMENT
OF THE RED ARMY IN THE PREWAR YEARS 134
- E. Suverov, J. Malkova.** NKVD OF THE KRASNOYARSK TERRITORY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR
(1941–1945) 145
- V. GORLOV.** THE MOST MODERNIST ARCHITECTURAL PROJECT BY NIKITA KHRUSHCHEV 155

GENERAL HISTORY

- T. Epifanova.** VIRTUE OF HOPE IN EARLY CHRISTIANITY: FORMATION AND CONTENT
OF THE CONCEPT..... 159
- K. Ashrafyan.** CONSIDERING THE DISCOVERY OF FLORIDA IN 1513..... 166

POLITOLOGY

- H. Jabbarinasir.** EVOLUTION OF THE SIGNIFICANCE OF MIDDLE EAST IN RUSSIAN FOREIGN
POLICY CONCEPTS: CONTEXTS AND KEY FACTORS..... 175

ТЕМА НОМЕРА: ЛЕНИН КАК ПРОРОК И СУБЪЕКТ ИСТОРИИ: PRO ET CONTRA. К 150-ЛЕТИЮ СОЗДАТЕЛЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

УДК 316.75(092) Ленин

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-8-23

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОРОЧЕСТВА В. И. ЛЕНИНА В ФОКУСЕ АКТУАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ РАЗВИТИЯ РОССИИ И ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Багдасарян В. Э.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Оценка прогностического потенциала творческого наследия В. И. Ленина в проекции современного развития России и мира.

Процедура и методы исследования. Ключевым исследовательским методом стал контент-анализ. Автором проведен анализ содержания работ В. И. Ленина в соотнесении с данными о развитии мира в постленинский период истории, современными вызовами и тенденциями. Классификация критики ленинского наследия в историографии проведена на основе идеологической топологии политического оппонирования большевизму.

Результаты проведенного исследования. Был доказан высокий уровень прогностического предвидения Лениным развития России и мира в долгосрочной перспективе. Обоснована актуальность и верифицируемость ряда его прогнозов в отношении классовой и идеологической борьбы, а также вызовов построения социализма, мировой военной эскалации, роста национализма и ксенофобии, усугубления противоречия между технологическим и социальным развитием, геостратегической реконфигурации мира, духовного кризиса человечества.

Теоретическая/ практическая значимость заключается в раскрытии прогностического потенциала ленинского наследия в применении к актуальной политической ситуации и определению перспектив развития мира, а также ревизии ряда сложившихся в отношении деятельности и воззрений Ленина историографических стереотипов.

Ключевые слова: Ленин, идеология, классовый подход, теория империализма, революция, гражданская война, мировая война, национальный вопрос

POLITICAL PROPHECIES OF V.I. LENIN IN THE FOCUS OF CURRENT CHALLENGES IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIA AND HUMANITY

V. Bagdasaryan

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

Aim. To evaluate the prognostic potential of V.I. Lenin's legacy from the perspective of the modern development of Russia and the world.

Methodology. Content analysis was a key research method. The author analyzed the content of V.I. Lenin's works in relation to the data on the development of the world in the post-Leninist period of history, as well as modern challenges and trends. The classification of critical works of Lenin's legacy in historiography was based on the ideological topology of the political opposition to Bolshevism.

Results. A high level of Lenin's prognostic prediction of the development of Russia and the world in the long term was proved. The relevance and verifiability of a number of his predictions regarding the class and ideological struggle, as well as the challenges of building socialism, world military escalation, the growth of nationalism and xenophobia, the exacerbation of the contradiction between technological and social development, geostrategic reconfiguration of the world, and the spiritual crisis of mankind are substantiated.

Research implications. The study reveals the prognostic potential of Lenin's legacy as applied to the current political situation and the determination of world development prospects, as well as revises a number of historiographic stereotypes regarding Lenin's political activity and views.

Keywords: Lenin, ideology, class approach, theory of imperialism, revolution, Civil War, World War, national issue

Историография Ленина через призму борьбы идеологий

Общий объем литературы, посвященной фигуре В. И. Ленина и ленинскому творческому наследию, таков, что не поддается традиционному историографическому описанию. Лениниана представляет собой одно из наиболее широко представленных тематических направлений в целом в мировой историографии. Вероятно, для комплексного историографического осмысления всего, что написано в отношении Ленина и ленинского наследия потребуются сегодня инструментарий *Big Data*. Но, вместе с тем, новые ракурсы осмысления ленинского наследия все же возможны, а их актуальность очевидна.

В советской идеологической традиции ленинское наследие в значительной мере подверстывалось под реализуемый в соответствующий период политиче-

ский курс. Он, как известно, исторически менялся, соотносясь со сменой высшего государственного руководства, определяя инверсии в трактовке ленинизма. Вопреки декларациям, шли в определении курса не за Лениным, а самого Ленина меняли под реализуемый курс. Такие манипуляции дорого в итоге обошлись для советского проекта, что и попытаемся проследить далее [17].

Критика Ленина шла фактически с тех позиций идеологических (в ленинской трактовке – классовых) противников, с которыми он сам вел полемику еще при жизни. Лениным, сообразно с марксистским подходом, выделялись четыре основные группы, сталкивающиеся в классовой борьбе в России в начале двадцатого столетия: феодально-монархическая, крепостническая, опирающаяся через пропаганду религиозных и националистических настроений на «черную

относительно», среди «русской Вандеи»; либерально-буржуазная, отстаивающая интересы капитала; мелкобуржуазная, прикрывающаяся квазисоциалистической риторикой; большевистско-коммунистическая, позиционируемая выразителем интересов пролетариата.

Претензии со стороны правомонархической группы, приверженцев старорежимной империи в историографии и общественно-политической мысли сводятся преимущественно к следующему: 1) гонения на религию и церковь, построение секулярного и даже богоборческого государства, пропаганда атеизма; 2) царевубийство и окончательная ликвидация институции православной монархии; 3) замена унитаристской системы федералистской, создание через национально-территориальную организацию федерацию мину замедленного действия в отношении российской государственности в целом; 4) поддержка русофобии, лишение русского народа политической субъектности, преференции национальным меньшинствам и умаление русского фактора; 5) территориальные потери через реализацию курса права наций на самоопределение; 6) подписание унижительного Брестского мира с колоссальными уступками неприятелю; 7) подрыв патриархальной традиционной культуры и традиционалистской системы ценностей, предоставление половых свобод, приведших к потере нравственных устоев, легализация аборт; 8) репрессии против групп носителей консервативной идеологии – дворянства, казачества; 9) поощрение погромов высокой культуры, инициирование «бунта хамов» [1; 3; 12; 16].

Либеральные обвинения Ленина выражаются следующим перечнем основных тезисов: 1) ликвидация февралистской перспективы, как возможности построения в России правового, демократического государства; 2) массовые репрессии, политика «красного террора»; 3) экспроприации и национализация, упразднение института частной

собственности, уничтожение рыночной экономики и использование директивных методов управления; 4) ликвидация политических свобод, подавление инакомыслия, навязывание обществу коммунистической идеологии, создание новой автократии; 5) фактическое восстановление новой, «красной» империи, уничтожение национальных государств на пространстве бывшей Российской империи; 6) автаркизация России, разрыв связей с мировым сообществом, экономическая самоизоляция, нарушение долговых обязательств; 7) цензура и ограничение свободы творчества, утверждение принципа партийности культуры, высылка из страны представителей российской интеллектуальной элиты; 8) отказ от системы разделение властей, упразднение независимости суда; 9) установление однопартийной системы; 10) разжигание мировой коммунистической революции, учреждение в этих целях Коминтерна [2; 10, с. 230–265; 15].

Аргументы критики Ленина с позиции мелкобуржуазных групп часто используются и в критике с позиций либерализма и правомонархизма, но и в данном случае ядро обвинений идентифицируется: 1) построение государства диктатуры пролетариата в стране с преобладанием крестьянского населения, антикрестьянский характер большевистской власти; 2) подмена провозглашенного принципа социализации земли ее фактической национализацией; 3) ставка в деревнях на люмпенизированные слои населения, репрессии против лучшей части крестьянства, успешных и трудолюбивых хозяев; 4) нарушение коалиционного подхода при формировании правительства, незаконность Второго Съезда Советов, нелегитимность роспуска Учредительного собрания, окончательная потеря легитимности после разрыва коалиции с левыми эсерами; 5) шпионаж Ленина в пользу Германии, осуществление революции на немецкие деньги; 6) максимализм и экстремизм, разжигание классовой

ненависти, что явилось фактором Гражданской войны; 7) игнорирование демократических институций и процедур, подмена власти Советов властью партии, сращивание партии с государственным аппаратом; 8) подавление народных выступлений, таких как Кронштадтский и Антоновский мятежи; 9) ревизия теории К. Маркса в применении к России, попытка осуществления революции в полуфеодальной стране, с отсутствием сформировавшегося пролетариата; 10) бланкистский характер революции, отсутствие опоры на широкие массы [4; 7; 11; 18; 19]. Распределение перечисленных антиленинских аргументов по социально-политическим платформам имеет условный характер и зачастую оказывается совмещаемо в реальной полемике.

Сторонники линии большевиков, кого условно можно охарактеризовать в качестве ленинцев, защищают образ и правоту вождя с позиции защиты исторической правды, точнее, классового понимания исторической правды [22]. При этом в большевистской платформе существует правое крыло, отдающее предпочтение Сталину как государственнику перед Лениным как идеологом мировой революции, и левое крыло, критикующее нэповский поворот в поздней ленинской политике в качестве отступления в пользу капитализма. Таким образом, в историографии фактически воспроизводится политическая борьба соответствующего исторического времени с позиций всех основных групп ее участников [9].

Ленин как главный герой России будущего: прогноз Валлерстайна

Но мы сегодня обладаем возможностью посмотреть на политическую деятельность Ленина и ленинское наследие не только через призму истории, но и современной эпохи. Обладая знаниями о том, как развивался мир после Ленина, можно оценить его деятельность, взгляды и прогнозы на будущее, с позиций проверки их временем. Эмпирической осно-

вой исследования послужили в данном случае непосредственно работы В. И. Ленина, аккумулированные в Полном собрании сочинений, содержание которых соотносилось с реалиями современного развития России и мира.

Важнейшим вызовом для предлагаемого осмысления является гибель СССР и мировой социалистической системы, отказ от связываемого с образом Ленина советского проекта. Эта гибель определяет объективно постановку вопроса о правильности/неправильности самого исходного замысла революции в России, исторической верифицируемости ленинской теории. Пока такого рода рассматриваний в формате научных исследований почти не проводится, и дискурс фактически сводится к политической публицистике [5].

Между тем известна весьма высокая оценка исторической миссии Ленина, данная с позиции реалий и вызовов современной эпохи ушедшим в 2019 г. из жизни Иммануилом Валлерстайном, чей научный авторитет признается как сторонниками, так и противниками марксистской методологии. С точки зрения теоретика мир-системного анализа, деятельность Ленина в большей степени, чем какой-либо другой из исторических фигур, повлияла на трансформацию в двадцатом столетии мировой системы. Валлерстайн указывал на два направления ленинского влияния на мир – западное и восточное. Влияние на Запад выразилось, прежде всего, в установке на социализацию капитала, принятие императива «делиться», как предупреждения того, что произошло в России. Концепция социального государства и практика установления сравнительно широкого пакета обеспечения качества жизни в государствах Европы являлось в этом смысле опосредованным результатом Октябрьской революции. Влияние на Восток состояло в его пробуждении от многовековой спячки, в катализации развития. С Октябрьской революции, по мысли

Валлерстайна, был инициирован процесс крушения мировых колониальных империй во главе с Британской империей. Современный прорыв Азии и выход Китая на позиции мирового лидера является отдаленным следствием исторической деятельности Ленина.

Третье значение ленинской деятельности в глобальном историческом процессе связывалось Валлерстайном с самой Россией, изменением ее положения в мировой системе, как ядра альтернативного мироустройства. Россия под новым маркером «СССР» приобретает в двадцатом столетии благодаря Ленину осевое значение в истории мира. И это переосмысление Ленина в качестве выразителя российского вектора мирового исторического процесса, как предсказывал американский мыслитель, неизбежно придет. Где-то к 2050 г., прогнозировал Валлерстайн, Ленин окажется вновь главным национальным героем России, но уже в новой акцентировке борьбы за место среди держав в мировой системе¹.

Предвидел ли Ленин вероятность гибели СССР и реставрации капитализма?

Крушение в 1991 г. СССР, казалось бы, давало исторически отрицательный вердикт в отношении ленинской теории. Именно так это и трактовалось критиками ленинизма. Но надо иметь в виду те предупреждения Ленина в отношении строительства социализма, которые были сформулированы им, но оказались фактически недоучтены или игнорированы в реальной практике социалистического строительства. Это игнорирование означало, что развитие страны пошло на каком-то этапе не по ленинскому сценарию. Рухнула в 1991 г., соответственно, не стратегия Ленина, а практика прикрывающихся его именем, но идущих по иному пути эпигонов.

¹ Валлерстайн И. Ленин и ленинизм сегодня и послезавтра (<https://inosmi.ru/history/20110125/165957636.html>)

Будучи марксистом, Ленин разделял опасения об угрозах строительства социализма в мелкобуржуазной стране, каковой являлась Россия. Но, в отличие от меньшевиков, он полагал, что такое строительство принципиально возможно в случае целевого искоренения мелкобуржуазных нравов. Борьба за социализм после взятия власти в Октябре 1917 г. и отстаивания в Гражданской войне, по его мнению, только начиналась, переносилась на уровень культуры. Наитруднейшей из задач революции Ленин оценивал даже не взятие власти, а то, чтобы «при диктатуре пролетариата перевоспитывать миллионы крестьян и мелких хозяйчиков, сотни тысяч служащих, чиновников, буржуазных интеллигентов, подчинять их всех пролетарскому государству и пролетарскому руководству, побеждать в них буржуазные привычки и традиции»².

Врагом социализма оказывалось в ленинском понимании сохраняемое мелкобуржуазное сознание значительных слоев населения. В деревнях – это стремление крестьянина разбогатеть, стать кулаком. Те установки, который развенчивал любимый ленинский автор Максим Горький в образе Гаврилы в рассказе «Челкаш». Среди служилой интеллигенции – это элитаризм, преклонение перед «красивой жизнью», симпатии перед европейскими буржуазными институтами. Чтобы перебороть эти буржуазные установки, предстоит, полагал Ленин, масштабная работа в сфере образования, просвещения, культуры. И, по большому счету, главным в советском проекте на его восходящей фазе являлось строительство нового человека, тогда как все иное было системно подчинено этой антропологической задаче³. «Культурная

² Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полное собрание сочинений (ПСС). Т. 41. С. 102.

³ Его же. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // ПСС. Т. 41. С. 1–104; Его же. Доклад о замене разверстки натуральным налогом // ПСС. Т. 43. С. 57–58; Его же. Наказ от ЦТО местным советским учреждениям // ПСС. Т. 43. С. 277; Его же. Новая

задача, – предупреждал Ленин в октябре 1921 г., – не может быть решена так быстро, как задачи политические и военные... Политически победить можно в эпоху обострения кризиса в несколько недель. На войне можно победить в несколько месяцев, а культурно победить в такой срок нельзя, по самому существу дела тут нужен срок более длинный, и надо к этому более длинному сроку приспособиться, рассчитывая свою работу, проявляя наибольшее упорство, настойчивость и систематичность»¹.

Институциональными проявлениями мелкобуржуазных ценностей и психологии оказывались в ленинском понимании такие пороки, как взяточничество и бюрократизм. Искоренить их, сообразно с этой трактовкой, можно, только искоренив соответствующий фундамент. «То, что мы на сотню-другую тысяч нашу партию очистим, – писал Ленин в отношении применения жестких мер в отношении бюрократов и коррупционеров, – это будет полезно, но это – ничтожная доля того, что нам надо сделать. Надо, чтобы политпросветы всю свою работу применили к этой цели. С безграмотностью бороться должно, но одна грамотность также недостаточна, а нужна та культура, которая учит бороться с волокитой и взятками. Это – такая болячка, которую никакими военными победами и никакими политическими преобразованиями нельзя вылечить. По сути дела, эту болячку нельзя вылечить военными победами и политическими преобразованиями, а можно вылечить только одним подъемом культуры»². Данное положение недостаточно оценено и востребовано в практике современного анализа коррупции и чиновничьего бюрократизма, хотя могло было бы дать значимые методологические основания в противодействии им,

экономическая политика и задачи политпросветов // ПСС. Т. 44. С. 155–175.

¹ Его же. Новая экономическая политика и задачи политпросветов // ПСС. Т. 44. С. 174–175.

² Там же. С. 171–172.

понимании, что болезнь излечивается не через воздействия на симптоматику, а искоренением причины заболевания. Борьбе с различными проявлениями мелкобуржуазного сознания, в том числе их проникновению в партийную среду, и были, прежде всего, подчинены работы Ленина последнего периода жизни³.

С определенного исторического времени антропологический советский проект фактически свертывается и мелкобуржуазное сознание охватывает не только партийные массы, но и руководство партии. Это нашло, в частности, отражение в Программе КПСС 1962 г. с ее целевым ориентиром максимального удовлетворения материальных потребностей граждан. Установки достижения комфорта становятся в позднем советском обществе доминантными. Распространяется потребительский пакет – «дача, тачка, собачка», фактически перерождается комсомол, в среде которого процветают карьеризм, ориентиры «красивой жизни» [20]. В предсказываемой Лениным тяжелой борьбе социализма и мелкобуржуазного сознания социализм при игнорировании руководством партии значимости этой борьбы проиграл. А вслед за фактической победой мелкобуржуазного сознания происходит, точно по методологии Ленина, реставрация капитализма. Ленинские предостережения партийному руководству оказались пророческими, и тезис об ошибке Ленина 1991-ым г. не подтверждается.

Ленин о сохранении внешних угроз

Угрозы для социализма виделись Ленину также в возможности иностранного вмешательства, вплоть до интервенции. Он полагал, что пока Россия существует в капиталистическом окружении и социализм не получил всеобщего распространения в мире, попытки изменения

³ Ленин В. И. Лучше меньше, да лучше // ПСС. Т. 45. С. 397; Его же. О международном и внутреннем положении Советской республики // ПСС. Т. 45. С. 13–15.

социального строя извне будут с неизбежностью предприниматься. «Международная буржуазия, лишенная возможности вести открытую войну против Советской России, выжидает, подкарауливая момент, когда обстоятельства позволят ей возобновить эту войну», – предупреждал он в июле 1921 г. в ситуации некоторого ослабления военной угрозы¹.

В понимании Ленина классовая борьба после взятия власти в России пролетариатом получает новое проявление в виде противостояния государств с разной социальной системой. В интерпретации событий Гражданской войны Ленин постоянно подчеркивал, что белое движение не представляет собой самостоятельной силы и было бы невозможно без иностранного капитала и практической помощи из-за рубежа². В этом отношении Гражданская война была имманентно связана с иностранной военной интервенцией и без нее не приобрела бы того масштаба, который в ней оказался проявлен. В свете ленинской оценки использование советской историографией понятия «Гражданская война и иностранная военная интервенция» гораздо более точно, нежели современный историографический маркер «Гражданская война», взятая без интервенционной составляющей в раскрытии явления [6].

Ленин в борьбе с внешней угрозой рассчитывал на поддержку мирового пролетариата, что предполагало соответствующую пропагандистскую деятельность, осуществляемую по линии Коминтерна. В оценке внешних угроз прогноз Ленина также оказался верен³. Даже в

периоды относительного замирения с капиталистическим Западом борьба против СССР не прекращалась, и западное участие в гибели Советского Союза очевидно. Об этом участии говорил и президент Российской Федерации. Тезис о победе над СССР в «холодной войне» прочно вошел в риторику американского политического истеблишмента. Победа была достигнута хотя и не путем прямой интервенции, о которой писал Ленин, что практически не представлялось возможным при наличии у Советского Союза ядерного оружия, но за счет новых несиловых технологий межгосударственного соперничества. Но переход к новым технологиям борьбы не отменял самого факта борьбы и правильность ленинского прогноза.

Ленинское учение об империализме и анализ природы военных эскалаций

Признанным вкладом Ленина в теорию марксизма стало учение об империализме. Сообразно с выводом о переходе капитализма в фазу господства крупного монополистического капитала и диагностирования завершения капиталистического раздела мира делалось заключение о неизбежности военной эскалации и мировых войн. Война, резюмировал свой анализ Ленин, заложена в самой природе капитализма. Для того, чтобы искоренить войну, рассуждал далее он, требуется упразднить капитализм⁴. «Одной из форм одурачения рабочего класса, – пояснял свою позицию Ленин на конференции заграничных секций РСДРП, – является пацифизм и абстрактная проповедь мира. При капитализме, и особенно в его импе-

¹ Ленин В. И. Тезисы доклада о тактике РКП // ПСС. Т. 44. С. 4.

² Его же. Все на борьбу с Деникиным! // ПСС. Т. 39. С. 44; Его же. Речь на широкой рабоче-красноармейской конференции в Рогожско-Симоновском районе // ПСС. Т. 39. С. 120; Его же. Речь о международном положении 8 ноября // ПСС. Т. 37. С. 162, 167; Его же. Товарищи-рабочие! Идем в последний, решительный бой! // ПСС. С. 38

³ Ленин В. И. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока // ПСС. Т. 39. С. 329; Его же. Доклад о внешнем и

внутреннем положении Советской республики // ПСС. Т. 38. С. 262; Его же. Тяжелый, но необходимый урок // ПСС. Т. 35. С. 393–397.

⁴ Его же. Военная программа пролетарской революции // ПСС. Т. 30. С. 131–143; Его же. Империализм, как высшая стадия капитализма ПСС. Т. 27. С. 299–426; Его же. Конференция заграничных секций РСДРП ПСС. 1969. Т. 26. С. 165–167; Реферат на тему «Пролетариат и война» // ПСС. 1969. Т. 26. С. 28–29; Социализм и война // ПСС. Т. 26. С. 307–350.

риалистской стадии, войны неизбежны... Пропанганда мира в настоящее время, не сопровождающаяся призывом к революционным действиям масс, способна лишь сеять иллюзии, развращать пролетариат внушением доверия к гуманности буржуазии и делать его игрушкой в руках тайной дипломатии воюющих стран. В частности, глубоко ошибочна мысль о возможности так называемого демократического мира без ряда революций»¹.

Отсюда и установка о превращении войны империалистической в гражданскую. Выдвижение этого лозунга служило основанием для обвинения Ленина в милитаризме, враждебности пацифизму. Сам лозунг «превращение войны империалистической в войну гражданскую», то есть классовую, вырывался из общего контекста ленинских рассуждений. Ленин как раз и говорил о том, что войны должны быть прекращены, но прекратить их не получится, покуда власть находится в руках монополистического капитала. Лозунг, что тоже важно зафиксировать, был выдвинут им до прихода большевиков к власти². Предполагалось, что взять власть в свои руки будет возможным только в результате Гражданской войны. После же того, как большевики взяли власть в свои руки, призывать к Гражданской войне и, тем самым подвергать эту власть опасности, было бы абсурдно. Соответственно, также абсурдны и утверждения будто бы Ленин и стал главным инициатором Гражданской войны в России. Впрочем, Лениным не отрицалась и сценарная возможность в случае успехов одной из сторон конфликта превращения империалистической войны не в гражданскую, а национальную, ведущуюся под лозунгом защиты Отечества³.

Версальский мир оценивался Лениным как временная пауза перед новой

войной. Вторая мировая война подтвердила правильность ленинского анализа. Помимо межимпериалистических противоречий, обусловивших столкновение блоков фашистско-империалистических и либерально-империалистических государств, обнаруживалась и вторая составляющая столкновения государств с противоположной системой, придавшая всему конфликту в сравнении с Первой мировой войной уже совершенно иную характеристику. Непосредственно Лениным было предсказано военное столкновение США и Японии на Тихом океане. Оно представлялось ему неизбежным задолго до Перл-Харбора, когда обнаружили американско-японские противоречия в конкуренции за доминирование на Дальнем Востоке во время Гражданской войны в России⁴. Современная военная эскалация в мире вновь актуализирует ленинскую теорию империализма. Корреляция роста военной напряженности и усиления позиций ТНК указывает на когнитивные потенциалы предпринятого Лениным более чем сто лет назад анализа.

Ленин об азиатском историческом прорыве

Менее замеченными оказались в свете современных геоэкономических трендов ленинские прогнозы о прорыве Азии. Классический марксизм был западнотричен, что определялось реальным геополитическим положением континентов в девятнадцатом столетии. Деятельность Ленина приходится на начало нового исторического этапа, зафиксированного им как пробуждение Азии, проявившееся в серии азиатских революций – китайской, персидской, турецкой. Он писал о том, что Азия в новом раскладе сил становится передовой и революционной, а Запад – реакционным. Ось истории смещалась на Восток. Особое внимание уделял Ленин китайской революции, симпати-

¹ Его же. Конференция заграничных секций РСДРП // ПСС. 1969. Т. 26. С. 165–166.

² Там же. С. 163; Его же. Социализм и война // ПСС. 1969. Т. 26. С. 307–350.

³ Его же. О брошюре Юниуса // ПСС. Т. 30. С. 6.

⁴ Ленин В. И. Доклад о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского совета // ПСС. Т. 36. С. 330.

зируя движению Сунь Ятсена и осуждая внешнее империалистическое давление на Китай. Проходит век, и ленинский тезис о передовой Азии, в ее передовом развитии по сравнению с депрессивным Западом, стал очевидной реальностью. Китай выходит на позиции мирового лидера, что сто лет назад было бы воспринято как нечто невероятное. Но Лениным этот поворот был гениально диагностирован тогда, когда мировой колониализм находился в состоянии апогея¹.

Ленин как геополитик

Образ Ленина обычно связывается с классовым анализом и политтехнологией революции, тогда как преподнесение его в качестве теоретика геополитики выглядело бы определенной натяжкой. Между тем в ряде недостаточно широко публикуемых аналитических работ им предлагается квалифицированный разбор расклада мировых геополитических сил (хотя и, естественно, без ссылок на теорию геополитики). Представляет, в частности, большой интерес его рефлексия на сообщения о сепаратных переговорах царского правительства о мире с Германией.

Ленин полагал, что сценарий заключения императорской России сепаратного мира с Германской империей был бы логичен и, при наличии стратегического понимания правительством Николая II, реализован. Главным врагом России Ленин определял не Германию и не Турцию, находящихся с ней в состоянии войны, а формального союзника – Британскую империю. Стратегический сценарий в ленинской реконструкции геополитической игры российского самодержавия мог быть следующим: вначале с помощью

Англии и Франции ослабить позиции Германии и получить дивиденды за счет Австро-Венгрии (Галицию) и Турции (проливы и Армению), а затем, уже с помощью Германии, укрепившись, победить своего главного врага – Британскую империю².

Приведем для иллюстрации ленинских рассуждений о закулисной геополитической игре один из фрагментов редко цитируемой работы Ленина «О сепаратном мире»: «Наряду со столкновением разбойничьих «интересов» России и Германии существует не менее – если не более – глубокое столкновение между Россией и Англией. Задача империалистской политики России, определяемая вековым соперничеством и объективным международным соотношением великих держав, может быть кратко выражена так: при помощи Англии и Франции разбить Германию в Европе, чтобы ограбить Австрию (отнять Галицию) и Турцию (отнять Армению и особенно Константинополь). А затем при помощи Японии и той же Германии разбить Англию в Азии, чтобы отнять всю Персию, довести до конца раздел Китая и т. д.»³.

Мир в союзе с англичанами, полагал Ленин, невозможен. Британская империя, предсказывал он, будет использовать любые средства, чтобы не допустить Россию в число победителей. Чтобы исключить возможность заключения сепаратного мира Берлин-Петроград, английский и французский капитал, согласно реконструкции Ленина, санкционировал Февральскую революцию. Обвиняя Ленина в закулисных связях с германским генштабом, что было опровергнуто сразу как подлог в современной историографии, как правило, обходится стороной другое обвинение – ленинское – о внешней инспирированности Февральской революции в России и связи вождей фев-

¹ Ленин В. И. Демократия и народничество в Китае // ПСС. Т. 21. С. 402; Его же. Китайская война // ПСС. Т. 4. С. 378–383; Его же. Отсталая Европа и передовая Азия // ПСС. Т. 23. С. 166–167; Его же. Падение Порт-Артура // ПСС. Т. 9. С. 151–152; Его же. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение // ПСС. Т. 27. С. 61–68; Его же. События на Балканах и в Персии // ПСС. Т. 17. С. 221–222.

² Его же. О сепаратном мире // ПСС. Т. 30. С. 184–192; Его же. Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический // ПСС. Т. 30. С. 242–243.

³ Его же. О сепаратном мире // ПСС. Т. 30. С. 185–186.

рализма с зарубежными политическими акторами¹. Сегодня то, что атлантистский – англо-американский мир – выступает врагом России, как континенталистской державы, признается классикой геополитики, корреспондируя в тоже время и с соответствующими ленинскими оценками [8].

Ленин о глобальных вызовах технологического развития

Ленин в своих работах поднимал темы, относимые сегодня к глобальным проблемам современности. Одним из наиболее острых вызовов, стоящих перед человечеством в связи с происходящими технологическими революциями и перспективой появления искусственного интеллекта, является угроза принципиального возрастания безработицы. Капитал не готов тратить ресурсы на человека, когда есть возможность замены его машиной. «При капитализме, – комментировал Ленин информацию об открытии В. Рамсеем нового способа добычи газа, – «освобождение» труда миллионов горнорабочих, занятых добыванием угля, породит неизбежно массовую безработицу, громадный рост нищеты, ухудшение положения рабочих. А прибыль от великого изобретения положат себе в карман Морганы, Рокфеллеры, Рябушинские, Морозовы – с их свитой адвокатов, директоров, профессоров и прочих лакеев капитала»². Ленин указывал, что проблема противоречия технического прогресса и интересов большинства человечества может быть решена только при смене мироустроительной парадигмы, отказе от капитализма в пользу человекоориентированного строя, который виделся в социализме.

Ленин – фактически единственный из мировых политических лидеров начала XX в., кто выступал против неомальту-

зианства. «Мы, – декларировал он партийную позицию, – безусловные враги неомальтузианства, этого течения для мещанской парочки, заскорузлой и себялюбивой, которая бормочет испуганно: самим бы, дай бог, продержаться как-нибудь, а детей уж лучше ненадобно»³. Программы планирования семьи и целевого сокращения рождаемости среди бедных получат распространение значительно позже. Современные программы малой детности и бездетности в мире являются развитием неомальтузианства, и ленинская оценка неомальтузианской теории, как идеологии крупного капитала, приобретает в этой связи особую актуализацию.

Ленин о перспективе евроинтеграции

Европейский Союз, как известно, был учрежден на политической волне распада СССР и мировой социалистической системы, на основе Маастрихтских соглашений 1992 г. Однако в работах Ленина пророчески, как бы с пролонгацией в будущее, проводится критика самой идеи европейского единства. В период его жизни она циркулировала как концепт Соединенных Штатов Европы. Идея получила поддержку среди части российской социал-демократии. Ее приверженцем выступал, в частности, Л. Д. Троцкий⁴. Однако Ленин предсказывал, что в силу неравномерности развития капитализма Соединенные Штаты Европы окажутся зоной процветания по отношению к остальному отсталому миру. Такое объединение усилит мировое неравенство, закрепит преимущества европейцев и негативно скажется на единстве пролетариата. Ленин приходил к заключению, что «с точки зрения экономических условий империализма, т. е. вывоза капитала и раздела мира “передовыми” и “цивилизованными” колониальными держа-

¹ Его же. Письма из далека // ПСС. Т. 31. С. 15–16; Его же. Пробуждение Азии // ПСС. Т. 23. С. 145–146.

² Ленин В. И. Одна из великих побед техники // ПСС. Т. 23. С. 94.

³ Его же. Рабочий класс и неомальтузианство // ПСС. Т. 23. С. 257.

⁴ Троцкий Л. Д. Программа мира: к Стокгольмской конференции. Петроград: Книга, 1917. 29 с.

вами, Соединенные Штаты Европы, при капитализме, либо невозможны, либо реакционны»¹. Прогнозы Ленина в целом в истории создания и функционирования ЕС получили подтверждение.

Ленин о патриотизме и национализме: национальный вопрос как вопрос классовый

Едва ли не основным направлением критики Ленина в условно патриотическом лагере явилась его политика и воззрения в национальном вопросе. Среди выдвигаемых претензий – выдвигание лозунга «поражения своего Отечества» в Первой мировой войне. В действительности со стороны критиков здесь допускается подмена. Лозунг Ленина был «не поражение Отечества», а «поражение правительства»². Он полагал, что правительство ведет военную кампанию не в интересах народа, а соответственно отечественной Первой мировой войны не является. Лениным не отрицалось Отечество, как представляют его позицию критики. «Защита отечества» со стороны национально-угнетенной страны против национально-угнетающей не есть обман, и социалисты вовсе не против «защиты отечества» в такой войне», – пояснял Ленин свою позицию, но это пояснение оказывается в современном политическом поле проигнорировано³. Когда уже после взятия власти большевиками возникают угрозы для страны со стороны интервентов, им выдвигаются лозунги «Отечество в опасности» и «все на защиту Отечества»⁴.

Ленин в рассмотрении национального вопроса акцентировал внимание на угрозах национализма и ксенофобии. Он по-

лагал, что национализм, как превосходство «своего», является инструментом господства национального капитала, а ранее – национальных монархий. Посредством сраживания наций друг с другом, считал Ленин, капитал обеспечивает собственную власть, подменяет классовые противоречия искусственно разжигаемыми противоречиями национальными. В качестве такого сраживания он приводил, в частности, столкновения армян и азербайджанцев⁵. Через апелляцию к национальным чувствам и патриотизму буржуазия де-факто легитимизирует свою власть на территории соответствующего государства, а зачастую и предъявляет внешние территориальные претензии. Ленин много внимания уделил критике национализма черносотенцев, выводя националистические настроения из мелкобуржуазного сознания масс, используемые в своих целях группировками помещиков и крупной буржуазии⁶.

Но Ленин критиковал не только черносотенцев, как русский национализм, но любую пропаганду национальной и расовой исключительности. Жесткой критике он подвергал, в частности, позицию Еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России – Бунда, видя в ней стремление к национальному обособлению евреев. Более того, он идет дальше, полагая, что сама еврейская нация в ситуации диаспоры является искусственной конструкцией, тогда как объективные обстоятельства подталкивают евреев к ассимиляции⁷. «Совершенно несостоятельная в научном отношении идея об особом еврейском на-

¹ Ленин В. И. О поражении своего правительства в империалистической войне // ПСС. Т. 26. С. 286–291.

² Там же.

³ Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» // ПСС. Т. 30. С. 82.

⁴ Его же. Социалистическое Отечество в опасности // ПСС. Т. 35. С. 357–358; Его же. Тяжелый, но необходимый урок // ПСС. Т. 35. С. 395–396.

⁵ Его же. Предисловие к брошюре «Докладная записка директора Департамента полиции Лопухина» // ПСС. Т. 9. С. 333.

⁶ Его же. О черносотенстве // ПСС. Т. 24. С. 18–19; Его же. Памяти графа Гейдена // ПСС. Т. 16. С. 38; Его же. Предисловие к брошюре «Докладная записка директора Департамента полиции Лопухина» // ПСС. Т. 9. С. 333–334; Его же. Что такое «дружья народа» и как они воюют против социал-демократии // ПСС. Т. 1. С. 155.

⁷ Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // ПСС. Т. 24. С. 120–126; Его же. Положение Бунда в партии // ПСС. Т. 8. С. 65–76.

роде реакционна по своему политическому значению», – заявлял он им в 1903 г. в полемике с бундовцами¹.

Ленин не отвергал патриотизм как таковой, а разоблачал использование патриотической риторики для прикрытия национализма и шовинизма. Не случайно слово «патриотизм» в критике черносотенства им бралось в кавычки, что указывало не на отрицание самого патриотического чувства, а на псевдопатриотичность черносотенцев². В перспективе, полагал Ленин, при победе коммунизма нации мира сольются в единую мировую нацию. Но это произойдет в будущем, и футурология в этом отношении им четко отделялась от актуальной повестки.

Вопросом актуальной повестки являлся, в частности, отстаиваемый Лениным принцип реализации права наций на самоопределение, вплоть до отделения. Проведение этого принципа часто критикуется как разрушение государственного единства, легитимизацию отделения от России части ее исторических территорий. В качестве отдаленных последствий ленинского подхода рассматривается и распад СССР по границам искусственно созданных союзных республик. Известна оценка Президентом РФ заложенного Лениным в основание советской государственности модели национально-территориального федерализма, как мины замедленного действия. Ленин в действительности не являлся сторонником национально-территориального раздробления и рассматривал право наций на самоопределение в качестве буржуазного права, определенной уступкой капитализму. Но он полагал, что реализация этого принципа обязательна, ввиду невозможности построения подлинного социалистического общества на базе национального подавления и преферен-

¹ Его же. Положение Бунда в партии // ПСС. Т. 8. С. 74.

² Его же. Воинствующий милитаризм и антимилиитаристская тактика // ПСС. Т. 17. С. 195; Его же. Задачи революционной социал-демократии в европейской войне // ПСС. Т. 26. С. 6.

ций³. Национализм большой нации неизбежно порождает национализм малых наций, что, в свою очередь, еще более усиливает национализм большинства. Возникает замкнутый круг, итогом бега по которому с неизбежностью станут громады и межнациональные войны.

Нациям должно быть предоставлено право на самоопределение, но не обязательно нация должна воспользоваться им, она может предпочесть остаться в едином государстве. Так, собственно, и произошло в рамках строительства советского государства. Поляки и финны предпочли самоопределение, тогда как украинцы предпочли в большинстве остаться вместе с Россией. Но важно было, полагал Ленин, такое право украинцам предоставить, а не подавлять их идентичность и не отрицать сам факт ее существования. Ленинскую рецептуру, оказавшуюся действенной в послереволюционный период, было бы целесообразно, как минимум, иметь в виду при выстраивании политики России по украинскому вопросу. Высказываемая часто позиция, что украинская нация как таковая не существует, а украинцы есть те же русские, выдвигаемая, возможно, из лучших чувств и побуждений, служит катализатором украинского национализма, о чем, собственно, и делал предупреждения Ленин⁴.

Позиция Ленина о сопряженности национализма с мелкобуржуазной психологией также проявилась в полной мере при распаде СССР. Охватившие поздний Советский Союз мелкобуржуазные настроения создали благоприятную почву

³ Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // ПСС. Т. 25. С. 255–320; Его же. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение // ПСС. Т. 27. С. 61–68.

⁴ Его же. Критические заметки по национальному вопросу // ПСС. Т. 24. С. 127–130; Его же. Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской Раде // ПСС. Т. 35. С. 143–145; Его же. Украина и поражение правящих партий России // ПСС. Т. 32. С. 350–352; Его же. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократии // ПСС. Т. 1. С. 125–346.

для возрождения национализма. Фактически в каждой из республик восстанавливаются латентно, где-то – на уровне диссидентских групп, где-то – партийной этнократической элиты, где-то – бытовой сферы, собственные этнические национализмы [13; 15].

Ленин и религия

Безусловной трагедией стал конфликт большевиков с Православной Церковью. Вина в этом конфликте лежала, впрочем, на обеих сторонах. Ленин осознавал пагубность такого конфликта, о чем свидетельствовал ряд его заметок, сделанных еще до революции. Он, вопреки современным представлениям о нем как инициаторе антирелигиозного наступления, предостерегал от увлечения антирелигиозной пропагандой. Более того, он даже рассматривал Церковь как потенциального союзника в критике капитализма. Ленин призывал различать позицию части клира как легитимизацию власти капитала и позицию другой части Церкви в реализации идей обретения рая на земле и обличения несправедности богатства. Лениным даже допускалось членство священников в партии. Атеизм Ленина, впрочем, не вызывает сомнений¹. «Было бы буржуазной ограниченностью, – предупреждал Ленин радикальных атеистов в революционной среде, – забывать о том, что гнет религии над человечеством есть лишь продукт и отражение экономического гнета внутри общества. Никакими книжками и никакой проповедью нельзя просветить пролетариат, если его не просветит его собственная борьба против темных сил капитализма. Единство этой действительно революционной борьбы угнетенного класса за создание рая на земле важнее для нас, чем единство мнений пролетариев о рае на небе. Вот поче-

му мы не заявляем и не должны заявлять в нашей программе о нашем атеизме; вот почему мы не запрещаем и не должны запрещать пролетариям, сохранившим те или иные остатки старых предрассудков, сближение с нашей партией»².

Однако послереволюционные реалии обусловили принятие антицерковных мер, вступающих в противоречие с прежними предостережениями в отношении их совершения. Немалую роль здесь сыграла и исходно антибольшевистская позиция значительной части священнослужителей, и несанкционированные антицерковные действия революционных масс, вызывавшие ответную негативную реакцию со стороны верующих и священнослужителей. Восприятие Церкви как союзника эксплуататорских классов в реалиях Гражданской войны и послевоенных лет приводило зачастую к проявлению насилия, понимаемого в качестве проявления классовой борьбы. Большевики, опиравшиеся на изучение опыта европейских революций и Великой Французской революции в особенности, о чем свидетельствуют многочисленные ленинские ссылки, опасались возможности «Русской Вандеи», антисоветского выступления крестьянства под религиозными знаменами, чего в итоге удалось избежать³. Но проходит время, и инкорпорация части священнослужителей в систему отношений капиталистического общества вновь порождает негативные настроения определенных групп общества к Церкви, показывая, что соответствующие трагические явления революционных лет не были абсолютно беспочвенными.

Ленин как разоблачитель антидемократизма либеральной идеологии

После крушения СССР Ф. Фукуямой было объявлено о наступлении конца

¹ Ленин В. И. Об отношении рабочей партии к религии // ПСС. Т. 17. С. 415–426; Его же. Конференция зарубежных секций РСДРП // ПСС. Т. 26. С. 161–167; Его же. Социалистическое Отечество в опасности // ПСС. Т. 35. С. 357–358.

² Его же. Социализм и религия ПСС. Т. 12. С. 146.

³ Ленин В. И. Между двух битв // ПСС. Т. 12. С. 57; Его же. Русская революция и гражданская война ПСС. Т. 34. С. 219.

истории, в понимании его как безальтернативности либеральных ценностей [21]. Проходит некоторое время, и мир, а Россия в особенности, прозревает в отношении либерализма, катастрофически потерявшего свою популярность. Обнаруживается расхождение либерализма и демократии в ее классической трактовке в качестве народовластия. Ценности свобод в идеологии либерализма и ценности большинства народа оказались не только не тождественны, но и антагонистичны. А между тем о недемократизме либерализма есть многочисленные положения в трудах Ленина. Его критика либеральной идеологии во многих аспектах звучит более актуально и системно, чем значительная часть современных антилиберальных памфлетов¹.

Резюме

Таким образом, проведенное соотношение работ Ленина с современными реалиями и тенденциями развития мира обнаруживает наличие в них когнитивных и прогностических потенциалов. Многие положения ленинских работ могут быть

с успехом методологически применены при анализе современных политических процессов, военной эскалации, роста ксенофобии и национализма, усугубляющегося противоречия между техническим прогрессом и социальным развитием, консюмеризмом и кризисом расчеловечивания. Гибель СССР и распад мировой системы социализма, как показало проведенное исследование, не свидетельствует о нефункциональности ленинской теории, а, как раз напротив, показывает последствия игнорирования сделанных им современных предупреждений. Между тем многие положения современной критики Ленина не только имеют политически ангажированный характер, но часто выстраиваются на искажении исторического контекста, а то и непосредственно ленинских идей. Соотнесение контента ленинских работ с реалиями развития современного мира позволяют констатировать роль Ленина в качестве одного из крупнейших мировых политических пророков конца XIX – начала XX вв.

Статья поступила в редакцию 16.03.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Вдовин А. И. Русские в XX веке. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 448 с.
2. Волкогонов Д. А. Ленин. Политический портрет. В двух книгах. Кн. 1. М.: Новости, 1994. 480 с.; 510 с.
3. Володский И. Истоки зла (Тайна коммунизма). М.: Солнечногорская городская типография, 2010. 94 с.
4. Гимпельсон Е. Г. Формирование советской политической системы. М.: Наука, 1995. 232 с.
5. Гончаров В. Н., Филиппов В. Н. Россия, Ленин и современный мир. Барнаул: БГПУ, 1996. 463 с.
6. Гражданская война и иностранная интервенция в СССР. М.: Советская энциклопедия, 1983. 704 с.
7. Данилкин Л. И. Ленин: пантократор солнечных пылинок. М.: Молодая гвардия, 2017. 783 с.
8. Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 1997. 608 с.
9. Котеленец Е.А. Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии. М.: АИРО-XXI, 2017. 256 с.
10. Крутов В., Верес Л. «Отцы-основоположники» коммунистического рабства (групповой портрет) // Вождь: Ленин, которого мы не знали. Саратов: Приволжское книжное издательство, 1991. С. 230–265.
11. Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. М.: Март, 1996. 336 с.
12. Мультиатули П. В. Николай II. Дорога на голгофу. М.: АСТ, Астрель, 2010. 637 с.
13. Мякшев А. П. Межнациональные отношения в СССР (1945–1985 годы): от общей Победы к кризису межэтнического доверия. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2017. 196 с.

¹ Ленин В. И. Отделение либерализма от демократии // ПСС. Т. 23. С. 370–372.

14. Мякшев А. П. Межнациональные отношения в СССР (1985–1991 годы): от кризиса межэтнического доверия к распаду единого государства. Саратов: Саратовский источник, 2018. 208 с.
15. Пайпс Р. Русская революция: в 2-х частях. Часть 1. М.: Росспэн, 1994. 398 с.; Часть 2. М.: Росспэн, 1994. 584 с.
16. Платонов О. А. Разрушение Русского царства. М.: Родная страна, 2013. 320 с.
17. Поляков Ю. А. Наше непредсказуемое прошлое: Полемиические заметки. М.: АИРО-XX, 1995. 216 с.
18. Трукан Г. А. Путь к тоталитаризму. 1917–1929. М.: Наука, 1994. 166 с.
19. Фельштинский Ю. Г. Большевики и левые эсеры. Октябрь 1917 – Июль 1918. На пути к однопартийной диктатуре. Париж: ИМКА-Пресс, 1985. 299 с.
20. Фокин А. А. «Потребительский» вариант восприятия коммунизма советским населением на рубеже 50–60-х гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 11. С. 34–41.
21. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек М.: АСТ, 2007. 588 с.
22. Чебыкин В. А. Осторожно: фальсификация ленинского образа. Астрахань: Астраханский областной фонд защиты памяти В. И. Ленина, 1992. 200 с.

REFERENCES

1. Vdovin A. *Russkiye v XX veke* [Russians in the 20th century]. Moscow, OLMA-PRESS Publ., 2004. 448 p.
2. Volkogonov D. *Lenin. Politicheskiiy portret. V 2-kh knigakh* [Lenin. Political portrait. In two books]. Moscow, Novosti Publ., 1994. 480 p.; 510 p.
3. Volodskiy I. *Istoki zla (Tayna kommunizma)* [The Sources of Evil (The Secret of Communism)]. Moscow, Solnechnogorskaya gorodskaya tipografiya Publ., 2010. 94 p.
4. Gimpel'son Ye. *Formirovaniye sovetskoy politicheskoy sistemy* [The formation of the Soviet political system]. Moscow, Nauka Publ., 1995. 232 p.
5. Goncharov V., Filippov V. *Rossiya, Lenin i sovremennyy mir* [Russia, Lenin and the modern world]. Barnaul, BGPU Publ., 1996. 463 p.
6. *Grazhdanskaya vojna i inostrannaya interventsia v SSSR* [Civil war and foreign intervention in the USSR]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1983. 704 p.
7. Danilkin L. *Lenin: pantokrator solnechnykh pylinok* [Lenin: pantocrator of solar motes]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2017. 783 p.
8. Dugin A. *Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoye budushcheye Rossii*. [Fundamentals of geopolitics. The geopolitical future of Russia]. Moscow, Arktogeya Publ., 1997. 608 p.
9. Kotelenets Ye. *Bitva za Lenina. Noveyshiye issledovaniya i diskussii* [The battle for Lenin. Latest research and discussions]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2017. 256 p.
10. Krutov V., Veres L. ["Founding Fathers" of Communist Slavery (group portrait)]. In: *Vozhd': Lenin, kotorogo my ne znali* [Leader: Lenin, whom we did not know]. Saratov, Privolzhskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1991. 288 p.
11. Latyshev A. *Rassekrechennyi Lenin* [Declassified Lenin]. Moscow, Mart Publ., 1996. 336 p.
12. Multatuli P. *Nikolay II. Doroga na golgofu* [Nicholas II. Road to Calvary]. Moscow, AST, Astrel' Publ., 2010. 637 p.
13. Myakshhev A. *Mezhnatsional'nyye otnosheniya v SSSR (1945–1985 gody): ot obshchey Pobedy k krizisu mezhetnicheskogo doveriya* [Interethnic relations in the USSR (1945–1985): from a common Victory to a crisis of interethnic trust]. Saratov: Saratovskiy universitet Publ., 2017. 196 p.
14. Myakshhev A. *Mezhnatsional'nyye otnosheniya v SSSR (1985–1991 gody): ot krizisa mezhetnicheskogo doveriya k raspadu yedinogo gosudarstva* [Interethnic relations in the USSR (1985–1991): from the crisis of interethnic trust to the collapse of a single state]. Saratov: Saratovskiy istochnik Publ., 2018. 208 p.
15. Pipes R. *Russkaya revolyutsiya: v 2-kh chastyakh* [Russian revolution: in 2 parts]. Part 1. Moscow, ROSSPEN Publ., 1994. 398 p.; Part 2. 584 p.
16. Platonov O. *Razrusheniye Russkogo tsarstva* [The destruction of the Russian kingdom]. Moscow, Rodnaya strana Publ., 2013. 320 p.
17. Polyakov Yu. *Nashe nepredskazuyemoye proshloye: Polemicheskiye zametki* [Our Unpredictable Past: Polemic Notes]. Moscow, AIRO-XX Publ., 1995. 216 p.

18. Trukan G. *Put' k totalitarizm, 1917 – 1929* [The path to totalitarianism. 1917–1929]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 166 p.
19. Felshtinsky Yu. *Bol'sheviki i levyye esery. Oktyabr' 1917 – Iyul' 1918. Na puti k odnopartiynoy diktature* [Bolsheviks and Left Social Revolutionaries. October 1917 – July 1918. On the way to a one-party dictatorship]. Paris, IMKA-Press Publ., 1985. 299 p.
20. Fokin A. [The "consumer" version of the perception of communism by the Soviet population at the turn of the 50-60s]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2007, no. 11, pp. 34–41.
21. Fukuyama F. *Konets istorii i posledniy chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow, AST Publ., 2007. 588 p.
22. Chebykin V. *Ostorozhno: fal'sifikatsiya leninskogo obraza* [Caution: falsification of the Leninist image]. Astrakhan, Astrakhanskiy oblastnoy fond zashchity pamyati V. I. Lenina Publ., 1992. 200 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: vardanb@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vardan E. Bagdasaryan – Doctor in Historical sciences, professor and Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Moscow State Regional University;
e-mail: vardanb@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В. Э. Политические пророчества В. И. Ленина в фокусе актуальных вызовов развития России и человечества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 2. С. 8–23.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-8-23

FOR CITATION

Bagdasaryan V. Political Prophecies of V. Lenin in the focus of current challenges in the development of Russia and humanity. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 2, pp. 8–23.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-8-23

УДК 321

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-24-34

ЛЕНИН И ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Шульц Э. Э.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация***Аннотация.**

Целью статьи является выявление особенностей государственной модели России в теоретических воззрениях Ленина на постреволюционное развитие страны.

Процедура и методы исследования. Автором проанализированы работы В. И. Ленина и К. Маркса для определения расхождений и преемственности, рассмотрены идеи и модели экономического и политического развития той эпохи как в теоретическом русле, так и в практическом.

Результаты проведённого исследования. Ленин использовал существующие в Европе и достаточно популярные идеи развития в экономике и политической сфере и создал оригинальную модель государства. Русская революция, благодаря Ленину, стала первой революцией, в которой так ярко проявились идеи модернизации по западному образцу и построения самого прогрессивного строя путем перепрыгивания через этапы развития, с целью догнать и обогнать передовые капиталистические страны. При этом, имея ориентиром западный образец, огромное количество национальных и культурно-исторических особенностей Русской революции сделали ее образцом для подражания в большинстве революций XX в., превратили ее в новую модернизационную модель.

Теоретическая/практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при преподавании курса отечественной истории.

Ключевые слова: марксизм, В. И. Ленин, Русская революция, теория революции, концепция модернизации

LENIN AND CHARACTERISTIC FEATURES OF THE RUSSIAN REVOLUTION

E. Shults*Moscow Region State University**24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation***Abstract.**

Aim. To identify the specific features of the Russian state model in Lenin's theoretical views on the post-revolutionary development of the country.

Methodology. In order to determine the contradiction and consistency of the works of Lenin and Marx, the author analyzed the ideas of that era and examined the models of the economic and political development, both theoretically and in practical terms.

Results. The analysis showed that Lenin created an original state model relying on the ideas of developing the economic and political sphere, which were popular in Europe at that time. Thanks to Lenin, the Russian revolution was the first revolution, which attempted to realize the ideas of modernization according to the Western model and to construct the most progressive system by jumping over the stages of development in order to catch up and overtake the advanced capitalist

economies. At the same time, although being created according to the Western model, the Russian revolution was characterized by numerous national, cultural and historical features. These specific features made the Russian revolution a role model for most revolutions of the 20th century and a new modernization model.

Research implications. The results of the study can be used in teaching national history courses.

Keywords: theory of revolution, modernization in revolution, modernization theory, consequences of revolutions

Введение и постановка проблемы

Статья посвящена определению в теоретических воззрениях Ленина особенностей государственной модели России для постреволюционного развития страны. Тема представляет высокую степень актуальности в связи с ростом интереса в исследовательской и общественной мысли к проблемам Русской революции и постреволюционного развития страны, что обусловлено настоящей необходимостью понять и дать объяснение этому этапу Российской истории, особенно в свете 100-летнего юбилея самой революции и 150-летнего юбилея со дня рождения В. И. Ленина.

В рамках данной статьи мы рассмотрим вопросы, которые имеют большой отклик в научной литературе, но вызывают острые дискуссии: 1) искажены ли у Ленина идеи Маркса; 2) пролетарская революция, согласно теории Маркса, не могла произойти в России. Поясним последний тезис: в России уже случилась революция ее уровня – Февральская буржуазная (и даже – буржуазно-демократическая), поэтому новый переворот 25 октября 1917 г. сделал революцию какой-то не такой и повел страну по неправильному пути. Интересно, что данную логику часто разделяют представители абсолютно противоположных лагерей: и марксисты, и антимарксисты [13, с. 5–6, 317–323, 325–335].

Спорить о том, что только октябрьский этап Русской революции сделал эту революцию великой, не имеет смысла: именно преобразования большевиков были самыми радикальными и принципиально изменили политический строй, социальную структуру, экономику и

культуру российского общества, и именно эти изменения позволили создать мировую сверхдержаву (государство, не прибегая к акценту на его международной, военной и экономической силе, на протяжении определенного периода с самой передовой социальной сферой и национальным законодательством даже в сравнении с самыми развитыми странами).

Историческая действительность и задача ускоренной модернизации страны действительно определили ряд характерных особенностей Русской революции. Но сохраняется вопрос, насколько пути, которые выбирал Ленин, были ошибочными и нелогичными?

«Ленин искажил Маркса»

Остановимся на этом утверждении – Ленин искажил идеи Маркса, предал Маркса в понимании революции – мнению, популярном среди современников Русской революции и исследователей [5, с. 16; 8, с. 939; 17, р. 8].

Да, Маркс считал, что пролетарская революция победит тогда, когда промышленный пролетариат будет представлять «значительное место в народной массе»¹, но при этом Маркс называл пролетарскими революцию во Франции 1848–49 гг. и одновременные ей события в Германских землях, а также Парижскую коммуну 1871 г.², когда промышленный

¹ Маркс К. Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-ое. Т. 18. М.: Политиздат, 1961. С. 612.

² Его же. Буржуазия и контрреволюция // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 6. С. 114–115; Его же. Гражданская война во Франции. Воззвание генерального Совета Международного Товарищества рабочих // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 17.

пролетариат мог претендовать на роль значительной социальной группы только в границах нескольких крупных городов, но никак не всей Франции или Германии. Маркс рассматривал возможность прогрессивного скачка через революцию. Представления Маркса о том, как должна осуществляться такая революция и как будет выглядеть общество после нее, строились на примерах этих несостоявшихся попыток, причем, что естественно, эти представления были весьма фрагментарны и утопичны. Но главное здесь не то, следовал ли Ленин дословно «указаниям Маркса». От Ленина оппоненты требовали следовать догме – чему-то раз и навсегда устоявшемуся, превращенному в священный текст для поклонений, – Ленин же следовал принципам Маркса в диалектике и приспособлял его учение к конкретной обстановке и требованиям момента.

Увлекаясь борьбой идей в оценке Русской революции, необходимо понимать, что это проблема идеологии и общественной мысли. Одна сторона тогда верила в далекую пролетарскую революцию (эсеры и меньшевики) и самый справедливый строй, который она когда-нибудь обязательно принесет, другая (большевики) – понимала, что поднять в начале XX в. массы на революцию, увлекая их перспективой сделать такую же революцию, как во Франции более столетия назад, было делом нереальным, тем более сложно обосновать новый этап и большевистский переворот, если требуемая временем революция уже произошла в феврале.

Споры о революции в России крутились вокруг достаточной зрелости и незрелости условий для пролетарской революции. Эсеры и большевики считали, что профессиональные революционеры могут содействовать ускорению револю-

ции и направлению масс, меньшевики настаивали на ожидании вызревания условий. Русский теоретик марксизма Г. В. Плеханов убеждал, что социализм не построить на бунтарстве, насилии сверху и патриархальном коллективизме снизу [7, с. 225].

Маркс считал возможной революцию в России, несмотря на ее отсталость в сравнении с европейскими странами¹. В том числе идеи «перепрыгивания», реализации более прогрессивных этапов революций уже присутствовали у Маркса. Например, оценивая революции 1848–49 гг. в раздробленной имперской Германии, которая не знала буржуазной революции, Маркс полагал, что эти революции решали устаревшие задачи и переросли сами себя². Так что Ленин имел полные основания предполагать возможность в России – отсталой с точки зрения развития капитализма стране – прогрессивной пролетарской революции.

На утверждение, что Россия не доросла до социализма, в ней нет для этого объективных экономических предпосылок, Ленин отвечал: почему нельзя начать с завоевания через революцию предпосылок для этого необходимого уровня, а затем, опираясь на рабоче-крестьянскую власть и советский строй, двинуться догонять другие народы³. Ленин соглашался с критиками, что большевики готовятся проводить реформы в недостаточно культурной стране, что политический и социальный переворот предшествовал необходимому культурному, но эти перевороты привели к тому, что Россия теперь стоит перед лицом культурной революции⁴.

Для того чтобы понимать мышление и поведение революционеров в 1917–

С. 339, 347, 366; Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. С. 435; Его же. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С. 378.

¹ Маркс К. Об освобождении крестьян в России // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 12. С. 701.

² Его же. Буржуазия и контрреволюция // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 6. С. 115.

³ Ленин В. И. О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова) // Полное собрание сочинений (ПСС). Т. 45. С. 380–381.

⁴ Его же. О кооперации // ПСС. Т. 45. С. 377.

1919 г. (не только русских, но и венгерских, немецких и др.), необходимо во многом принимать в расчет фактор мировой революции.

Вожди «Октябрьской революции» считали, что «социалистическая революция» не может победить в изолированной России, но она своим началом и размахом должна вызвать «мировой революционный пожар». Задачу партии они видели в захвате власти, объявлении победы пролетарской революции в первой стране и удержании власти на срок, достаточный для того, чтобы спровоцировать «пожар» в развитых странах, которые придут на помощь новой России¹. В сентябре 1917 г. Ленин с уверенностью писал о кануне мировой революции, «признаки которой наблюдаются буквально во всем»². Ленин отчаянно ждал революции в Германии. Ждал весь 1918 и 1919 г. Согласно его убежденности революция в России должна только подтолкнуть мировой пролетариат, особенно в Германии, на которую Ленин рассчитывал с точки зрения индустриального развития. Россия – страна аграрная и слабо развитая в промышленном отношении, поэтому объединение промышленности Германии и сельского хозяйства России смогли бы дать полноценную социалистическую общность. Ленин свято верил в победу революции в Германии и повторял как мантру: «Революция безусловно идет и неминуема»³. Казалось, что этой надежде суждено было сбыться, но попытки исторических решений по русскому образцу в Германии и Венгрии провалились.

После поражения европейской революционной волны и победы большевиков в Гражданской войне дела государственные стали отодвигать расчеты на мировую революцию на второй и третий

план. Необходимо было восстанавливать международное положение страны и поднимать экономику: концессии, переговоры с иностранцами о восстановлении производства, продажа собственности за рубеж, перепродажа европейских товаров и т. д. теперь могли проводиться в ущерб коммунистическому движению в разных странах⁴.

У Маркса абсолютно отсутствовало представление о том, как будет жить мир при коммунизме: он оставил лишь некоторые замечания, ставя в пример опыт Парижской коммуны [14]. Следует отметить, что революционная Россия попыталась воплотить на деле эти замечания. В России по образцу Парижской коммуны, как завещал Маркс⁵, была проведена советизация всей страны от большого города до деревни. Идеи Маркса о дешевом правительстве, о перестройке армии и создании народной милиции⁶, попытались воплотить в жизнь, но жизнь оказалась сильнее фантазий. Даже самые утопические высказывания Маркса, например, об отмене семьи и общности жен⁷, нашли отражение и в быту, и в законодательстве (только в 1930-е гг. был законодательно возвращен статус института семьи).

Ленин признавал экономическую отсталость России и замедленный характер развития страны⁸: «Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России на известное, может быть очень короткое, время застрельщиком революционного пролетариата всего мира. Россия – крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. Непосред-

¹ Его же. Прощальное письмо к швейцарским рабочим // ПСС. Т. 31. С. 93.

² Его же. Кризис назрел // ПСС. Т. 34. С. 272–283.

³ Ленин В. И. Письмо Я. М. Свердлову, Л. Д. Троцкому, 1.X. 1918 // ПСС. Т. 50. С. 185; Его же. Речь при открытии памятника Марксу и Энгельсу 7 ноября 1918 г. // ПСС. Т. 37. С. 170.

⁴ Его же. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М.: Политиздат, 2000. С. 437, 439–440, 444, 447–448.

⁵ Маркс К. Гражданская война во Франции. Воззвание генерального Совета Международного Товарищества рабочих // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 17. С. 343, 345, 366.

⁶ Там же. С. 339–345.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. С. 443, 444.

⁸ Ленин В. И. Прощальное письмо к швейцарским рабочим // ПСС. Т. 31. С. 91, 93.

ственно в ней не может победить тотчас социализм»¹.

При этом для того, чтобы подвести экономическую базу под пролетарскую революцию, чего требовал марксистский подход, идеологи шли различными путями. Так, например, Троцкий использовал следующий ход. Он утверждал, что «в то время как крестьянское земледелие, в главной массе своей, оставалось до самой революции чуть ли не на уровне XVII столетия, промышленность России, по своей технике и капиталистической структуре, стояла на уровне передовых стран, а в некоторых отношениях даже опережала их» [9, с. 39]. Этот уровень определялся количеством рабочих на крупных предприятиях и их концентрацией. «При приблизительно одинаковом удельном весе средних и крупных предприятий, в 100 – 1000 рабочих, предприятия-гиганты, свыше 1000 рабочих каждое, занимали в С. Штатах 17,8% общего числа рабочих, а в России – 41,4%! Для важнейших промышленных районов последний процент еще выше: для петроградского – 44,4%, для московского – даже 57,3%. Подобные же результаты получатся, если сравним русскую промышленность с британской или германской. Этот факт, впервые установленный нами в 1908 г., трудно укладывается в банальное представление об экономической отсталости России. А между тем он не опровергает отсталости, а лишь диалектически дополняет ее» [9, с. 39–40]. Другой путь был связан с подсчетом количества стачек и бастующих, которые, в связи с неоднократным участием одних и тех же людей в них, давали впечатляющие цифры² [9, с. 60].

«Страна зашла не туда»

Постреволюционная программа Ленина (когда надежды на мировую революцию не оправдались) стала опираться

на идею догнать в экономическом развитии ведущие мировые державы, что не только улучшит жизнь собственных граждан, но и приблизит страну к необходимым условиям перехода к коммунизму, а также продемонстрирует всему миру путь к пролетарской революции и новой формации. И здесь от расплывчатых описаний Маркса пришлось переходить к конкретным социально-экономическим планам.

Позволим себе остановиться подробнее на выводах Пола Грегори, настаивающего, что Россия накануне I Мировой войны стояла на уровне основных экономических держав, занимая четвертое место среди пяти крупнейших развитых стран. Грегори утверждает, что экономика России принадлежала к группе наиболее быстро развивающихся стран, была хорошо интегрирована в мировую экономику, и уровень ее роста был относительно высоким [20, р. 192–194].

Экономический потенциал России, по мнению Грегори, концентрировался в аграрном секторе, но и промышленное развитие выглядело вполне успешно [3, с. 20–21]; предвоенную Россию отличали финансовая стабильность государства и рост иностранных инвестиций [3, с. 38, 42]. Реальная заработная плата в сельском хозяйстве росла [3, с. 37], «производство и потребление сельскохозяйственной продукции с начала 1880-х гг. до 1905 г. росли быстрее, чем сельское население» [3, с. 54].

П. Грегори, подчеркивает, что российская экономика росла на уровне британской, германской, норвежской и итальянской, но заметно медленнее, чем экономика США, Канады, Австралии, Японии, Швеции и Дании [3, с. 25]. Единственным фактором, по мнению Грегори, помешавшим России стать одной из ведущих экономических держав мира, был исключительно низкий уровень душевого дохода [3, с. 20–21]. В чем Россия разительно уступала развитым странам, считает П. Грегори, так это в уровне до-

¹ Там же. С. 91.

² Ленин В. И. О статистике стачек в России // ПСС. Т. 19. С. 379–385; Его же. Уроки революции // ПСС. Т. 19. С. 421.

хода на душу населения: 1/3 от состояния Франции, 1/4 – от Германии, 1/5 – от Великобритании, 12% – от уровня США [20, p. 194].

И здесь мы наталкиваемся на тот факт, что ничего нового с точки зрения цифр мы не получаем. Эти же данные использовались и в советской статистике и науке. К тому, что национальный доход на душу населения в России в 1913 г. уступал Германии в 2,9 раза, Франции – в 3,5 раза, Англии – в 4,3 раза, США – в 6,8 раза [4, с. 348], следует добавить и еще один весьма значимый показатель: по объему промышленного производства в 1913 г. Россия уступала Франции – в 2,5 раза, Англии – в 4,6 раза, Германии – в 6 раз, США – в 14,3 раза [4, с. 288].

И вот эти цифры говорят о том, что успешность и благополучие российской экономики на 1913 г. – это иллюзия. Разрыв с ведущими странами был непреодолим, даже если сократить отставание в уровне промышленного развития представлялось невозможным. Отсюда и рождались вопросы о методах и путях преодоления отсталости желательны за короткий исторический промежуток времени.

Обратим внимание и еще на одну важную группу фактов. П. Грегори вынужденно соглашается, что наиболее серьезной проблемой России была ее неспособность снизить уровень детской смертности, однако отмечает, что высокие темпы смертности на фоне высоких темпов рождаемости давали в общем демографические изменения, которые незначительно отличались от средних европейских показателей [3, с. 23]. Это действительно так, но, во-первых, этот сверхвысокий уровень рождаемости стал временным всплеском и не мог длиться долго, а во-вторых, демографические цифры выглядели удручающе. Так, младенческая смертность в 1906–1910 гг. в России составляла – 247 на тысячу родившихся, во Франции – 128, в Германии – 174, в Англии – 117, в США – 121 на тысячу человек. Продолжительность жизни в 1907–10 гг. у православного

населения России – 32 года для мужчин, 34 года для женщин; во Франции – 47 и 50 лет, в Германии – 46 и 49 лет, в Англии – 50 и 53 года, в США – 49 и 52 года соответственно [1, с. 13]. Разрыв с ведущими мировыми державами выглядел просто катастрофическим.

Итак, во-первых, Россия генерировала большую часть своего валового продукта в аграрном секторе, что и создавало экономическую отсталость, которая в индустриальных возможностях страны очень болезненно проявилась в ходе Первой мировой войны. Во-вторых, Россия отставала в экономическом плане только от стран, где революции уже произошли (за исключением на тот момент Германии, чей особый путь развития вывел ее в ранг лидирующих стран). Это в том числе давало основания полагать части революционеров (Ленину), что революция позволит сделать экономический скачок, такой же, какой можно было бы приписывать развитым постреволюционным странам, а возможно, за счет более направленного движения, даже и более быстрый прорыв в развитии. А задача догнать ведущие страны по уровню промышленного производства вполне осознавалась в стране, и в стане революционеров, и среди интеллигенции. Более высокий промышленный уровень должен был обеспечить повышенные возможности государства, подъем уровня благосостояния населения, улучшение медицинского обслуживания и образования, совершенствование материально-технической базы сельского хозяйства и т. д.

Гар Офер в своем исследовании советской экономики делает справедливое замечание: «Для стран, позже начавших промышленное развитие, характерно два источника напряженности. Во-первых, это желание быстро уменьшить разрыв в доходах по отношению с наиболее развитыми странами. Во-вторых, худшие стартовые условия для роста, чем были у развитых стран, что порождает стремление к более решительным и радикальным

шагам во всех сферах, к выбору иных путей развития» [22, р. 3].

Теперь обратимся к экономическим моделям развития, которые представляли интерес для начала XX в. И здесь сразу же обращает на себя внимание модель немецкого государственного монополизма, которая в короткие сроки вывела Германию в ведущие государства Европы.

Немецкая модель отличалась особо большой ролью государства в экономике, и это позволяло усилить мобилизационные ресурсы и обеспечить быстрый подъем страны. В России элементы такого регулирования использовались до Первой мировой войны, а в ее годы были усилены, революция же фактически завершила переход к крайней форме государственного капитализма [2, с. 32; 12, с. 209].

Ленин уделил особое внимание проблемам государственно-монополистического капитализма при разработке теории империализма, как высшей стадии капитализма. Кроме того, он отмечал, что мировая война ускорила переход к государственно-монополистическому капитализму во всех развитых капиталистических странах¹.

Современные исследования только подтверждают выводы Ленина. Так, ведущий британский историк Э. Хобсбаум констатирует, что «уже в 1913 году капиталистическая экономика быстрыми темпами двигалась к созданию системы крупных корпораций, поддерживаемых, опекаемых и даже до известной степени руководимых правительствами» [12, с. 209]. Один из крупнейших историков-экономистов Германии Вольфрам Фишер пришел к выводам, что в период I Мировой войны мы сталкиваемся с новым качественным уровнем вмешательства государства в экономическую жизнь: государство берет на себя все больше функций в контроле производства и регулировании трудовых отношений. Причем этот процесс не утихает

даже в развитых странах в период между двумя мировыми войнами: «во многих странах Европы государство осуществляло прямое, массированное вмешательство в повседневную экономическую жизнь» [10, с. 263]. Избежать процессов усиления государственного нормирования смогли только Скандинавские страны, Швейцария и Нидерланды [10, с. 283]. Даже в США – стране самой либеральной экономики – в период Великой депрессии, считает американский историк и экономист Роберт Хиггс, получили второе рождение многие государственные программы, действовавшие в период I Мировой войны [11, с. 344–345].

Теперь о политической системе. В первой трети XX в. демократия переживала не лучшие времена, будучи дискредитирована коррупцией, плутократией и демагогией. Демократию критиковали с точки зрения классово-ограниченности (левые), с позиций осуждения власти «безумной толпы» и неразумного большинства (правые и центристы). Неутешительный диагноз, что демократическая власть не в состоянии быть эффективной в современном обществе, западным демократиям вынесла большая часть европейской интеллигенции [6, с. 206–207]. Отсюда логически вытекал поиск идей более эффективных форм государства и политической системы.

Для Ленина демократия – это «одна из форм буржуазного государства»². Демократические институты и буржуазные свободы он считал «фетишами мещанской демократии»³. Ленин уверен в невозможности настоящей демократии в буржуазном обществе, так как «эксплуататор не может быть равен эксплуатируемому»⁴.

² Ленин В. И. Заключительное слово по докладу Совета Народных комиссаров 12 (25) января. Третий Всероссийский съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 10–18 (23–31) января 1918 г. // ПСС. Т. 35. С. 280.

³ Его же. Новые времена, старые ошибки в новом виде // ПСС. Т. 44. С. 102.

⁴ Его же. Пролетарская революция и ренегат Каутский // ПСС. Т. 37. С. 262.

¹ Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // ПСС. Т. 33. С. 3.

Для Ленина есть демократия для бедных и демократия для богатых, и нет демократии в обществе, разделенном на классы. Так, демократия для рабовладельцев в античном обществе не распространялась на рабов¹.

Ленин был уверен, что демократия должна рассматриваться не как тот строй, который царит на западе, и в котором, в сущности «голоса народа» практически нет, и не как абстрактная система народовластия, а как система, служащая интересам трудового народа. При этом права и свободы каждого индивидуума в этой системе должны подчиняться классовым интересам². Ленин считал глупостью равные избирательные права для рабочих и крестьян и для представителей классов-эксплуататоров.

Реакцией на недостатки демократии стали авторитарное правление, однопартийная система, различные модели социальной и политической мобилизации. В России, в которой не было демократического опыта, подобные авторитарные идеи стали, по большей части, влиянием идей интернациональных, в том числе, реакцией части русской интеллигенции на европейские реалии.

Заключение (или оценка проекта)

Как можно оценить оригинальную по тем временам политико-социально-экономическую модель, заложенную Лениным?

Проблема модернизации государств и модернизации в ходе революции стала серьезно разрабатываться в западном обществе в 50–60-е гг. XX в. [15, с. 201–202]. Основу научной разработки модернизационной теории в послевоенные десятилетия заложили Т. Парсонс, Э. Шилз, У. Ростоу, а в 1960–70-х проблеме модернизации в революции уделяли внимание все или почти все исследователи теории революции (из самых влиятельных сегодня авторов и концепций отметим рабо-

ты Самюэля Хантингтона (1968), Шмуэля Эйзенштадта (1978 г.), Теды Скокпол (1979 г.) [18; 21; 23]). И толчком к этим теоретическим изысканиям стала Русская революция и ее последствия и влияние.

Венцом этих исследований стала концепция о множественной модернизации, согласно которой западные образцы современности, хотя и являются историческими предшественниками и продолжают быть основным ориентиром, не являются единственными образцами и путями модернизации: 1) модернизация и вестернизация – это не идентичные процессы и понятия [19, с. 27]; 2) революции XX в. привели к модернизации обществ иных типов, нежели «западная модель» [16, с. 15, 31, 52–53, 57, 83, 223, 262, 374].

Таким образом, спустя полвека после Русской революции, были подтверждены (и нашли научное обоснование) те концепты, которые выдвинул и заложил в основу развития России Ленин.

Великая французская революция выступала шаблоном для революций XIX в. и начала XX в., но после Русской революции 1905–1922 гг.³ именно последняя стала новым образцом. Во-первых, это было связано с тем, что страны, в которых еще не произошли революции, были сильно далеки в своем развитии от западных образцов. Во-вторых, Русская революция была более современной с технологической и технической точек зрения. Но главное – Русская история утвердительно ответила на вопрос о возможности направленной и форсированной социально-экономической модернизации в результате революции, что дало иной путь модернизации, который стал более приемлемым для стран Латинской Америки, Африки и Юго-Восточной Азии.

Статья поступила в редакцию 16.03.2020

¹ Там же. С. 249.

² Там же. С. 258.

³ Авторская датировка, как и авторское возрождение термина «Русская революция» (русская, а не принятое в советской историографии наименование – российская).

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишневецкий А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. 2-е изд. М.: ВШЭ, 2010. 430 с.
2. Грациози А. Война и революция в Европе 1905–1956. М.: РОССПЭН, 2005. 288 с.
3. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2003. 256 с.
4. Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. II. Капитализм. М.: Госполитиздат, 1948. 736 с.
5. Мережковский Д. С., Гиппиус З. Н., Философов Д. В., Злобин В. А. Царство Антихриста. Мюнхен: Дрей Маскен Верлаг, 1922. 268 с.
6. Парето В. Трансформация демократии / Пер. с итальянского. М.: Территория будущего, 2011. 208 с.
7. Плеханов Г. В. Избранные философские произведения в пяти томах. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1956. 848 с.
8. Степун Ф. А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. 998 с.
9. Троцкий Л. Д. История русской революции. В 2-х т. / Общ. ред. и вступ. ст. Н. Васецкого. Т. 1: Февральская революция. М.: Терра, 1997. 464 с.
10. Фишер В. Европа: экономика, общество и государство. 1914–1980 / Пер. с нем. М.: ВЛАДОС, 1999. 368 с.
11. Хиггс Р. Кризис и Левиафан: Поворотные моменты роста американского правительства / Пер. с англ. Б. С. Пинскера, под ред. А. В. Куряева. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. 500 с.
12. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Пер. с англ. СПб.: Алетейя, 1998. 306 с.
13. Шульц Э. Э. Великая русская революция (1905–1922 гг.): Причины. Последствия. Технологии. События и люди. М.: ЛЕНАНД, 2019. 400 с.
14. Шульц Э. Э. Теория революции: Маркс и марксизм // Приволжский научный вестник. 2014. № 2 (30). С. 188–194.
15. Шульц Э. Э. Теория революции: революции и современные цивилизации. М.: ЛЕНАНД, 2016. 400 с.
16. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.
17. Dunn J. Modern Revolutions: An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon. Cambridge: Cambridge University Press. 1972. 350 p.
18. Eisenstadt S. Revolution and the transformation of societies: a comparative study of civilizations. N. Y.: Free Press, 1978. 348 p.
19. Eisenstadt S. Some Observations on Multiple Modernities // Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations / Ed. by Dominic Sachsenmaier, Shmuel Noah Eisenstadt, Jens Riedel. BRILL, 2002. P. 27–41.
20. Gregory P. Russian National Income, 1885–1913. Cambridge University Press, 2004. 376 p.
21. Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. New Haven, London: Yale University Press, 1968. 488 p.
22. Ofer G. Soviet Economic Growth: 1928–1985. RAND/UCLA, Center for the Study of Soviet International Behavior, 1988. 102 p.
23. Skocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge University Press, 1979. 407 p.

REFERENCES

1. Vishnevskii A. *Serp i rubl'. Konservativnaya modernizatsiya v SSSR* [Sickle and rouble. Conservative modernization in the USSR]. Moscow, VShE Publ., 2010. 430 p.
2. Graziosi A. *Voyna i revolyutsiya v Evrope, 1905–1956* [War and revolution in Europe, 1905–1956]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005. 288 p.
3. Gregory P. *Ekonomicheskii rost Rossiiskoi imperii (konets XIX – nachalo XX veka. Novue podscheti I otsenki* [Economic growth of the Russian Empire (late XIX – the beginning of XX century). New calculations and evaluation]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003. 256 p.
4. Lyashchenko P. *Istoriya narodnogo khozyaystva SSSR. T. II. Kapitalizm* [History of the national economy of the USSR. T. II. Capitalism]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1948. 736 p.

5. Merezhkovskii D., Gippius Z., Filosofov D., Zlobin V. *Tsarstvo Antikhrista* [The Kingdom Of The Antichrist]. Munich, Drei Masken Publ., 1922. 268 p.
6. Pareto V. *Transformatsiya demokratii* [The transformation of democracy]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2011. 208 p.
7. Plekhanov G. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya v pyati tomakh. T 1* [Selected philosophical works in five volumes. Vol. 1]. Moscow, Gospolitizdat, 1956. 848 p.
8. Stepun F. *Sochineniya* [Works]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. 998 p.
9. Trotskii L. *Istoriya russkoi revolyutsii. V 2 t. / Obshch. red. i vstup. st. N. Vasetskogo. T. 1: Fevral'skaya revolyutsiya* [The history of the Russian revolution in 2 vols. General. ed. and introd. article N. Of vasetsky. Vol. 1: the February revolution]. Moscow, Terra Publ., 1997. 464 p.
10. Fisher V. *Evropa: ekonomika, obshchestvo i gosudarstvo, 1914–1980* [Europe: economy, society and the state, 1914–1980]. Moscow, VLADOS Publ., 1999. 368 p.
11. Higgs P. *Krizis i Leviafan: Povоротные моменты роста американского правитель'stva* [Crisis and Leviathan: critical junctures, the growth of American government]. Moscow, IRISEN, Mysl' Publ., 2010. 500 p.
12. Hobsbawm E. *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda* [Nation and nationalism since 1780 /Per. from English]. St-Petersburg, Aleteiya Publ., 1998. 306 p.
13. Shults E. *Velikaya russkaya revolyutsiya (1905–1922 gg.): Prichiny. Posledstviya. Tekhnologii. Sobytiya i lyudi* [The great Russian revolution (1905–1922 gg.): Reasons. Consequences. Technology. Events and people]. Moscow, LENAND Publ., 2019. 400 p.
14. Shults E. [Theory of revolution: Marx and Marxism]. In: *Privolzhskii nauchnyi vestnik*, 2014, no. 2 (30), pp. 188–194.
15. Shults E. *Teoriya revolyutsii: revolyutsii i sovremennye tsivilizatsii* [Theory of revolution: revolution and modern civilization]. Moscow, LENAND Publ., 2016. 400 p.
16. Eisenstadt S. *Revolutsiya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii* [Revolution and transformation of societies. A comparative study of civilizations]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1999. 416 p.
17. Dunn J. *Modern Revolutions: An Introduction to the Analysis of a Political Phenomenon*. Cambridge, Cambridge University Press. 1972. 350 p.
18. Eisenstadt S. *Revolution and the transformation of societies: a comparative study of civilizations*. N. Y., Free Press, 1978. 348 p.
19. Eisenstadt S. Some Observations on Multiple Modernities. In: Sachsenmaier D., Eisenstadt S., Riedel J., eds. *Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations*. BRILL, 2002, pp. 27–41.
20. Gregory P. R. *Russian National Income, 1885–1913*. Cambridge University Press, 2004. 376 p.
21. Huntington S. P. *Political Order in Changing Societies*. New Haven, London, Yale University Press, 1968. 488 p.
22. Ofer G. *Soviet Economic Growth: 1928–1985*. RAND/UCLA, Center for the Study of Soviet International Behavior, 1988. 102 p.
23. Skocpol T. *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge University Press, 1979. 407 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шульц Эдуард Эдуардович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: nuap1@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eduard E. Shults – PhD in Historical sciences, associate professor at the Department of Middle Ages and Modern Times Russian History, Moscow Regional State University;
e-mail: nuap1@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шульц Э. Э. Ленин и характерные особенности Русской революции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 2. С. 24–34.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-24-34

FOR CITATION

Shults E. Lenin and characteristic features of the Russian Revolution. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 2, pp. 24–34.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-24-34

УДК 21:322

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-35-50

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ В. И. ЛЕНИНА К ПРАВОСЛАВНОМУ ДУХОВЕНСТВУ ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ 1917 Г.

Ивашов Л. Г.¹, Хмуркин Г. Г.²

¹ Академия геополитических проблем

109 552, Москва, Рязанский пр-т, д. 74, корп. 1, Российская Федерация

² Институт российской истории РАН

117 292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Анализ основных источников концепции отдельных отечественных исследователей о массовом уничтожении духовенства в первые годы советской власти.

Процедура и методы исследования. В статье рассмотрены три наиболее часто цитируемых источника, приведены результаты проверки их достоверности, проанализирован исторический контекст их возникновения, а также последовавшие за ними события. Проведено сопоставление с другими источниками; сделан вывод о том, каково было положение духовенства и каковы были взаимоотношения между Лениным и духовенством в 1917 – середине 1920-х гг.

Результаты проведённого исследования. Показана несостоятельность точки зрения о массовом уничтожении духовенства в первые послереволюционные годы, приведены иллюстрации вполне доброжелательного отношения Ленина к духовенству и положительного характера ленинских преобразований, коснувшихся религиозной жизни народа.

Теоретическая/практическая значимость. Результаты исследования повышают строгость историко-политического осмысления и описания церковно-государственных отношений в первые послереволюционные годы.

Ключевые слова: В. И. Ленин, Русская Православная Церковь, духовенство, революция и гражданская война в России, террор

TO THE QUESTION OF V. I. LENIN'S ATTITUDE TOWARDS THE ORTHODOX CLERGY AFTER 1917

L. Ivashov, G. Khmurkin

¹ Academy of geopolitical problems

74/1, Ryazansky prospect, Moscow, 109 552, Russian Federation

² The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

19, Ulitsa Dmitriya Ul'yanova, Moscow, 117292, Russian Federation

Abstract.

Aim. To analyze the main sources of the concept pursued by individual domestic researchers about the mass destruction of the clergy in the first years of Soviet power.

Methodology. The article considers three most frequently cited sources, presents the results of checking their authenticity and analyzes the historical context of their occurrence, as well as the events that followed. The findings are subsequently compared with other sources, and a conclusion is drawn about the position of the clergy and its relationship with V.I. Lenin in the period from 1917 to the middle of the 1920s.

Results. The study shows the inconsistency of the point of view on the mass annihilation of the clergy in the first post-revolutionary years and provides illustrations of the quite benevolent attitude of V.I. Lenin to the clergy and the positive nature of the transformations that affected the religious life of the people.

Research implications. The results of the study increase the rigor of the historical and political understanding and description of Church-state relations in the first post-revolutionary years.

Keywords: Vladimir Lenin, Russian Orthodox Church, clergy, Russian revolution, Russian Civil war, persecution, terror

Вводное слово

Фигура Ленина стала одной из крупнейших в истории XX в. Его идеи и общественно-политическая деятельность оказали влияние не только на судьбу народов СССР, но и на мир в целом. Даже сегодня, после разрушения Советского Союза, это влияние, несомненно, велико и за пределами Российской Федерации. В средствах массовой информации не утихают дебаты о Мавзолее на Красной площади. Попытки украинских политиков выставить образ Ленина в качестве символа «ненавистой России» привело к тому, что сносятся и оскверняются памятники вождю революции, обостряются отношения между братскими народами [6, с. 6]. Продолжаются дискуссии о политическом наследии вождя революции и в академической среде, до консенсуса, если он вообще возможен, здесь еще очень далеко.

Вплоть до конца 1980-х – начала 1990-х гг. личность Ленина была одним из главных, стержневых символов страны, это накладывало существенный отпечаток на его официальную биографию и презентацию в массовой культуре – изобразительном искусстве и кинематографе. Авторы следовали определенному сформировавшемуся канону жизнеописания Ленина, не раскрывались конкретные «неудобные» документы, отдельные моменты его личной жизни. Перестройка 1985–1991 гг., провозгласившая гласность и свободу слова, кардинально поменяла ситуацию: журналисты, писатели-публицисты, представители духовенства, политики и ряд профессиональных историков заполнили российскую информа-

ционную среду таким валом «сенсаций», что голоса немногочисленных серьезных лениноведов оказались едва различимы. Лавинообразный процесс искажения исторической действительности достиг своего апогея в 1990-е гг. Вместе с тем социологические опросы последних 15–20 лет свидетельствуют о наметившемся в 2010-х гг. процессе «ресоветизации» в сознании россиян [2]. Как следствие – растет и интерес к «настоящему» Ленину, к реальной истории становления первого в мире социалистического государства, интерес, не ищущий пресловутых «оправданий» или «разоблачений» и не боящийся выйти за рамки сложившихся стереотипов.

Данная публикация посвящена вопросу отношения Ленина, как политического деятеля и как человека, к православному духовенству после взятия власти в октябре 1917 г. Тема выбрана не случайно. Именно здесь мы имеем дело, с одной стороны, с множеством фактов, которые всячески пытаются замолчать, а с другой – с целым набором продуктов мифотворчества, прочно укоренившихся в общественном сознании и отчасти влияющих на научный дискурс. Попадая в средства массовой информации, последние создают благоприятные условия для взаимных обвинений и споров между двумя, несомненно, патриотическими российскими течениями – теми, кому близки коммунистические идеалы, и теми, чей духовный поиск основан на православных ценностях.

Околоисторическая публицистика середины 1990-х гг. навязывала массовому читателю представление о Ленине как о

тиране, который, борясь с любыми проявлениями религиозности, настаивал на физическом уничтожении священников. Симптоматично, что авторы, работающие в рамках этой концепции, опираются только на три текста, один из которых – несомненная фальшивка образца 1990-х гг., приписываемая Ленину, а остальные – действительно принадлежат политику, однако обычно воспроизводятся без должных комментариев, с тем расчетом, что подготовленный другими «доводами» массовый читатель не будет заниматься научными изысканиями и выяснять, в каких обстоятельствах родился тот или иной документ, как его воспринимали адресаты, какими были его реальные последствия и т. д. Меж тем именно эти обычно опускаемые «детали» многое раскрывают, и прежде всего – то, что оба настоящих распоряжения Ленина ставили задачу *сохранить возможно большее число человеческих жизней* в немислимо сложной экономической и внешне-политической обстановке.

Основная цель настоящей публикации – проанализировать все три упомянутых текста.

«Указание № 13666/2»

В сети Интернет и отчасти в печатных источниках получило широкое распространение следующее «указание» под номером 13666/2, якобы отданное В. И. Лениным и М. И. Калининым председателю ВЧК Ф. Э. Дзержинскому от 1 мая 1919 г. с требованием «как можно быстрее покончить с попами и религией. Попов надлежит арестовывать как контрреволюционеров и саботажников, расстреливать беспощадно и повсеместно. И как можно больше. Церкви подлежат закрытию. Помещения храмов печатывать и превращать в склады»¹.

Для специалистов в области церковно-государственных отношений раннесоветского периода обнаружение по-

добного документа воспринималось бы не иначе как научная сенсация. Накопленный к настоящему моменту колоссальный фактический материал о жизни Церкви в период Гражданской войны 1918–1922 гг. рисует совершенно иную картину. Несмотря на то, что в результате революционных преобразований Церковь лишилась финансовой поддержки государства, принятые большевиками законы позволяли ей осуществлять свою деятельность без государственного финансирования, за счет верующих. На законодательном уровне за каждым советским гражданином закреплялось право участвовать в религиозных обрядах, строить храмы, проводить крестные ходы и т. д. Можно привести выдержки из основного в этой области советского закона – Декрета об отделении церкви от государства (1918 г.), который в значительной степени регулировал религиозную жизнь Советской России (его проект редактировал сам Ленин): «Свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается постольку, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательствами на права граждан Советской Республики. Местные власти имеют право принимать все необходимые меры для обеспечения в этих случаях общественного порядка и безопасности», «Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой»². Глава Православной Церкви Патриарх Московский и всея России Тихон (Белавин) в 1917–1922 гг. практически каждый день проводил богослужения, нередко проходившие неподалеку от места, где работал и жил Владимир Ильич, – в Архангельском и Успенском соборах Московского Кремля, в храме Василия Блаженного и в Казанском соборе на Красной площади, а также в Храме Христа Спасителя [4, с. 295–351].

¹ Назаров Г. А. Мифы советской эпохи. М.: Алгоритм, 2007. С. 99.

² Цит. по: Сеницын Ф. Л. «Красная буря». Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. СПб.: Издание А. А. Терентьева, Фонд «Сохраним Тибет», 2013. С. 402–403.

Из этого, однако, не следует, что духовенство в первые годы после революции жило без потрясений. Вспышки насилия имели место еще весной и летом 1917 г. Крестьяне, доведенные до отчаяния, в том числе солдаты, возвращавшиеся с фронта, рассуждали так: раз нет царя, значит, нет и помещика, а раз нет помещика, то и вопрос о земле уже предрешен, причем именно в том ключе, в каком мыслили себе крестьяне. Отсюда и повсеместные погромы помещичьих усадеб, захваты церковных и монастырских земель и инвентаря, убийства их защитников. И все это еще до Октября! Тогда же началось и насилие над духовными лицами, пытавшимися противостоять крестьянской и солдатской стихии. Факты многочисленных ограблений церквей и монастырей, убийств духовенства констатировались на заседаниях Поместного Собора Православной Российской Церкви еще до большевистского восстания¹.

Октябрь принес Церкви неожиданные перемены, прежде всего – экономического характера. Как уже отмечалось, Церковь перестала получать субсидии от государства, лишилась привычных источников доходов: земля, заводы, доходные дома и пр. были национализированы, запрещены принудительные поборы с прихожан. Несмотря на популяризируемые сегодня концепции о якобы идейном противостоянии Церкви и «безбожной» власти, авторы настоящей статьи склоняются к мысли, что корнем проблемы был все-таки имущественный спор, усугубленный первоначальным непониманием представителями Церкви конкретики нового формата ее отношений с нарождающейся властью. Да и пробольшевистские силы, главным образом, красноармейские части, на первых порах вели себя весьма разнузданно. Отсюда и трагические случаи середины 1918 – кон-

ца 1919 гг., описания которых имеются в литературе².

Тем не менее было бы грубой ошибкой предполагать, что террор в эти напряженные полтора военных года коснулся всех (или даже большинство) представителей Церкви. Нынешнее состояние источников позволяет сделать достаточно уверенную оценку реальных масштабов насилия: за первые 10 лет после Февральской революции, т. е. с начала 1917 по конец 1926 г., по всей стране погибло не более 1,6 тыс. православных священнослужителей [13] – это не превышает 2% от их общего числа в рассматриваемые годы. Причем, что важно, мы имеем дело с *верхней оценкой*, т. е. реальное число погибших – меньше. Пик репрессий (порядка 80–90% от общего числа жертв в 1917–1926 гг.) попадает на самую острую фазу Гражданской войны – 1918 и 1919 гг. По ее завершении в 1922 г. насильственная смертность среди священнослужителей резко падает. Современные церковные исследователи по всей стране и в ряде бывших союзных республик собирают информацию о жертвах среди духовенства. Так вот, после 30 лет активных поисков, после изучения более 70 государственных архивов, усилиями тысяч энтузиастов удалось отыскать сведения лишь о 33 убитых священнослужителях за первые 4 послевоенных года – 1923, 1924, 1925 и 1926 гг., причем на 1925 г. пришлось 5 убитых, а на 1926 г. – 3 убитых³. И это, подчеркнем, на всю страну, где в описываемое время трудилось около 60 тыс. православных священнослужителей.

Но вернемся к началу 1918 г. – своеобразной точке отсчета, с которой началось «переформатирование» отношений

¹ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 5: Деяния Собора с 1-го по 36-е. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2015. С. 412.

² Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Под ред. Ю. Фельштинского и Г. Чернявского. М: ТЕРРА – Книжный клуб, 2004. 512 с.

³ Письмо сотрудника кафедры информатики Православного Свято-Тихоновского гуманитарного института В. А. Тищенко – Г. Г. Хмуркину от 5 апреля 2018 г.

Церкви и государства. Если поначалу эти процессы выливались в конфронтацию, то уже спустя год-два, к концу 1919 – началу 1920 гг., ситуация стабилизировалась: Церковь, сначала фактически, а потом и юридически, признала и национализацию своего имущества, и свой новый статус. Патриарх Тихон в 1920 г. безоговорочно признал благотворность для внутренней жизни Церкви принципа ее отделения от государства [14, с. 139]. В этом с ним были согласны и простые верующие: в 1919–1920 гг. через Губисполкомы проводилось анкетирование об отношении населения к декрету об отделении Церкви от государства, и анкеты свидетельствовали о том, что ленинский декрет население Советской России в своем подавляющем большинстве поддерживало. Эти данные, имеющие фундаментальное значение для понимания народного самосознания, почти никогда не публиковались¹.

Церковь довольно быстро адаптировалась к новым условиям. Более того, начиная с 1918 г. она имела возможность воплотить в жизнь многое из того нового, что было выработано на эпохальном Поместном Соборе 1917–1918 гг. Новые экономические условия привели к серьезным положительным переменам внутри Церкви. Ее покинули неискренние служители, совершенно преобразились отношения между пастырями и прихожанами, вера стала более сознательной и цельной, а приход – более сплоченным. Об этом церковном и религиозном подъеме, наблюдавшемся с конца 1919-го до второй половины 1920-х гг. писали видные деятели науки, богословы, писатели – Питирим Сорокин, Иринарх Стратонов, Георгий Шавельский, Николай Зернов, Георгий Федотов, Константин Криптон и

¹ Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы: в 6-ти т. Т. 1. Кн. 1. 1917–1924 гг. Центральные руководящие органы РКП(б): идеология вероисповедной политики и практика антирелигиозной пропаганды / Отв. ред. А. К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 57–58.

др. Тем, кто занимается историей Церкви, эти имена хорошо известны. Подчеркнем: речь идет о небольшом промежутке времени с конца 1919 – начала 1920 гг. вплоть до конца 1920-х гг. После «переломного» 1929 г. начинается совершенно новый этап в жизни Церкви, драматические события которого вытеснили из народной памяти религиозный расцвет 1920-х гг.

Подводя итог этому небольшому экскурсу в историю революционных преобразований в сфере отношений Церкви и молодой советской власти, можно сказать, что ни в какие известные нам факты процитированное выше «указание» о якобы тотальном уничтожении священников в Советской России в 1919 г. не вписывается.

Следует отметить еще одно немаловажное обстоятельство. После «перестройки» вплоть до настоящего времени государственные архивы систематически публикуют наиболее интересные документы советской эпохи. Практически все они издаются на высоком научном уровне, с надлежащими ссылками, комментариями, справочным аппаратом и т. п. Вопросам деятельности ВЧК и конфессиональной политики посвящены, к примеру, сборники «В. И. Ленин и ВЧК»², «В. И. Ленин. Неизвестные документы»³, «Политбюро и церковь»^{4,5}, «Красная книга ВЧК»⁶, относительно недавно вышел в свет 6-томный сборник «Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.»⁷. Однако ни в одном из них

² В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). 2-е изд. М.: Политиздат, 1987. 642 с.

³ В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. 2-е изд. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 671 с.

⁴ Архивы Кремля. Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. М.–Новосибирск: РОССПЭН – Сибирский хронограф, 1997. 600 с.

⁵ Архивы Кремля. Кн. 2: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Новосибирск–М.: Сибирский хронограф – РОССПЭН, 1998. 647 с.

⁶ Красная книга ВЧК: в 2-х т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1989. 415 с.

⁷ Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы: в 6-ти т. Т. 1. Кн. 1. 1917–1924 гг. Центральные руководящие органы РКП(б): идеология вероисповед-

обсуждаемое «указание» не публиковалось и даже не упоминалось.

В результате долгих поисков издания, которое впервые напечатало «указание», выяснилось следующее. Видимо, первый раз данный текст появился в 1999 г. на страницах «Чудес и приключений» – литературно-художественного журнала-альманаха путешествий, приключений, научных гипотез и фантастики¹. О низком научном уровне данного журнала (если вообще можно заводить речь о каком-либо научном уровне) говорят уже заголовки публикуемых в нем материалов: «Скандалы в королевском доме», «Магия взгляда», «Схватка с зомби в российском самолете» и т. п. (из этого номера). И тем не менее, о помещенном в журнале «указании» заговорили некоторые даже остепененные исследователи, что выводило его в разряд заслуживающих внимания источников.

Мало того, ни одна из известных публикаций данного «указания» не сообщает место его нахождения – город, архив и т. д. Такая «небрежность» (тем более, что дело касается документа, претендующего на сенсацию) вызывает у профессиональных историков, как минимум, негодование. При обращении во все архивы Российской Федерации, где мог бы храниться этот документ, а именно в: 1) Государственный архив Российской Федерации; 2) Российский государственный архив социально-политической истории; 3) Архив Президента Российской Федерации; 4) Российский государственный архив новейшей истории; 5) Российский государственный исторический архив; 6) Центральный архив Федеральной службы безопасности; 7) Российский государственный военно-исторический архив было установлено, что такого документа нет ни в одном из этих архивов².

ной политики и практика антирелигиозной пропаганды / Отв. ред. А. К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 646 с.

¹ Назаров Г. Какое-то безумие тлело в нем... // Чудеса и приключения. 1999. № 6. С. 37.

² Письма Г. Г. Хмуркину от: директора РГАНИ Н. Г.

Работники каждого из перечисленных учреждений предлагали нам обратиться в другие, но их рекомендации замыкались на вышеуказанном списке.

Необходимо отметить еще одну важную деталь. В тексте документа прослеживаются фактические неувязки, а именно, 1 мая 1919 г., когда якобы появилось это «указание», Калинин отсутствовал в Москве. Еще 29 апреля Михаил Иванович отправился в командировку по стране в качестве председателя ВЦИК и возвратился в столицу лишь 18 мая [11, с. 131–133]. Наконец, в партийном делопроизводстве РСФСР и СССР никогда не существовало документов под названием «Указание»³.

Отмеченные факты говорят о том, что данный текст является довольно грубым фальсификатом 1990-х гг., частичное введение которого в научный оборот невозможно квалифицировать иначе как досадное недоразумение.

Телеграммы в Пензу

Другой, тоже часто цитируемый текст – это телеграмма 1918 г., в которой Ленин призывал к «беспощадному массовому террору против кулаков, попов и белогвардейцев»⁴.

Стоит оговориться, что приведенное распоряжение предсовнаркома в советское время не было «тайной за семью печатями» и неоднократно публиковалась в общедоступных источниках, причем не только в Полном собрании сочинений Ленина⁵. Тем не менее, в 1990-х гг. эта вы-

Томилиной от 16 сентября 2015 г.; заместителя директора РГАСПИ А. В. Травниковой от 24 сентября 2015 г.; заместителя начальника департамента по обеспечению деятельности АП РФ И. Кузнецовой от 14 сентября 2015 г.; заместителя начальника ЦА ФСБ РФ А. И. Шишкина от 18 сентября 2015 г.; начальника отдела научно-информационной и справочной работы ГАРФ Л. Н. Малащенко от 1 октября 2015 г.; сотрудника РГВИА от 10 мая 2016 г.; сотрудника РГИА от 22 июня 2016 г.

³ Письмо заместителя директора РГАСПИ А. В. Травниковой – Г. Г. Хмуркину от 24 сентября 2015 г.

⁴ Телеграмма Пензенскому губисполкому, 9 августа 1918 г. // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений (ПСС). Т. 50. С. 143.

⁵ См. также: Бош Е. Встречи и беседы с Владимиром

хваченная из контекста фраза неожиданно стала «сенсационным открытием» и чуть ли не главным «доказательством» якобы беспрецедентной жестокости Владимира Ильича. Отдельные авторы ссылались на телеграмму, ничего не поясняя и выставляя дело так, будто в этой резкой и лаконичной формулировке выражено все ленинское мироощущение. Увы, нашлись и те, кто поверил в этот далекий от объективного положения вещей тезис. Столь странный поворот событий объясняется тем, что большинство советских людей, особенно в последние десятилетия существования СССР, не проявляли интереса к первоисточникам ленинского наследия и знали о Гражданской войне лишь то, что афишировала неизбежно упрощенная, не вдававшаяся в детали пропаганда.

В то же время знакомство с обстоятельствами, которые привели к появлению обсуждаемой телеграммы, а также с характером действий Ленина и его корреспондентов, расставляет все на свои места^{1,2,3,4}. Разумеется, никаких общегосударственных идейно-политических установок в ней не было. Это был текст, родившийся в критической ситуации, привязанный к конкретному месту и времени. Что же случилось?

Весной–летом 1918 г. в Петроград и Москву прекратились поставки продовольствия. Нарушилась транспортная связь с традиционными хлебными областями: Украина оказалась под властью немецких оккупантов, пути от Поволжья и Сибири были отсечены линией фронта Гражданской войны, прервано сообщение с южными областями страны. В обе-

Ильичем (1915–1918 гг.) // Пролетарская Революция. 1924. № 3 (26). С. 168.

¹ См.: Ленин. ПСС. Т. 50. С. 68–181.

² Бош Е. Встречи и беседы с Владимиром Ильичем (1915–1918 гг.) // Пролетарская Революция. 1924. № 3 (26). С. 166–169.

³ В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. 2-е изд. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 246–247.

⁴ Каюров В. Мои встречи и работа с В. И. Лениным в годы революции (1917–1921 гг.) // Пролетарская Революция. 1924. № 3 (26). С. 37–47.

их российских столицах начался голод. По наблюдениям очевидца, в мае 1918 г. в Петрограде редко можно было увидеть лошадей, часть их подохла, часть съедена; не припоминал он, чтобы где-нибудь встречались кошки или собаки, «предприимчивые люди и их использовали»; по целым неделям рабочим не выдавалось ни фунта картофеля или хлеба, только орехи и семечки, причем зачастую рабочие заступали на работу голодные и изможденные и стояли за станками до тех пор, пока не падали в обморок⁵.

Дело шло о жизнях десятков, если не сотен тысяч человек. Требовались срочные и решительные меры. Одной из важнейших на тот момент губерний по обеспечению хлебом Москвы и Петрограда была Пензенская губерния, в которой летом 1918 г. были определенные хлебные резервы (излишки). Однако среди крестьян-пензяков, плохо осведомленных о мероприятиях советской власти, антибольшевистскими силами велась интенсивная агитация, распространялись слухи о том, что Ленин «продан немцам» и т. п. В результате крестьяне категорически отказывались сыпать хлеб советским работникам.

Попытки мирным путем изъять излишки к успеху не привели. Мало того, возмущение вылилось в вооруженный мятеж, в ходе которого 8 человек, пытавшихся вывезти хлеб в столицы, были зверски убиты. В течение нескольких дней восстание перекинулось на 5 уездов. Ситуация многократно осложнялась по той причине, что всего в 15 км от губернского центра проходила линия фронта, и хлеб, жизненно необходимый Москве и Петрограду, вот-вот мог окончательно оказаться в руках «белых». Любое промедление со стороны советских и партийных работников – как в центре, так и в Пензе – могли обернуться дальнейшими человеческими жертвами. Дело усугублялось еще одним обстоятельством: пензенские большевистские

⁵ Там же. С. 37–38.

организации – тогда еще немногочисленные и не вполне оформленные – в этой сложной ситуации демонстрировали нерешительность и бездействовали. Ленин, не сразу узнавший об этих местных особенностях, несколько недель направлял в Пензу телеграммы с суровыми предписаниями и выговорами, среди них была и обсуждаемая телеграмма. Только после этих личных указаний Владимира Ильича пензенцы «зашевелились». Вне всяких сомнений, резкий, устрашающий тон был выбран Лениным намеренно – иначе послания не достигли бы цели. В итоге: 13 организаторов восстания и непосредственных исполнителей убийства расстреляны; в охваченные волнениями уезды направлены агитаторы, налажившие контакт с местными жителями; опасность возобновления стихийных выступлений устранена. Кроме упомянутых 13 человек, никаких других жертв не было.

Заметим, что о духовенстве в ленинских телеграммах в Пензу упоминалось лишь однажды – в самом начале переписки. В других телеграммах в качестве опасных элементов выделялись только «кулаки» и белогвардейцы, причем среди 13 расстрелянных был всего 1 представитель духовенства¹. Вряд ли подобная акция может быть расценена как «массовый террор против попов».

Характерной особенностью ряда публицистических работ является отождествление наличного текста распоряжения и последовавших за ним действий. Однако история знает массу указаний, которые так и остались на бумаге. Вполне очевидно, что резкие выражения Ленина («повесить», «расстрелять» и т. п.), встречающиеся в его трудах, нельзя воспринимать во всех случаях буквально. Да и близкие сотрудники Владимира Ильича не интерпретировали их буквально. Так, например, в одном из своих частных пи-

сем он писал, что за неспособность предавать гласному суду за волокиту весь комиссариат юстиции «надо вешать на вонючих веревках»². Никаких фактов массовых повешений сотрудников Наркомюста историкам не известно, к тому же ряд видных работников тогдашнего комиссариата дожили до преклонных лет. Другой пример: близкий друг и соратник Ленина, нарком просвещения А. В. Луначарский рассказывал в 1924 г. о записке, на полях которой красным карандашом была написана (и несколько раз подчеркнута) фраза о необходимости выработать некую программу, а если ее до сих пор нет, то «повесить Луначарского, и подпись – В. И. Ленин»³.

Программа, о которой говорил Владимир Ильич, не была к тому моменту подготовлена, и нарком просвещения теоретически мог оказаться на виселице. Однако умер он много позднее, в 1933 г., обычной смертью. «Это была шутка, – пояснял Луначарский тогда же, в 1924 г., – но мы знали, что это есть несомненно важное указание [Ленина], – здесь, мол, ты ошибаешься»⁴. Не может быть сомнений в том, что произносились подобные грозные выражения чаще всего именно для того, чтобы «встряхнуть» тех, кто не осознает серьезности момента и бездействует. Гигантский объем работы и напряжение ответственности, которую нес Ленин, естественным образом предполагали, что в некоторых, наиболее сложных ситуациях он не мог допустить промедления и неисполнения указаний ценой формального соблюдения «дипломатических норм». Ленин был знатоком душ и человеком действия, и потому писал, рассчитывая на определенный эффект – совершенно конкретную реакцию и действия, которые будут предприняты конкретным лицом по прочтении распоряжения.

² П. А. Богданову, 21 декабря 1921 г. // Ленин. ПСС. Т. 54. С. 87.

³ Луначарский А. В. Человек Нового Мира. Сост. И. А. Луначарская. Под общ. ред. А. И. Титова. М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1976. С. 38.

⁴ Там же.

¹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 1: 1918–1922 гг. Под ред. А. Бреловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000. С. 307.

Все эти принципиальные соображения следует учитывать, обращаясь к ленинскому наследию, в том числе при работе с документами, которые относятся к еще одному драматическому эпизоду – изъятию церковных ценностей в 1922–1923 гг.

Изъятие церковных ценностей

Разразившаяся в 1920 и 1921 гг. засуха, вызвавшая неурожай, и хозяйственная разруха послевоенного времени привели к страшному голоду 1921–1922 гг., который охватил более 30 губерний: Поволжье, Крым, юг Украины, Северный Кавказ, Южный Урал – всего около 33 миллионов человек. Люди сходили с ума, теряя человеческий облик, распространялся каннибализм, из могил выкапывались трупы. Жертвами голода и сопутствующих ему эпидемий стали миллионы людей. Тяжесть положения усугублялась тем, что в стране более чем наполовину был израсходован золотой запас, без которого невозможны были ни хозяйственное развитие, ни завоевание молодой советской Россией жизненно важных экономических позиций в мире.

В этих тяжелейших условиях советская власть предпринимала отчаянные шаги по спасению граждан. Публиковались воззвания к крестьянам не охваченных бедствием районов Украины, принималась помощь от Германии, Франции, Чехословакии и др. Однако всех этих мер было недостаточно.

Один из выходов виделся в продаже за границу материальных ценностей – золота, серебра, драгоценных камней, находившихся в распоряжении религиозных организаций. В начале 1922 г. появился декрет об изъятии церковных ценностей, имевший в виду все вероисповедания¹. Согласно этому документу, изъятие должно была коснуться только тех пред-

метов, отсутствие которых не отразилось бы на богослужениях², причем проводить изъятие требовалось с обязательным привлечением верующих³. Столичная комиссия предписывала во время изъятия ценностей из православных храмов соблюдать церковные обычаи – во время изъятия снимать головные уборы, не входить в алтарь женщинам⁴ и т. п.

Ввиду того, что в России наиболее крупной и влиятельной религиозной организацией была Православная Церковь, декрет в первую голову распространялся на имущество, которым распоряжалась она. За многие века Церковь собрала значительные богатства в виде драгоценного убранства храмов и церковной утвари. Стоит оговориться, что к 1922 г. все здания, церковная утварь и др., которыми пользовались верующие и духовенство, были национализированы, т. е. представляли собою собственность государства, а миряне пользовались ею, подписывая соответствующие договоры с местной властью.

Появление декрета об изъятии ценностей среди некоторых слоев русского населения вызвало недовольство. Патриарх Московский и всея России Тихон, тогдашний глава Церкви, назвал действия большевиков святотатством и призвал верующих к сопротивлению. В ряде населенных пунктов начались протесты.

Первое кровавое столкновение миряно-активистов с представителями власти произошло в г. Шуя (Иваново-Вознесенская губерния) 15 марта 1922 г. Проинформированный об этом событии, Ленин написал знаменитое письмо, в котором высказал мысль о необходимости предельно быстрого и сурового подавления сопротивления (как тогда казалось, организованного и руководимого из некоего центра). «Именно теперь, – настаивал

² Там же. С. 38.

³ Там же.

⁴ Архивы Кремля. Кн. 2: Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Новосибирск–М.: Сибирский хронограф – РОССПЭН, 1998. С. 124.

¹ «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г. Документы. Под ред. А.Н.Артизова, В.С.Христофорова. М.: МФ «Демократия» – Материк, 2008. С. 37–38.

Владимир Ильич, – и только теперь, когда в голодных местностях едят людей, и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления»¹. При этом, по мнению Ленина, «изъятие ценностей, в особенности, самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей *реакционного* (выделено нами. – Л. И. и Г. Х.) духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше»². Решительный тон письма полностью соответствует взглядам и предложениям Троцкого в тот период, именно его глазами Владимир Ильич «видел» всю ситуацию с изъятием церковных ценностей в стране; об этом свидетельствует вся совокупность имеющейся на сегодняшний день информации³.

Как бы то ни было, приведенное письмо весьма красноречиво. Оно наполнено напряжением всех сил для выполнения главной на тот момент задачи – *спасения человеческих жизней*. Да, ценой жертв, но, очевидно, во много раз меньших, нежели те, что прогнозировались или уже стали фактом.

На протяжении многих десятилетий среди деятелей русской эмиграции бытовало представление, что за ленинским письмом последовало огромное число кровавых стычек верующих с представителями властями и множество смертных

¹ В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922. 2-е изд. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 516–517.

² Там же. С. 518.

³ Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы: в 6-ти т. Т. 1. Кн. 1. 1917–1924 гг. Центральные руководящие органы РКП(б): идеология вероисповедной политики и практика антирелигиозной пропаганды / Отв. ред. А. К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 80.

приговоров на состоявшихся за ними судах. Называвшееся при этом число жертв колебалось от нескольких десятков человек [7, с. 228] до 140 тыс. человек [3, с. 98]. Однако новейшие исследования со всей определенностью показали, что ни одна из фигурирующих в литературе цифр, вызванных изъятием, не имеет под собой сколь-нибудь серьезной источниковой базы, а реальное число погибших в ходе кампании представителей духовенства составляет от силы несколько десятков человек⁴. В большинстве регионов (Владимирская, Тамбовская, Орловская, Псковская, Архангельская губернии, Тверская, Уфимская, Пермская, Тобольская епархии, Нижнее Поволжье, Донская область, весь Урал, Кольский Север, Карелия, Алтай, Башкирия, Чувашия, Кузбасс, весь Дальний Восток и др.) вообще *не было ни погибших в столкновениях, ни расстрелянных*, ввиду того, что процесс изъятия ценностей там проходил в целом достаточно спокойно.

Отношения между Лениным и священнослужителями

Проведенный анализ показывает, что распространенный взгляд, согласно которому Ленин якобы приказывал уничтожать духовенство как таковое (за принадлежность Церкви, за веру в Бога и т. п.), не имеет отношения к исторической реальности. Неизвестно ни одного документа, подтверждающего это расхожее мнение. Патриарх Тихон, высказываясь в 1919 г. по поводу так называемых «гонений» на представителей духовенства, недвусмысленно замечал, что все они, за весьма немногими исключениями, имели место *только потому*, что служители Церкви попадали под подозрение властных органов в скрытой контрреволюции, нацеленной якобы на свержение советской власти⁵. Сегодня опубликованы все

⁴ Хмуркин Г.Г. Реальное число жертв изъятия церковных ценностей в 1922–1923 гг. // Вопросы истории. 2018. № 10. С. 40–51.

⁵ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского

выявленные содержательные ленинские документы, и в них отсутствуют призывы к искоренению религиозности насильственным путем и истреблению духовенства как такового. Сам факт появления фальшивого «Указания № 13666/2» в 1990-х гг. свидетельствует о том, что у оппонентов Ленина не нашлось против него никаких реальных «улик».

Единичные тексты, в которых Ленин говорил о суровых мерах в отношении духовенства, были исключительно *ситуативными* — привязанными к конкретным обстоятельствам, как правило, чрезвычайно сложным, в которых решалась не просто судьба, а жизнь сотен и тысяч людей. В иных же условиях Владимир Ильич проявлял обычную заботу о людях, вне зависимости от их принадлежности или непринадлежности к духовному сословию.

Так, в разгар Гражданской войны, в 1918 и 1919 гг., Ленину не единожды приходили телеграммы верующих, в которых содержались просьбы, связанные с освобождением от призыва местных священников на военную службу, от ареста и т. п. На все известные нам подобные запросы Владимир Ильич реагировал одинаково — вникал в эти, казалось бы, частные вопросы, выяснял, что произошло, поручал их решение соответствующим уполномоченным лицам, обязывал соответствующие инстанции проводить дополнительные проверки, отчитываться^{1,2,3}. Ряд фактов.

В Новгородской губернии (март 1919 г.) местные «чекисты» арестовали священника В. Пятницкого. Ему было предъявлено обвинение в неподчинении

советской власти, избииении должностных лиц и т. п. К. Пятницкий, брат этого священника, осознавая, что местные сотрудники ЧК вряд ли станут вникать в суть дела, отправил письмо Владимиру Ильичу. В нем он, в частности, отметил невысокий культурный уровень местных властей, для которых одно ношение рясы «есть уже преступление»⁴. Очевидно, Ленин не мог не возмутить столь абсурдный подход. В итоге священника освободили.

Другой факт. В апреле 1919 г. Ленину подали копию телеграммы верующих Могилева по поводу ситуации со священником П. Бруевичем, арестованным могилевскими чекистами. Заявители убеждали Владимира Ильича в ложности вменяемых священнику обвинений и просили выпустить его на свободу — «ввиду наступления праздников, необходимости совершения богослужения». Ленин доброжелательно отнесся к данной просьбе и потребовал пересмотреть дело, а для того, чтобы проверка была объективной, рекомендовал привлечь к делу одновременно две инстанции — ВЧК и Президиум ЦИК^{5,6,7}.

Очередной случай. В том же 1919 г. Владимиру Ильичу пришла телеграмма с просьбой освободить арестованного епископа Михея из Калуги. Ленин вмешался и инициировал проверку, и выяснилось, что архиерей арестован в качестве заложника и на нем не было вины. Епископ был отпущен [1, с. 103].

Эпизод 2 года спустя. В середине 1921 г. Ленин направляет в ЧК записку со срочным запросом касательно причин ареста иерея А. И. Боярского и возможности его освобождения. И хотя поначалу ответ ЧК был отрицательным, поз-

и вся Россия, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / сост. М. Е. Губонин. М.: ПСТБИ, 1994. С. 163.

¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 6. М.: Политиздат, 1975. С. 312–313, 332, 426–427, 507.

² Там же. Т. 7. М.: Политиздат, 1976. С. 82.

³ В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). М.: Политиздат, 1975. С. 188.

⁴ В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). 2-е изд. М.: Политиздат, 1987. С. 136–137.

⁵ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 7. М.: Политиздат, 1976. С. 82.

⁶ В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). М.: Политиздат, 1975. С. 188.

⁷ В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). 2-е изд. М.: Политиздат, 1987. С. 152.

же священник все-таки был выпущен на свободу^{1,2,3}.

Ленин восставал против грубых и незаконных действий по отношению к духовенству. Так, осенью 1918 г. в Никола-Угрешском мужском монастыре произошел возмутительный инцидент: во время богослужения в храм вошла группа неизвестных с револьверами и, угрожая бывшему митрополиту Макарию, начала в оскорбительной форме узнавать у него место хранения «капиталов» и ценных богослужебных предметов. Захватив с собой некоторые ценности, группа приступила к обыску других монастырских помещений, в том числе келий начальствующих лиц монастыря, после чего преступники скрылись. Услышав о данном инциденте, Владимир Ильич письменно потребовал от народного комиссара юстиции Д. И. Курского незамедлительно назначить строжайшее судебное следствие и просил уведомлять его о ходе следствия⁴. Примечательно, что этот факт не упоминался ни в одном из изданий Полного собрания сочинений Ленина.

Неожиданным и отчасти даже курьезным может показаться история с сельским священником С. Бурыкиным. Весной 1919 г. у него было изъято личное имущество – белье, одежда, сундучок жены. Владимир Ильич вникает и в такой, вроде бы, совсем малозначительный случай, требуя от сотрудников местного исполкома немедленно проверить и дать ему ответ⁵.

Приводя данные примеры, следует оговориться, что свидетельств о противоположных по характеру действиях Ленина в подобных ситуациях – когда он,

скажем, мог требовать ареста или расстрела священника без всякой «судебной волокиты», исследователям неизвестно.

Такая систематически проявляемая забота о духовенстве, несомненно, осложняла взаимодействие Ленина с определенными слоями коммунистов, придерживающихся леворадикальных позиций в вопросе религии и Церкви. Стоит пояснить, что внутри большевистской партии по этому пункту не было единства. Даже по завершении Гражданской войны одна группировка (Ф. Э. Дзержинский, Е. М. Ярославский, П. А. Красиков и др.) видела в Церкви «остатки» Старого Мира, по отношению к которым следовало проводить жесткую политику, направленную на разложение и разрушение. Другая группировка (М. И. Калинин, А. В. Луначарский, В. Д. Бонч-Бруевич и др.) придерживалась значительно более мягких взглядов, усматривая в религиозных организациях потенциал к социалистическому строительству. В этом противоборстве Ленин исполнял роль своего рода «арбитра», и, не обладая абсолютной властью над умами дискутирующих, вынужден был считаться с мнением как одного, так другого лагеря. Однако можно констатировать, что его линия в целом была направлена на смягчение «антирелигиозного пыла» однопартийцев. Вспомним хотя бы реакцию Владимира Ильича на проект постановления Пленума от 16–18 мая 1921 г., в котором осуждался прием в партию людей, не порвавших с религией⁶. В ответ Ленин настаивал на оставлении в партии верующих, лишь бы они были заведомо преданными и честными коммунистами⁷. Необходимо признать, что

¹ В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). М.: Политиздат, 1975. С. 489, 491.

² В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). 2-е изд. М.: Политиздат, 1987. С. 451, 452.

³ Ленинский сборник. XXXVII. М.: Политиздат, 1970. С. 311.

⁴ Отделение Церкви от государства и школы от Церкви в Советской России. Октябрь 1917–1918 г. Сб. документов. М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. С. 451.

⁵ Ленинский сборник. XXXVIII. М.: Институт Ленина при ЦК ВКП(б), Партиздат, 1975. С. 254.

⁶ Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991 гг.: Документы и материалы: в 6-ти т. Т. 1. Кн. 1. 1917–1924 гг. Центральные руководящие органы РКП(б): идеология вероисповедной политики и практика антирелигиозной пропаганды / Отв. ред. А. К. Сорокин. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 146–150.

⁷ Предложения к проекту Постановления Пленума ЦК РКП(б) о пункте 13 Программы партии // Ленин. ПСС. Т. 54. С. 440.

широта мировоззрения и утонченность мысли Ленина, осознававшего стратегическую ценность надрелигиозного и наднационального единства для будущего, далеко не всегда находили понимание и поддержку среди его окружения.

В завершении статьи хотелось бы привести несколько цитат, касающихся религиозной жизни страны в послевоенный период, а также отклики крупнейших деятелей Церкви на смерть Ленина.

Иринарх Аркадьевич Стратонов – профессор-историк Казанского университета, автор ряда трудов по истории Церкви; в 1922 г. был выслан большевиками из России. Очевидец многих событий, он отмечал, что к 1920 г. в Москве и на местах в церковных организациях водворился порядок и даже получилась какая-то внутренняя спайка:

«Местная церковная жизнь стала устраиваться, – писал Стратонов. – Рос и креп авторитет церковной власти, установленные Поместным Собором (1917–1918 гг. – Л.И. и Г.Х.) органы, как центральные, так и местные, начали действовать вполне нормально, и между ними установились известные взаимоотношения, предусмотренные последним церковным законодательством.

Нельзя не отметить и общерелигиозного подъема в массах. Храмы наполнились молящимися... <...> Церковные праздники привлекали колоссальное количество народа. Церковная жизнь к 1920 году восстановилось полностью, а может быть даже превзошла старую, до революционную. Вне всякого сомнения, что внутренний рост церковного самосознания верующего русского общества достиг такой высоты, равной которой не было за последние два столетия в русской церковной жизни. Церковная власть в церковном обществе, которое в значительной степени она церковно воспитала, встала на недосыгаемую высоту»¹.

¹ Из истории христианской церкви на Родине и за рубежом в XX столетии. Сборник. Кн. 5. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1995. С. 36.

По замечанию издателей работы И. А. Стратонова – сотрудников Крутицкого Подворья, он обладал «ясным церковным сознанием и способностью трезво оценивать события»².

Георгий Петрович Федотов – крупный философ, тоже историк Церкви, ориентировавшийся в своих трудах на ортодоксальное православие. С 1917 до 1925 г. жил в России, затем оказался в эмиграции и уже будучи за границей, в 1926 г., по свежим воспоминаниям записывал:

«Вся ли Россия проходит азбуку атеизма и американизма? Этому противоречит хотя бы *всеми отмечаемый* (курсив наш. – Л. И. и Г. Х.) расцвет церкви и православного быта. Кто же в России ходит в церковь?»

Уже сразу бросается в глаза – по крайней мере, в городе, – как много в храмах бывшей интеллигенции. И не только выбитых из жизни стариков, но и молодежи, активно строящей новую Россию. Знакомство с этой христианской молодежью сразу вскрывает в ней знакомые черты: да это все бывшие народники, вчерашние эсеры! Быть может, без прежней удали, с большей сдержанностью и строгостью, – но с тем же энтузиазмом. Воочию видишь: наконец-то поколения “святых, неверующих в Бога” нашли своего Бога и вместе с Ним нашли себя...»³.

Полагаем, совершенно закономерно, что в 1924 г. Патриарх Тихон, причисленный Русской Православной Церковью к лику святых, произнес такие слова об ушедшем из жизни вожде революции:

«...всякий верующий имеет право и возможность поминать его.

Идейно, мы с Владимиром Ильичем Лениным, конечно, расходились, но я имею сведения, о нем, как о человеке добрейшей и поистине христианской души»⁴.

² Там же. С. 6.

³ О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев, В. В. Зеньковский, П. А. Сорокин, Г. П. Федотов, Г. В. Флоровский. М.: Наука, 1990. С. 441–442.

⁴ Вечерняя Москва. № 20 (40). 1924. 25 янв. С. 3.

А Священный Синод – совещательный орган при российском Патриархе – в дни скорби обратился к М. И. Калинин у с письмом:

«Священный синод российской православной церкви выражает вам искреннейшее сожаление по случаю смерти великого освободителя нашего народа из царства векового насилия и гнета, на пути полной свободы и самоустроения.

Да живет же непрерывно в сердцах оставшихся светлый образ великого борца и страдальца за свободу угнетенных, за идеи всеобщего подлинного братства, и ярко светит всем в борьбе за достижение полного счастья людей на земле. Мы знаем, что его крепко любил народ. Пусть могила эта родит еще миллионы новых Ленинов и соединит всех в единую великую братскую, никем неодолимую семью. И грядущие века да не загладят из памяти народной дорогу к этой могиле, колыбели свободы всего человечества. <...>

Вечная память и вечный покой твоей многострадальной, доброй и христианственной душе»¹.

Заключение

Таким образом, строгий подход к анализу источников и публикаций, касающихся периода становления советской власти, позволяет сделать вывод о несостоятельности точки зрения, согласно которой первые послереволюционные годы ознаменовались массовым уничтожением («геноцидом») православного духовенства. Данная точка зрения базируется на фальшивом документе, именуемом «Указание № 13666/2», а также односторонней трактовке единичных ситуативных ленинских распоряжений. В действительности, в период с 1917 по 1926 гг. число

¹ Правда. № 20. 1924. 25 янв. С. 3.

погибших среди священнослужителей – наиболее пострадавшей категории духовенства – не превышало 2% от общего числа священнослужителей в эти годы.

Преобразования, коснувшиеся церковной жизни после революции, по мнению верующих и многих священнослужителей, вплоть до Первоиерарха, носили положительный характер, а отношения, сложившиеся между Лениным и духовенством (не афишируемые в историографии позднейшего периода), можно обозначить в целом как доброжелательные. Трансформации, пережитые Церковью после 1917 г., привели множество людей в ее ограду, освободили клир от неискренних проповедников, изменили внутренний климат в низовой ячейке церковного сообщества – приходе, что позволило целому ряду выдающихся современников охарактеризовать краткий промежуток с рубежа 1919/20 гг. до конца 1920-х гг. как период религиозного расцвета.

Разумеется, трансформации коснулись не только религиозной сферы. Деятельность Ленина определила новый геополитический расклад, способствовала сохранению российского государства, выводу его на совершенно новую траекторию развития, не исключавшую в то же время определенную преемственность. Политические решения Ленина невозможно осмыслить без решений Ивана III, Петра I, Екатерины II, Александра I и других российских правителей, а точнее, без целой череды действий, направленных на обеспечение целостности и безопасности государства, укрепления его международных позиций, стабилизации внутренних процессов [5].

Статья поступила в редакцию 18.03.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М.: Политиздат, 1991. 400 с.
2. Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. Динамика исторического сознания российского населения в постсоветский период (окончание) // Вопросы истории. 2019. № 12 (2). С. 4–18.
3. Бунич И. Л. Полигон Сатаны. СПб.: Шанс, 1994. 640 с.
4. Вострышев М. Патриарх Тихон. М.: Молодая гвардия, 2009. 383 с.
5. Ивашов Л. Г. Архетип человека и будущее человечества // Берегиня.777.Сова. 2014. № 2 (21). С. 111–116.
6. Ивашов Л. Г. Украина на геополитических перекрестках // Обозреватель – Observer (научно-аналитический журнал). 2014. № 4 (291). С. 5–10.
7. Криптон К. Защита канонов православия, 1922–1925. По личным наблюдениям, документам и литературным данным // Вестник русского христианского движения. Париж – Нью-Йорк – Москва. 1979. № 128. С. 218–243.
8. Назаров Г. Какое-то безумие телло в нем... // Чудеса и приключения. 1999. № 6. С. 34–37.
9. Назаров Г. А. Мифы советской эпохи. М.: Алгоритм, 2007. 368 с.
10. Синицын Ф. Л. «Красная буря». Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. СПб.: Изд. А. А. Терентьева, 2013. 528 с.
11. Толмачев А. Калинин. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1974. 240 с.
12. Хмуркин Г. Г. Реальное число жертв изъятия церковных ценностей в 1922–1923 гг. // Вопросы истории. 2018. № 10. С. 40–51.
13. Хмуркин Г. Г. Сколько священнослужителей РПЦ погибло в 1917–1926 гг.? // Вопросы истории. 2019. № 10. С. 178–198.
14. Harrison M. Marooned in Moscow. Montpellier: Russian Life Books, 2011. 312 p.

REFERENCES

1. Alekseyev V. *Illyuzii i dogmy*. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 400 p.
2. Bagdasaryan V., Resnyanskiy S. [The dynamics of the historical consciousness of the Russian population in the post-Soviet period]. In: *Voprosy istorii*, 2019, no. 12 (2), pp. 4–18.
3. Bunich I. *Poligon Satany*. St-Petersburg, Shans Publ., 1994. 640 p.
4. Vostryshhev M. *Patriarkh Tikhon*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2009. 383 p.
5. Ivashov L. [The archetype of man and the future of mankind]. In: *Bereginya. 777*. Sova, 2014, no. 2 (21), pp. 111–116.
6. Ivashov L. [Ukraine at geopolitical crossroads]. In: *Obozrevatel' – Observer*, 2014, no 4 (291), pp. 5–10.
7. Kripton K. [Defense of the canons of Orthodoxy, 1922–1925. According to personal observations, documents and literature data]. In: *Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniya*, 1979, no. 128, pp. 218–243.
8. Nazarov G. [Some kind of madness smoldered in him ...]. In: *Chudesa i priklucheniya*, 1999, no. 6, pp. 34–37.
9. Nazarov G. *Mify sovetskoy epokhi*. Moscow, Algoritm Publ., 2007. 368 p.
10. Sinitsyn F. «*Krasnaya burya*». *Sovetskoye gosudarstvo i buddizm v 1917–1946 gg*. St-Petersburg, A. A. Terent'yev Publ., 2013. 528 p.
11. Tolmachev A. *Kalinin*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1974. 240 p.
12. Khmurkin G. [The actual number of victims of the seizure of church property in 1922–1923]. In: *Voprosy istorii*, 2018, no. 10, pp. 40–51.
13. Khmurkin G. [How many clergy of the Russian Orthodox Church died in 1917–1926?]. In: *Voprosy istorii*, 2019, no. 10, pp. 178–198.
14. Harrison M. Marooned in Moscow. Montpellier, Russian Life Books, 2011. 312 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ивашов Леонид Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, президент Академии геополитических проблем;
e-mail: academiagr@yandex.ru

Хмуркин Георгий Георгиевич – соискатель, Институт российской истории РАН;
e-mail: hmurkin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Leonid G. Ivashov – Doctor in Historical sciences, President of the Academy of Geopolitical Issues;
e-mail: academiagp@yandex.ru

Georgy G. Khmurkin – Applicant, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences;
e-mail: hmurkin@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ивашов Л. Г., Хмуркин Г. Г. К вопросу об отношении В. И. Ленина к православному духовенству после октября 1917 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 2. С. 35–50.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-35-50

FOR CITATION

Ivashov L., Khmurkin G. The problem of V. I. Lenin's attitude towards the Orthodox clergy after 1917. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 2, pp. 35–50.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-35-50

УДК 929 Ленин; 929 Савинков
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-51-60

ВЛАДИМИР ЛЕНИН И БОРИС САВИНКОВ – ДВА РУССКИХ ПОЛИТИКА И РЕВОЛЮЦИОНЕРА. ДВЕ СУДЬБЫ НА ФОНЕ ЭПОХИ

Куреньшев А. А.

*Российский государственный социальный университет
129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр.1, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Сопоставительный анализ жизни и воззрений В. И. Ленина и Б. В. Савинкова в контексте исторической эпохи и революционной субкультуры.

Процедура и методы исследования включали – компаративистский, проявляемый в сравнении фигур Ленина и Савинкова; историко-биографический, позволяющий рассмотреть биографии персоналий революционеров в связи с влиянием окружения и жизненных обстоятельств; контекстуализации, дающий возможность исследовать взгляды персоналий в контексте исторического времени.

Результаты проведенного исследования. Обнаружилось много общего в жизненном пути и формировании воззрений революционеров, при наличии принципиальных различий, позволяющих спроецировать их на выводы о расхождении стратегии и тактики большевиков и эсеров в целом.

Теоретическая / практическая значимость заключается в возможности применения подходов исследования в качестве общего принципа методологии сравнительного исторического жизнеописания политических фигур.

Ключевые слова: В. Ленин, Б. Савинков, историко-биографическое описание, Российская империя, Русская революция

LENIN AND SAVINKOV AS TWO RUSSIAN POLITICIANS AND REVOLUTIONARIES: TWO FATES AGAINST THE BACKDROP OF THE ERA

A. Kurenishev

*Russian State Social University
4-1 Vilghelma Pika ul., Moscow 129226, Russian Federation*

Abstract.

Aim. To conduct a comparative analysis of the lives and views of V. I. Lenin and B. V. Savinkov in the context of the historical era and the revolutionary subculture.

Methodology. The key research methods were the comparative analysis, manifested in a comparison of the figures of Lenin and Savinkov; the historical and biographical methods, allowing the authors to consider the biographies of the personalities of the revolutionaries in connection with the influence of the environment and life circumstances; and contextualization, which makes it possible to explore the views of the personalities in the context of historical time.

Results. There was much in common in the life paths and the formation of the views of the two revolutionaries, though with fundamental differences. This allowed conclusions about the divergence of the strategy and tactics of the Bolsheviks and Socialist Revolutionaries as a whole to be drawn.

Research implications. The research methods proposed in this paper can be applied as a general methodological principle for comparative historical biography studies of political figures.

Keywords: politics, biography, revolution, family

Постановка проблемы

Актуальность представленной темы исследования определяется переосмыслением истории революционного движения, отходом от стереотипов, сформировавшихся под влиянием политической конъюнктуры в постсоветский период российской истории. Очевидно, что эта история сопряжена с образными характеристиками персоналий российской революции. Перспективной представляется задача посмотреть на историю революционного движения через образы наиболее ярких его представителей, в которых аккумулируются черты соответствующих политических течений. В ряду таких персоналий особое место занимают фигуры В. И. Ленина и Б. В. Савинкова. Первая из фигур позволяет при соответствующем анализе раскрыть особенности партогенеза большевизма, вторая – эсеровского движения. Обе они, вместе с тем, дают представления об общей динамике революционных кооптаций.

Целевая установка представляемого исследования видится в проведении сопоставительного анализа жизни и воззрений Ленина и Савинкова. Базовым условием такого анализа должно стать контекстное рассмотрение обеих фигур в рамках соответствующей исторической эпохи и революционной субкультуры.

Заявленная целевая установка определяет пакет применяемых исследовательских методов. Компаративистский метод предполагает проведение сравнения образов Ленина и Савинкова, а через них – руководящих кадров большевистского и эсеровского движения в целом. Историко-биографический метод дает возможность сопоставить биографии революционеров через призму влияния на них жизненных обстоятельств и окружения. Метод контекстуализации предусматри-

вает реконструкцию исторического контекста революционной эпохи.

Аналогии семейной истории

У семьи Ульяновых и Савинковых было много общего. И в той, и в другой было много детей, причем количество их было одинаковым: три брата и три сестры. Отцы семейства достигли высокого положения в чиновничьей иерархии царской России. Илья Николаевич Ульянов получил чин действительного статского советника, Виктор Михайлович Савинков – статского советника. Оба семейства проживали в провинции. Ульяновы – в российской глубинке – Симбирске, Савинковы – в Варшаве, бывшей, правда, некогда столицей Польши. Илья Николаевич был смотрителем (попечителем учебного округа) учебных заведений, а Виктор Михайлович – мировым судьей. Старших братьев, служивших образцом для подражания младших Володи и Бори, звали Александром. И для Владимира Ильича, и для Бориса Викторовича старшие братья были примером и предметом для подражания. Правда, Александр Ульянов, будучи студентом Санкт-Петербургского университета, стал участником революционного кружка в то время, когда Владимир еще был гимназистом. Александр и Борис Савинковы стали на тропу войны с властью почти одновременно. Александр Савинков, правда, к приезду младшего брата в столицу империи уже вроде бы был участником студенческого движения. Оба Александра окончили свои земные дни преждевременно и трагически. Александр Ульянов был казнен за подготовку покушения на императора Александра III. Александр Савинков покончил счеты с жизнью, выстрелив себе в сердце в 1905 г. за несколько месяцев до освобождения...

Жизнь и революционная борьба старшего Савинкова была осложнена отношениями с сестрой Ю. О. Мартова Лидией, успевшей выйти замуж за врача по фамилии Канцель. Документы департамента полиции, касавшиеся деятельности и судьбы А. В. Савинкова, свидетельствуют о связи его с Лидией Цедербаум. Они находились в одних и тех же местах заключения и ссылки. Причем осужденный по тому же делу групп «Рабочее знамя» и «Социалист», что и его старший брат, Борис также должен был отбывать ссылку в Восточной Сибири. Однако Борис Викторович был привлечен к дознанию еще по одному делу, возбужденному Московским охранным отделом и оказался в достаточно комфортном месте, в Европейской части России, в Вологде. Там отбывало ссылку, работая в земствах и других общественных и частных заведениях, немало революционеров, включая А. В. Луначарского, будущего наркома просвещения в Советском правительстве. Находился под гласным надзором полиции, работая в местных судебных органах и адвокат Жданов – будущий защитник Савинкова на суде в Севастополе в 1906 г. Александр, в отличие от Бориса, не совершил побега, хотя Лидия Канцель (Цедербаум) из Якутии сбежала при помощи небезызвестного Урицкого. Отказался Александр и от подачи прошения о сокращении срока ссылки на основании царского указа. Отношение к прошениям, направленным в адрес властей в революционной среде было вполне определенно негативным [4; 5]. За все за это, а может быть, за что-то еще, нам неизвестное, братья Савинковы по постановлению Особого совещания от 30 марта 1898 г. были подвергнуты гласному надзору полиции на один год и высланы из столицы. Александра отправили в Екатеринбургскую губернию, а Бориса в то самое имение его дядюшки и тетюшки, где он, по-видимому неоднократно бывал на каникулах прежде. Александру по ходатайству в МВД, написанному министром

Земледелия и государственных имуществ А. И. Ермоловым, было разрешено задержаться в столице для сдачи переходных экзаменов!

Первое наказание за революционную деятельность для братьев Савинковых не было слишком суровым. Уже 6 августа 1898 г. Александр Савинков подал прошение в МВД с просьбой разрешить ему вернуться в Санкт-Петербург для продолжения учебы. Борис подал аналогичное прошение 8 августа. 7 сентября 1898 г. было принято решение перевести обоих братьев под негласный надзор, то есть разрешить им уехать из мест ссылки при сохранении за ними определенного контроля. Этот контроль не помешал вскоре обоим братьям получить с разрешения Варшавского полицмейстера заграничные паспорта и выехать с территории Российской империи. Борис Савинков 9 ноября 1890 г. выехал не куда-нибудь, а в город Париж. Чуть раньше, 31 августа, Борис Викторович обратился в Санкт-Петербургское отделение по охранению общественной безопасности с просьбой о выдаче ему свидетельства о благонадежности для поступления в Петербургский университет. Департамент Народного просвещения, коему подчинялся Университет, обратился за сведениями о благонадежности Бориса Савинкова в Департамент полиции. На ходатайстве Департамента народного просвещения об ускорении рассмотрения прошения Бориса Савинкова синими чернилами было начертано: «17 января арестован и заключен под стражу»¹.

Бориса, как и Александра, власти первоначально собирались отправить в ссылку в Восточную Сибирь. Александр Савинков именно там и оказался. Сначала в Иркутске, а потом в Якутии.

Очевидно, что где-то в промежутке времени между 1899 и 1900 гг. братья оказались вовлеченными в одну из социал-демократических групп под назва-

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102 3-е дп. Д. 1472. Л. 51.

нием «Рабочее знамя». Можно предположить также, что на их формирование как активных борцов с существующим строем оказало влияние упомянутое пребывание за границей. Родители братьев Савинковых, как это часто водится в многодетных семьях, были не в курсе происходивших со старшими детьми перипетий. Во всяком случае, отец братьев Савинковых Виктор Михайлович писал в Департамент полиции, что «... наказание подействовало настолько благотворно и отрезвляюще, что в настоящее время они представляются вполне благонадежными и дали ему слово сторониться от всякого общения со студенческими кружками»¹. «В силу всего изложенного Департамент полиции полагал бы возможность освободить их от гласного надзора полиции с разрешением возвратиться на жительство в Санкт-Петербург в видах возможного поступления в те же учебные заведения»². Департамент полиции сильно ошибся в отношении братьев Савинковых. Отцу же их была, несомненно, нанесена сильная душевная травма. Мать и старшая сестра Вера продолжали бороться за то, чтобы участь ссыльных братьев была облегчена. И если в случае с Борисом удалось сделать достаточно много: вместо Восточной Сибири он был определен на жительство в Вологду, где было много ссыльных интеллигентов и куда можно было легко добраться родным и товарищам по борьбе, то с Александром дело обстояло намного хуже и, мы бы сказали, сложнее и запутаннее. Он оказался вместе с сестрой Мартова Лидией Цедербаум в якутском городке Олекминске. Лидия вскоре при помощи М. С. Урицкого совершила побег и очутилась за границей. Александр же Савинков покончил с собой 25 мая 1905 г. за несколько месяцев до освобождения! Савинков совершил самоубийство, выстрелив в сердце из револьвера. Он оставил предсмертную записку следующего содержания: «Прошу

¹ Там же. Л. 5. об.

² Там же.

никого не винить в моей смерти, умираю добровольно. Причина – ясные признаки безумия, замечаемые мною в себе; сумасшедшим жить не желаю, а когда окончательно сойду с ума, то вряд ли мысль о смерти у меня появится»³. Вспоминая о своем старшем брате Александре, Борис Савинков, находившийся в лубянской тюрьме, пишет: «А ведь покойный брат Саша, был бы, наверное, большевиком. Я об этом говорил Русе в Париже»⁴.

Любопытно, что Александр Савинков также был первоначально определен в ссылку в Европейскую часть России и самолично просил отправить его в Сибирь в г. Иркутск. Однако «распоряжением Главного начальника края А. В. Савинков был переназначен в Якутскую область для совместного жительства с Лидией Канцель»⁵. 25 июня 1904 г. Александр Савинков вместе с Константином Поповым, Ривой Махлин и Лидией Канцель ходатайствовал перед Департаментом полиции об освобождении их из-под стражи. Возможно, что это было подготовкой к побегу. Полиция имела сведения о намерениях такого рода у названных лиц. Во всяком случае, известно, что Александр Савинков и Лидия Канцель «были первоначально предназначены к отправке их из Александровской центральной пересыльной тюрьмы 5 марта 1904 г., но вследствие доклада начальника Охранного отделения ротмистра Гаврилова о возможности побега с пути этих лиц, были оставлены в пересыльной тюрьме до следующей партии, назначенной к отправке 15 мая»⁶. А. В. Савинков, по-видимому, не слишком рьяно стремился переехать в Якутию. По сведениям, сообщенным в Департамент полиции Верой, сестрой Александра, он был освидетельствован тюремным врачом и признан достаточно здоровым для отправки с этапом к месту ссылки.

³ ГА РФ Ф. 102 3-е делопроизводство 1898. Д. 1146. Л. 64, 64 об.

⁴ Борис Савинков на Лубянке: Документы. М.: РО-СПЭН, 2001.

⁵ ГА РФ. Там же. Л. 18.

⁶ Там же. Л. 17–18.

Борис перед арестом ездил сначала в Кисловодск, где жил его дядя, художник Н. А. Ярошенко, затем вернулся в Петербург и оттуда отбыл на 8 месяцев (с 9 ноября 1899 г. по 16 июля 1900 г.) за границу в Париж. Все это время он находился под негласным, то есть скрытым наблюдением полиции.

Возвращаясь к судьбе Александра Савинкова и деятельности на революционном поприще его и Бориса, нельзя не отметить еще одного странного и даже мистического совпадения. Убийца Плеве Егор Сазонов, бывший студент Московского университета, уволенный из него за участие в студенческих беспорядках. В полицейских донесениях о нем сообщалось: «Сазонов Егор Сергеевич, сын купца, бывший студент Московского университета, родился в 1876 г. в селе Петровском Вятской губернии, воспитывался в уфимской гимназии, по окончании коей поступил в университет, оттуда был уволен со второго курса в 1901 г. за участие в студенческих беспорядках, на основании высочайшего повеления, последовавшего в 1903 г., за государственное преступление подлежит высылке в Сибирь, под гласный надзор полиции на 5 лет. Следуя в Якутскую область, назначенную ему местом водворения, Сазонов скрылся неизвестно куда». Как и Александр Савинков, Сазонов покончил жизнь самоубийством. Он, правда, сидел в Акатуйской тюрьме, но оттуда удалось сбежать главному организатору террора – Гершуни. «Между тем порядки на каторге ужесточились, – пишет современный исследователь сыска. – За неподчинение стали наказывать розгами. Каторжане решили ответить на это массовыми самоубийствами. Услышав неверную весть, что уже двое лишили себя жизни, Сазонов принял яд, оставив предсмертное письмо:

“Товарищи! Сегодня ночью я попробую покончить с собой. Если чья смерть и может приостановить дальнейшие жертвы, то прежде всего моя. А потому я дол-

жен умереть. Чувствую это всем сердцем: так больно, что я не успел предупредить смерть двух умерших сегодня. Прошу и умоляю товарищей не подражать мне, не искать слишком быстрой смерти! Если бы не маленькая надежда, что моя смерть может уменьшить цену, требуемую Молохом, то я непременно остался бы ждать и бороться с вами, товарищи! Но ожидать лишний день – это значит, может быть, увидеть новые жертвы. Сердечный привет, друзья, и спокойной ночи!”¹. Сазонов в свое время лечился в одной из московских клиник от нервного расстройства. Участие в терроре, допросы и заключение в тюрьме, естественно, его здоровья поправить не могли.

На наш взгляд, именно такие люди, экзальтированные, слегка психически неуравновешенные, полные любви к униженным и оскорбленным, ненавидевшие власть, которую они считали причиной этого унижения и оскорбления человеческого достоинства, и шли в террор. Формирование из обычных, нормальных девочек и мальчиков из вполне благополучных семей подобного рода ненавистников всей российской действительности – тема особая. К ней уже, заметим сразу, не из лучших побуждений, подходили некоторые историки и не только они. Ну, например известный «демократ», экономист и мэр Москвы, давший дорогу Ю. М. Лужкову, Г. Х. Попов посвятил семейному воспитанию Ленина и его братьев и сестер целый опус. Попов назвал свою работу высокопарно и претенциозно: «Ошибка в проекте. Ленинский тупик». Она была напечатана сначала в популярнейшем среди интеллигенции журнале «Наука и жизнь». В наше время популярность журнала с советскими временами несравнима, но все же ... В работе Попова специально рассматривалась роль семьи в формировании личности будущего вождя мирового пролетариата-

¹ ГА РФ Ф. 102 3-е делопроизводство 1898. Д. 1146. Л. 64, 64 об.

Там же. Л.18

та, как любят не без ехидства называть Владимира Ильича его нынешние недоброжелатели из бывших членов КПСС. Главной особенностью семьи Ульяновых всем безраздельно руководила мать» [6, с. 72]. Но, как отмечал в свое время один из ярких ненавистников Савинкова, К.Б. Радек: «Бесконечно добрая мать Савинкова заронила в его душе семена протеста, и Савинков сделался бунтарем» [6, с. 72].

«И все же главным моментом, – считает Попов, – повлиявшим на Володю Ульянова, оказалось, вероятно, то, что он был третьим ребенком и вторым сыном» [6, с. 73]. Далее Попов рассматривает положение в семье Володи и соответственно его мироощущение, исходя из какой-то ему только ведомой концепции, основанной то ли на майорате, то ли на вульгарном дарвинизме, сводящем все общественные отношения к борьбе за господство, лидерство и в целом к борьбе за существование... Положение второго сына «... подталкивало на **поиск своего собственного пути** (выделено Поповым – А.К.) [6, с. 74]. «Володя рос в “тени” старшего брата. В такой обстановке средний становится либо слабовольным, либо, напротив, очень замкнутым и жёстким внутри», – отмечает Попов далее [6, с. 74]. Очень категоричный и безапелляционный вывод! «Володя формировался (несмотря на большую семью) как “одинокий волк”, – пишет Попов далее. «Семья не толкала Володю ни на борьбу с самодержавием, ни на роль защитника народа» – делает окончательный вывод-приговор Гавриил Харитонович [6, с. 75].

Повторим, у семьи Ульяновых и Савинковых было много общего. И в семье Ульяновых, и в семье Савинковых помимо старших были еще младшие братья. У Ленина был брат Дмитрий, единственный из всей большой семьи оставивший потомство. У Бориса младшего брата звали Виктором. Он был на семь лет моложе Бориса. Младшие братья были сорат-

никами старших по борьбе. Оба, правда, по мнению старших, не справлялись со своей ролью помощников и заместителей. Дмитрий Ульянов, правда, на первые роли не претендовал. Виктор же, признавая неоспоримый авторитет Бориса, требовал большего доверия и уважения к своей персоне и деятельности. Конфликт разгорелся в то время, когда савинковская организация если и не вступила в стадию окончательного упадка, но переживала несомненный кризис. Сестра Бориса Викторовича Софья Турчинович была членом эсеровской партии и принимала активное участие в борьбе с царизмом. Она, в частности, содействовала побегу из ссылки бывшего сотрудника полиции Бакая, активно участвовавшего в разоблачении агентов-provokatorов в революционной среде. Именно Бакай дал первые сведения об Азефе, с которых началось расследование В. Л. Бурцева, приведшее к разоблачению самого известного из provokatorов. Другая сестра, Вера, вышла замуж за А. Г. Мягкова, инженера-геолога, одного из руководителей Пражской группы Народного союза защиты Родины и свободы – основной савинковской организации в России и за границей.

Пolemика Ленина с неонародниками

Встречался ли Ленин с Савинковым? Судя по воспоминаниям художника Ю. П. Анненкова, В. И. Ленин и Б. В. Савинков возвращались в 1917 г. в революционный Петроград на одном поезде [1]. Савинков приехал в Петербург в апреле 1917 г. тем же поездом, что и В. Ленин. Савинкова тогда на вокзале встретил Ю. П. Анненков. Борис Савинков, вероятно, с броневика не выступал... Однако скорее всего, до 1917 г. Савинкова и Ленина связывала исключительно литературная, а точнее, революционно-публицистическая полемика.

Ленин, несмотря на отличия в мировоззрении и политических взглядах с Савинковым, привлекает статью Бориса Викторовича в качестве объективного

свидетельства плачевного состояния революционных организаций в России, их катастрофической неспособности возглавить уже достаточно мощное рабочее движение. В качестве иллюстрации своих выводов Ленин неоднократно прибегает к цитированию статьи Савинкова. Мы обращаем внимание на эту «связь» «вождя мирового пролетариата» и «супер-террориста» для того, чтобы показать точку расхождения двух революционеров и идейные основания этого расхождения. В своей работе Ленин пишет: «Другие, далекие от всякой “постепенщины”, стали говорить: возможно и должно “совершить политическую революцию”, но для этого нет никакой надобности в создании крепкой организации революционеров, воспитывающей пролетариат стойкой и упорной борьбой; для этого достаточно, чтобы все схватились за “доступную” и знакомую уже дубину. Говоря без аллегорий – чтобы мы устроили всеобщую стачку; или чтобы мы возбудили “вялый” ход рабочего движения посредством эксцессивного террора»¹. Савинков, разочаровавшись в социал-демократической деятельности, перешел именно к этой форме революционной борьбы. Приговор Ленина и «постепеновцам» и «экстремистам» выглядит очень убедительным. «Оба эти направления, и оппортунисты и “революционисты” пасуют перед господствующим кустарничеством, не верят в возможность избавления от него, не понимают нашей первой и самой настоятельной практической задачи: создать организацию революционеров, способную обеспечить энергию, устойчивость и преемственность политической борьбы»². Савинков, по мысли Ленина, дал верную и точную характеристику положения дел в рабочем движении и в руководстве им. В своих статьях Савинков делал вывод о том, что пострадавшее под гнетом реакции русское общество «выделяет из своей среды крайне малое число лиц, год-

ных к революционной работе...»³. Ленин с этим выводом, прямо связанным с концепцией «героев и толпы», категорически не согласен. «Мы во многом не согласны с этим мнением Б-ва и особенно не согласны с подчеркнутыми нами словами, которые особенно рельефно показывают, что пострадавший (как всякий сколько-нибудь думавший практик) от нашего кустарничества, Б-в не может, вследствие его придавленности “экономизмом” нащупать выход из невыносимого положения». «Нет, – пишет Ленин, – общество выделяет крайне много лиц, годных для “дела”, но мы не умеем утилизировать их»⁴.

Об определенной близости ленинских идей с савинковскими (мы имеем в виду организационные аспекты и принципы построения боеспособного революционного движения) писал Ю. О. Мартов [3, с. 76]. Идеолог меньшевизма вспоминал о том, что в «Искру» в свое время из Вологды была прислана обширная статья Савинкова. В «Истории русской социал-демократии» Мартов писал: «Ленинские организационные идеи настолько носились в воздухе, что одновременно с Лениным, почти в тех же выражениях и с еще большими крайностями, их сформулировал находившийся в ссылке в Вологде Б. В. Савинков, приславший обширную статью о характере партийной работы и формах ее организации» [3, с. 77]. Мартов отмечал, что статья напечатана не была, а «Что делать» уже была издана...

Изучая вопрос о соотношении политических и «экономических» методов революционной борьбы, нельзя забывать о том, что его следует рассматривать через призму соперничества марксизма с народничеством. Диалектика развития освободительного движения в России того времени вылилась в такие своеобразные коллизии, что некогда символ революционности – народничество, превратилось в либеральное течение мысли, а марксизм в его легальной форме лишь кон-

¹ Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 144–145.

² Там же. С. 105.

³ Там же. С. 128.

⁴ Там же. С. 128.

статировал социальные метаморфозы, происходившие в результате экономического развития. Да и теория и практика рабочего движения, базировавшиеся на европейском опыте, сводили борьбу к экономическим формам. Революционный марксизм Ленина-Плеханова только еще нащупывал свою дорогу. Не удивительно поэтому, что Савинковы считали экономизм последним словом теории и практики революционной борьбы и рабочего движения. Как вспоминал автор интереснейшего критического разбора мемуаров Савинкова Марк Горбунов, политический экстремизм народников считался многими марксистами реакционным, поскольку объективно прокладывал дорогу буржуазному строю. «Как экономический материалист и как марксист 90-х годов он собственно давно закончил с народовольческими утопиями в программе» [2, с. 184].

Развязка большевистско-эсеровского конфликта

В. И. Ленин, как известно, неоднократно и подолгу проживал в Париже. Более трех лет, с конца 1908 по 1912 гг., Ленин обитал в столице Франции. Там он сблизился с Инессой Арманд, 35-летней вдовой двух братьев Арманд – Александра и Владимира, матерью пятерых детей, и несмотря на все это, активнейшим партийным работником. Конечно, Ленину было не до общений с политическими конкурентами, но как он мог не отреагировать на скандал, связанный с разоблачением Е. Ф. Азефа? В Полном собрании сочинений Ленина Азеф упоминается всего два раза – в 22 и 32 томах. Первый раз в связи с арестом в Австрии инженера Алехина, которого спровоцировал агент-provokator Вейсман, оказавшийся, к тому же, бывшим русским полицейским агентом, перешедшим на службу другой стране. В статье, опубликованной в газете «Правда» в 1911 г., Ленин доказывал общепризнанный в то время факт, что

тана полицейской провокационностью, олицетворением которой на долгие годы стал Азеф. В статьях 1917 г. Ленин отбивает атаки политических противников большевиков, пытавшихся для их дискредитации использовать открывшееся provokatorство Малиновского. Ленин упрекает меньшевиков в двойных стандартах. Они ни словом не упоминают об Азефе, о том, что В. М. Чернов, тогдашний политический союзник меньшевиков, не только «проглядел» Азефа, но был его рьяным защитником от обвинений В. Л. Бурцева. Это притом, что Малиновский никогда не играл в большевистской партии роли, равной роли Азефа в партии социалистов-революционеров. Так что упрек Ленина в фракционной беспринципности, брошенный по адресу меньшевистской газеты, был вполне справедлив.

Любопытно, что, повествуя о своей борьбе с большевиками в 1918 г., Савинков упомянул о том, что члены «Союза защиты родины и свободы» следили за вождами революции Лениным и Троцким в целях организации покушения. «В июне был выработан окончательный план вооруженного выступления. Предполагалось в Москве убить Ленина и Троцкого, и для этой цели было установлено за ними обоими наблюдение. Одно время оно давало блестящие результаты. Одно время я беседовал с Лениным через третье лицо, бывавшее у него. Ленин расспрашивал это третье лицо о “Союзе” и обо мне, и я отвечал ему и расспрашивал его об его планах. Не знаю, был ли он так же осторожен в своих ответах, как и я в своих» [7]. «На другой день в большевистских газетах появилось официальное сообщение о том, что “гидра контрреволюции” раздавлена. Появилось также описание моей наружности. Это описание почему-то было перепечатано некоторыми, хотя и не большевистскими, но крайними левыми газетами. После этого Флегонт Клепиков, никогда не покидавший меня, стал носить револьвер не в кармане, а в рукаве, чтобы в случае нужды было удобнее отстрели-

ваться от большевиков. Ему не пришлось стрелять, хотя однажды мы встретились лицом к лицу с комиссаром народного просвещения Луначарским и в другой раз с комиссаром финансов Менжинским. В обоих случаях не мы, а комиссары поспешили скрыться; уклоняясь от каких-либо мер по отношению к нам» [7].

Думается, что на решение Б. В. Савинкова перейти советско-польскую границу, дабы возглавить созданную чекистами организацию «Либеральные демократы» могло оказать влияние и то обстоятельство, что в начале 1924 г. большевики лишились своего признанного лидера, «вождя мирового пролетариата» Владимира Ильича Ленина.

Резюме

Таким образом, вхождение Ленина и Савинкова в революционное движение отражало типичный путь кооптации кадров революции. Обнаруживается много биографических совпадений и общность ценностей обеих персоналий. Однако по мере развертки революционного процес-

са их воззрения расходятся. Ленин критиковал позицию Савинкова и шире представляемого им течения в общественной мысли и политической практике России. Расхождения Ленина и Савинкова являлись отражением общего расхождения в стратегии и тактике большевиков и эсеров, а соответственно, и выражаемых ими социальных интересов. Полемиическая победа Ленина над эсеровскими оппонентами соотносилась с исторической большевистского движения.

Полученные в ходе исследования результаты указывают на потенциалы использования сравнительно-биографического подхода при сравнении позиций и деятельности различных политических сил. Такой сравнительный анализ исторических биографий (методика «нового Плутарха») мог бы быть проведен также при сопоставлении фигуры Ленина – безусловно, ключевой персоналии революции, с фигурами лидеров кадетов, меньшевиков, правомонархистов и т. д.

Статья поступила в редакцию 16.03.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненков Ю. П. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. М.: Клуб 36,6, 2019. 640 с.
2. Горбунов М. (Колосов Е. Е.) Савинков как мемуарист // Каторга и ссылка. 1928. № 3. С. 168–185.
3. Мартов Ю. О. История российской социал-демократии. Изд. 3-е. Пг.; М.: Книга, 1923. 214 с.
4. Морозов К. Н. Б. В. Савинков и Боевая Организация ПСР в 1909-1911 // Минувшее. Исторический альманах. 1995. Вып. 18. С. 243–314.
5. Морозов К. Н. Феномен Бориса Савинкова и загадка его гибели // Идеи и Идеалы. 2016. Т. 1. № 3 (29). С. 154–174.
6. Попов Г. Х. Ошибка в проекте. Ленинский тупик // Наука и жизнь. 2009. № 4. С. 70–75.
7. [Савинкова С. А.] Годы скорби (Воспоминания матери) // Былое. 1906. № 7. С. 215–256. URL: http://www.azlib.ru/s/sawinkow_b_w/text_0070.shtml [дата обращения: 16.03.2020].

REFERENCES

1. Annenkov Yu. *Dnevnik moikh vstrech. Tsikl tragediy* [A diary of my meetings. A cycle of tragedies]. Moscow, Klub 36,6 Publ., 2019. 640 p.
2. Gorbunov M. (Kolosov E. E.) [Savinkov as a memoirist]. In: *Katorga i ssylka* [Penal servitude and link], 1928, no. 3, pp. 168–185.
3. Martov J. *Istoriya rossyskoy sotsial-demokratii* [The history of Russian social democracy]. Petrograd, Moscow, Kniga Rubl., 1923. 214 p.
4. Morozov K. [B.V. Savinkov and the Combat Organization of the AKP in 1909–1911]. In: *Minuvshyey. Istoricheskiy al'manakh* [The Past. Historical almanac], 1995, iss. 18, pp. 243–314.
5. Morozov K. [The phenomenon of Boris Savinkov and the mystery of his death]. In: *Idei i Idealy* [Ideas and Deals], 2016, vol. 1, no. 3 (29), pp. 154–174.
6. Popov G. [The error in the project. Lenin]. In: *Nauka i zhizn'* [Science and life], 2009, no. 4, pp. 70–75.

7. [Savinkova S. A.] [Years of the tribulation (memories of mother)]. In: *Byloe* [The past] , 1906, no. 7, pp. 215–256.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Курёнышев Андрей Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Российский государственный социальный университет;
e-mail: kure-andrej@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey A. Kurenishev – Doctor in Historical sciences, professor at the Department of History, Russian State Social University;
e-mail: kure-andrej@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Курёнышев А. А. Владимир Ленин и Борис Савинков – два русских политика и революционера. Две судьбы на фоне эпохи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 2. С. 51–60.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-51-60

FOR CITATION

Kurenishev A. Lenin and Savinkov as two Russian politicians and revolutionaries: two fates against the backdrop of the era. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 2, pp. 51–60.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-51-60

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ МЫСЛИ: ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

УДК 321

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-61-70

ГЕО ЙИМАН. О РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация.

Впервые на русском языке публикуется адаптированный перевод работы американского политика Гео Йимана «Революции. Лекция» (*Revolutions. A Lecture*). Данная работа представляет несомненный научный интерес для историков, социологов и политологов в силу того, что это одна из первых теоретических работ о революциях как социально-политическом явлении, и целый ряд положений концепции Йимана оказал влияние на развитие теории революций в XIX–XXI вв.

Ключевые слова: Гео Йиман, революция, теория революции

GEO YEAMAN. ABOUT REVOLUTION

Abstract.

This is the first Russian adapted translation of a work by the American politician Geo Yeaman's "Revolutions. A Lecture". This is one of pioneer theoretical works on revolutions as a socio-political phenomenon. A large number of statements advanced by Yeaman had an influence of the development of the theory of revolutions in the 19th–21st centuries. Consequently, this work is undoubtedly of great scientific importance for historians, sociologists and political scientists.

Keywords: Geo Yeaman, revolution, theory of revolution

Период Гражданской войны в США (1861–1865 гг.) дал сразу две работы по теории революции. Гео Йиман и Джозеф Кларк с разницей в год: первый – в 1861 г., второй – в 1862 г., дали публичные выступления о своем видении революций, которые были опубликованы в виде небольших брошюр. И Север, и Юг в этой Гражданской войне стремились использовать образ Американской революции (1776–1783 гг.) – войны за независимость США (или войны Американских колоний с Англией). И те, и другие пытались показать связи своих позиций и своей стороны с революционной Америкой 1776–1783 гг. И те, и другие постарались показать, что их противник не имеет никакого отношения к революции: с позиций южан Север – это тираническая власть, с позиций Севера южане – это незаконное восстание против легитимной власти, которое не имеет ничего общего с революцией и борьбой за справедливость. Эта политическая борьба и дала теоретические построения о сущности такого явления, как революция.

Джордж Хельм Йиман (*George Helm Yeaman*) (1829–1908) (на публикации публичных лекций подписан как Гео Йиман – *Geo H. Yeaman*) служил представителем штата Кентукки в Палате представителей с 1861 по 1865 гг., а затем – послом США в Дании (ушел в отставку в 1870 г.).

Будучи южанином, Йиман в своей публичной лекции в 1861 г. отстаивает права Юга на борьбу с «деспотизмом Севера» и приводит основания легитимности этой борьбы и права называться ре-

волюцией. Кроме того, что данный источник представляет интерес с точки зрения исторического контекста и политических теорий периода Гражданской войны в США, особую значимость имеют и концептуальные построения автора с точки зрения теории революции, так как он разбирает понятие «революция», рассматривает его как особое социально-политическое явление и выстраивает теоретическую концепцию сущности революций, их причин и места в истории человечества.

Сокращенный и адаптированный перевод выполнен по изданию *Yeaman G.H. Revolutions. A Lecture. Louisville, KY: Morton & Co., 1861. 37 p.* Переводчик, автор примечаний Э.Э. Шульц

Джордж Йиман. Лекция о революциях

Дамы и господа!

Сегодня вечером я предлагаю представить Вашему вниманию несколько замечаний общего характера по теме Революций.

Революция в механике или точных науках – это выполнение данным объектом полного круга вокруг заданного центра. Революция в правительстве не обязательно является полным поворотом или переходом от одного условия к другому, от одного положения или принципа к противоположному этому положению или принципу; и тем не менее, как мы будем иметь возможность наблюдать в ходе этой лекции, как часто бывает, что при осуществлении этого изменения движение выходит далеко за рамки точки, на которую сначала нацелены его авторы, и как и осуществление революции в материальном мире, оно приземляется в точке, где началось. Так, например, часто случалось, что попытка сбросить тиранию была настолько жестокой по своему характеру, что исчерпывала энергию народа и оставляла этот народ в состоянии субъекта, подходящего для господства, более того, желающих такого состояния.

Революция в правительстве – это изменение либо династии (лиц, в чьей ответственности было выполнение работы правительства), либо изменение формы и базовых принципов формы правления. Последнее – тот принцип, с которым мы будем подходить сегодня вечером, так как простая смена губернаторов может осуществляться монархиями или деспотическими режимами с сравнительным

безразличием к управляемым. А противоборствующие группировки, которые борются за правление, могут даже вести кровавую и затяжную войну за достижение своих целей, и тем не менее, в конкретном результате ни одна из сторон (хотя и может сильно пострадать в междоусобице) не выигрывает и не страдает от победы.

Революция, о которой я хочу говорить, – это не просто смена лиц во главе правительства, а изменение характера и формы самого правления. И я ограничу и сужу определение еще одним отличием: Что это изменение, к которому стремится народ или какая-либо партия народа, которое не предоставляется правительством, а осуществляется и получается либо силой оружия, либо, если делается мирно, тем не менее, в порядке, противоречащем и не предусмотренном установленными законными формами. Это отличает его от законодательной или конституционной поправки. Если это будет сделано силой, то это может быть сделано при поддержке армии и других правителей, и, тем не менее, не будет связано народу стремлением или жадной властью этих правителей. Это отличает это явление от завоевания.

С этой точки зрения, завоевание Англии Вильгельмом Нормандским¹ не

¹ Вильгельм I Завоеватель (ок. 1027/1028 – 9 сентября 1087) – герцог Нормандии (с 1035 г.), король Англии (с 1066 г.). Вторжение армии Вильгельма Завоевателя в 1066 году, привело к покорению Англии и получило название «Нормандское завоевание Англии».

было революцией, так как, хотя оно и привело к полной смене правителей и частичной смене формы правления, оно не искалось народом, ни принято с охотой и желанием.

Союз Англии и Шотландии не был революцией. Хотя этот союз и был осуществлен частично с помощью силы и частично – с помощью переговоров и несколько изменил оба правительства, однако, оставил эти правительства в неизменном состоянии в отношении к народу.

Разделение Римской империи, последовавшей за перемещением столицы с берегов Тибра в Константинополь, и дальнейшее расчленение всей структуры, последовавшее за вторжениями северных племен, не были Революциями в том смысле, в каком мы здесь сегодня рассматриваем, потому что, хотя эти события и меняли и правила, и формы, они являлись результатом внутренних дефектов и внешних сил.

Революция, о которой я говорю, – это изменение, осуществленное народом, главной частью управляемых в любой стране, и это изменение всегда провозглашается и, как правило, является (хотя и не всегда) стремлением народа или основной партии к улучшению положения, к большей свободе, к лучшей защите. В науке о государственном управлении свобода и защита – почти (если не полностью) синонимичные понятия. Существует много явлений, которые производят изменения в государственном управлении или в состоянии управляемых, но которые не являются революциями, по крайней мере в том смысле, который мы сейчас используем.

Судорожные и длительные усилия Европы по освобождению Святой Земли от владения и господства неверных сарацин не несли в себе первой характеристики Революции: хотя это и было внезапным, великим и продолжительным изменением в направлении энергии народов всего континента, и хотя это движение действительно оказало большое и долго-

срочное воздействие на правительства, империи и королевства, но это были усилия не одного народа, а многих народов, и были направлены не на собственное состояние, а на состояние другого народа, и как и все другие великие и жестокие упражнения ума, страстей или тела, привели не к ожидаемым результатам, и не к тем, которые ставились целью организаторами.

Постепенное вымирание феодальной системы, продолжающееся уже пять веков, не является революцией, потому что этот процесс был слишком постепенным, был произведен по причинам, которые еще не до конца не оценены, и потому, что этот процесс происходил одновременно во многих странах (особенно в двух королевствах наследственного антагонизма: в Англии и Франции), и потому, что это постоянное и продолжительное стирание феодальных черт еще не полностью произведено и они сохраняются (хотя и модифицированы и смягчены).

В таком взгляде на тему, рассматривая Революции как усилия масс по улучшению своего состояния (а они и должны так рассматриваться, какими бы ошибочными или безнравственными они не были в каждом конкретном случае), очевидно, что такие революции представляют собой гораздо более заметную особенность современной, нежели древней истории.

У древних были свои перевороты и изменения, но они были в большей степени поглощены физическими изменениями, или изменениями, вызванными физическими причинами и силами, чем разумными усилиями или восстанием масс, вызванным нравственным брожением.

Наука государственного управления (отличающаяся от простого осуществления власти одного или нескольких и подчинения этой власти многими другими) есть изучение природы и объектов управления, а также отношений, которые существуют или должны существовать между правителем и управляемыми

лицами, или, точнее, между защитником и защищаемыми лицами, и является если не современной по своему происхождению, то совершенно современной по своему прогрессу и развитию. Эти вещи теперь бесконечно лучше понимаются массами, чем раньше, и как следствие, действие интеллекта в направлении данного предмета является гораздо более заметной чертой в современной истории, чем в прежние времена; и революции, будь то насильственные или мирные, будут и впредь повторяться.

Почти бесконечное количество изменений как династических, так и материальных форм правления, найденных в древней истории, почти все были произведены либо в результате внешнего принуждения, приведенного в действие иностранными державами, или от внутреннего столкновения, вызванного насильственными контактами различных каст, как в случае с плебеями и патрициями Рима, или между честолюбивыми лидерами одной и той же касты, как это часто происходило в греческих республиках.

Также, как уже отмечалось, суть такого рода революции заключается в том, чтобы власть активно сопротивлялась или, если не сопротивлялась, то была получена теми, кто претендует на нее, таким образом и с помощью форм и мер, которые не предусмотрены и противоречат существующему порядку вещей.

Тщетно говорить о законности революции. Когда они оправдываются вообще, то оправдываются необходимостью и моральным суждением человечества. Власть, где вся идея правления выражена в слове «Корона», может пойти на уступки подданным по их молитве или прошению. А там, где правительство – это орган власти граждан (как у нас) и во многом зависит в своей стабильности от мнения граждан, и может быть изменено, когда общественное мнение приводит к конституционным изменениям.

Но это скорее в природе реформ, а не революций.

Ограничиваясь таким взглядом на предмет, становится очевидным, что мы имеем три великих репрезентативных примера революций в современной истории (на самом деле – за всю историю), и это – Английская революция 1640 года, Американская революция 1775 года и Французская революция 1789 года. Как будет отмечено, я не просто так указал даты этих событий по времени их первого проявления и начала активностей. Английская революция не была завершена созданием Содружества в 1648 году¹. Американская революция официально не провозглашалась до 1776 года и окончательно не увенчалась успехом до 1783 года. Французская революция не завершилась воцарением террора при Робеспьере, Дантоне и Марате и только в 1793–1794 годах все-таки начала отступать: отступать, пока не докатилась до того, что постановления Первого консула 1801–1803 годов завели еще дальше, чем отправная точка, чему последовало новое поставление короля Франции союзными армиями в 1815 году.

Конечно, я не буду пытаться подробно обсуждать эти три революции ни вместе, ни по отдельности; так как захватывающие события и серьезные уроки каждой из них не могут быть сведены в узкие пределы одной лекции.

Я буду ссылаться на них только тогда, когда, как мне думается, они или некоторые из их особенностей, принципов и событий могут быть использованы для иллюстрации общего предмета в руках либо в применимых к нему принципах, либо в вычетах из его рассмотрения.

Определив (возможно, слишком подробно) точный предмет исследования, который я называю Революцией, первой нашей отправной точкой, с которой мы начнем разбор темы, станут Авторы Революций.

¹ *Commonwealth of England* – англ., в буквальном переводе «Английское содружество», позднее – «Содружество Англии, Шотландии и Ирландии» – т. н. «Английская республика», просуществовавшая с 1649 по 1660 годы.

Любая политическая власть, даже самая деспотичная, зависит, в конце концов, от мнений и убеждений тех, кто использует и осуществляет эту власть в республиках и демократиях, и в равной степени – от мнений и убеждений тех, кто подчиняется власти и в деспотичных правлениях. Ни одно правительство давно не выдерживает давления враждебно-общественного мнения.

Теперь, когда вся политическая власть зиждется на ее происхождении и поддержке общественного мнения, и посему не может быть Революции, за исключением случаев, когда совокупность мнений идет вразрез с существующим порядком вещей, то авторы Революций – это те, кто осуществляет, кто формирует, кто направляет это мнение.

Далее, что касается прав революции. Право революции является абсолютным и совершенным; на языке нашей собственной Декларации независимости, “люди наделены своим Создателем определенными неотъемлемыми правами; среди них жизнь, свобода и стремление к счастью; и для обеспечения этих прав между мужчинами были созданы справедливые полномочия из согласия управляемых; всякий раз, когда какая-либо форма правления становится разрушительной, народ имеет право изменить или упразднить ее и создать новое правительство, заложив его основы на таких принципах и организовав свои полномочия в такой форме, которая, с их точки зрения, скорее всего, повлияет на его безопасность и счастье.

Это право, вытекающее не из какой-либо конституции или формы правления, а из природы. Применяется к общинам аналогично праву и обязанности самосохранения у отдельных лиц. Это прежде всего человеческое правительство, потому что это дар Бога человеку, и потому, что, по нашей теории, это Создатель, а не создание законов, и это в основании нашей системы. Без Создателя

у нас не было бы ни независимости, ни конституции, ни союза; без благотворного влияния существования права (даже если оно используется не в полной мере), свобода не выдержит полвека ни в одной части мира. Это неотчуждаемо, точно так же и части одного целого, как душа человека неотчуждаема от тела.

Человек может злоупотреблять правом, он может сделать его жалким, он может осуществлять свои полномочия, разрушая свое счастье, но он не может разрушать, сдавать или продавать его. Это часть его природы, а не часть его приобретённых прав. Это так же, как и право дышать воздухом, в котором мы движемся, и использовать солнечный свет небес для восприятия красоты и практической полезности вещей вокруг нас. Основание этому в природе вещей.

Это право превосходит преданность гражданина своему правительству, потому что своими действиями он сделал свое правительство, и потому что своими действиями он может его снять. В массах оно является таким же высшим, как и право на самооборону у индивидуумов.

Далее о причинах революций. Причина того или иного изменения в любой вещи почти всегда может быть установлена путем наблюдения за природой измененной вещи, а также масштабов и характера осуществленного изменения, как и путем нахождения исторической взаимосвязи с причиной. Это верно в нравственности, в истории и в материаловедении, что эффект указывает на причину с почти такой же уверенностью, как причина указывает на эффект. Каменистая скала, наклонные и смешанные слои, чёрная, запутанная масса указывают на большую жару и мощные колебания, в то время как гладкая и блестящая галька указывает на истирание и полирующее трение тысячи лет.

Монополии, титулы, привилегированные классы, недостаточная защита, непомерное налогообложение были тем злом, которое подтолкнуло французов к

усилиям, поначалу справедливым и мужественным, по улучшению своего правительствa. Налоги, главным образом на мелкие бумажные и чайные изделия, налоги, взимаемые без представительства – взимаемые теми, кто их не платил, и недостаточная защита колоний со стороны правительства метрополии привели к петициям, выражениям протеста, Лексингтону, Бункер-Хилл, Независимости. В декларации причин эти три фигурируют: «за введение налогов для нас без нашего согласия»; «он отрекся от правительства здесь, объявив нас вне своей защиты и ведя войну против нас»; «он взбудоражил внутренние восстания среди нас и попытался предать жителей наших границ безжалостному индийскому дикарю, чьи правила войны зиждятся на истреблении всех, вне зависимости от возраста, пола и иных условий»; и вы увидите, что все причины, упомянутые в этом заявлении, могут быть отнесены к двум группам: чрезмерного бремени и недостаточной защиты.

Хотя эти вещи были справедливыми причинами справедливых революций, они также, благодаря крайнему интересу, ощущаемому к ним массами, были извращены плохими людьми и стали двигателями страшной силы. Отсюда проистекает необходимость очень пристального изучения как в отношении авторов, так и реальных причин революции.

Еще один плодотворный источник революций – великое, почти преступное пренебрежение общественными делами самыми лучшими представителями общины. Будьте уверены, что если вы не будете управлять страной, другие будут, и если она не будет управляться хорошо, она будет управляться плохо.

Далее, что касается морали революций. Это вопрос частично решен при разбирательстве нами с правами и причинами революций. Но не всегда нравственно делать то, что мы имеем право делать. Можно в общих чертах сказать, что революция имеет моральное право, когда она

необходима. Кому судить о нравственности или необходимости движения? Тем, кто затевает движение, или сопротивляющейся власти, или беспристрастному миру вокруг? Мир, все человечество, заседающие в качестве великого суда и выносящие свой вердикт на страницах истории, по необходимости и по праву претендует на то, чтобы стать окончательными судьями этого вопроса.

Далее, когда необходима революция, отличающаяся от реформ или конституционных изменений? Когда это целесообразно? Есть время для всего. Когда это время? Общий ответ таков: «когда в ходе человеческих событий становится необходимо». Более конкретный ответ заключается в том, что «благоразумие, действительно, будет диктовать, чтобы давно созданные правительства не менялись по легким или временным причинам; и, соответственно, весь опыт показывает, что человечество более склонно страдать, в то время как зло является невыносимым, чем освободиться, отменяя те формы, к которым оно привыкло. Но когда длинная серия злоупотреблений и узурпаций, преследуя неизменно одну и ту же цель, стремится ослабить людей под абсолютным деспотизмом, то это правильно, тогда это обязанность – сбросить такое правительство и обеспечить новую охрану своей будущей безопасности. Таково было терпеливое страдание наших Колоний, и такова теперь необходимость, которая обязывает их изменить прежние системы правления». «На каждом этапе этих притеснений мы ходатайствовали о возмещении ущерба в самых скромных выражениях. На наши неоднократные петиции ответили только неоднократным ущербом». «Мы также не желали внимания нашим британским братьям. Мы также не желали такого поворота событий с нашими британскими братьями. Мы постоянно предупреждали их от попыток их законодательного органа распространить на нас необоснованную юрисдикцию. Мы напоминали

им об обстоятельствах нашей эмиграции и оседлости здесь. Мы обращались к их справедливости и великодушию, напоминали об узах нашего родства, чтобы они отrekliсь от узурпации, которая неизбежно рушила наши связи. Они тоже глумились над голосом справедливости и родства. Они глумились над голосом справедливости и родства. Поэтому мы должны были примириться с необходимостью разделения и отношения с ними такого же, как и со всем человечеством: враги в войне, друзья в мире».

Причины революций не всегда будут учитывать особенности их управления или развития. Считается, что те, кто начинает революции, редко заканчивают их. Мы могли бы пойти дальше и сказать, что те, кто начинает их, редко проводят их, а те, кто ведет их, редко заканчивают их. Английская, но особенно Французская революция были примерами истинности этого правила, в то время как Американская революция была славным исключением. Почему те, кто привел в движение Французскую революцию, были убиты теми, кто ее проводил, а те, кто призывал ее вперед, были уничтожены теми, кто ее завершил? С другой стороны, почему те, кто воевал у Бункер-Хилл, захватили город Йорк; те, кто планировал в Филадельфии, повзрослели в Аннаполисе и Вашингтоне; и те, кто впервые подал голос о Независимости, были теми же, кто повел этот государственный корабль в плавание? Причины будут легко понятны при обсуждении прогресса и тенденций революций.

Мы уже говорили, что революции никогда не идут назад. При первом взгляде на этот предмет, утверждение кажется верным, однако при внимательном рассмотрении представляется, что это совершенно не соответствует действительности. Если имеется в виду, что авторы и действующие лица революции добровольно не отказываются от своей цели, то это правда. Если это означает, что они никогда не побеждаются и даже

не контролируются оппозицией и обстоятельствами, то это не соответствует действительности. Если имеется в виду, что успешные перемены не радуют тех, кто их требовал, а скорее побуждают их предъявлять еще более серьезные требования, то это в целом верно, но не всегда так. Если под выражением, что они никогда не идут назад, подразумевается простой факт, что они собирают силы и последователей только тогда, когда идут вперед, – то это истинно.

Американская революция не пошла назад, но неуклонно, хотя и медленно, двигалась вперед к выполнению своего первоначального замысла, а затем остановилась. Она не вышла ни на один шаг дальше и, возможно, по этой самой причине не отступила в сторону того места, где она началась. Не так с англичанами и французами. Если казнь Карла I и создание Содружества сделали одну революцию, а свержение Содружества и протектората Кромвеля сделали еще одну революцию, а призыв и коронация Карла II снова совершили еще одну – третью – революцию, то ни одна из этих революций не двигалась в обратном направлении к изначальной точке. Но если все эти события рассматривать как части одной грандиозной драмы (а они являлись и таковыми должны считаться), то эта драма все-таки прошла путь к своим истокам.

Если пересмотр системы трех сословий, учреждение Конвента, отмена монархии и обезглавливание Людовика будут рассматриваться как первая французская революция, а роспуск Конвента¹ и создание Директории² и империи – как очередная революция; и если свержение императора и Империи на поле Ватерлоо, с последующим восстановлением династии Бурбонов и интронизация Лю-

¹ Высший законодательный и исполнительный орган Первой французской республики во время Великой французской революции, действовавший с 21 сентября 1792 г. по 26 октября 1795 г.

² Правительство Французской республики с 4 ноября 1795 г. по 10 ноября 1799 г., состоявшее из 5 членов.

двигая XVIII на штыках союзных армий, составляли третью революцию, – тогда ни одна из них не вернулась к исходной точке, хотя каждая двигалась в направлении, отличном от других. Но суждения человечества не так разделили великую трагедию мировой истории. Приговор истории и здравого смысла был вынесен и утвержден, и этот вердикт заключается в том, что все эти события являются лишь частью одного большого целого, причем каждая часть тесно и неразрывно связана с другими в отношениях причинно-следственных связей; все эти части составляют Французскую революцию, и Французская революция в своем движении действительно вернулась к исходной точке.

И таким образом, как мы заявляли в начале, революция в форме правления, как революция в механике, иногда идет по кругу, и останавливается либо там, где она началась, либо в худшей точке. Конечно, это не обязательно ни для завершения определения движения, ни для достижения его целей.

Смертельная ошибка, слишком часто совершаемая революционерами, заключается в том, что они не могут изменить свое правление, не уничтожив его; словно старый семейный особняк нельзя восстановить, не разрушив до основания. Акт уничтожения старого всегда предшествует акту замещения и строительства нового правительства.

В качестве доказательства того, что я не ошибаюсь, говоря, что безумие может стать национальным, вспомните, что некоторые из самых яростных и кровавых духов Царства Террора¹ были людьми, которые до и после этого времени были самыми тихими и терпимыми людьми в частной и общественной жизни.

Французы начали свою Революцию для исправления ошибок – ошибок, которые мучительно требовали исправления. В попытке сдержать неумеренность политики своего правительства они на-

¹ Период якобинской диктатуры.

чинают громко выступать с лозунгом “Права человека”. Идея была новой и радующей слух, и, как новая идея, была подхвачена и развита и доведена до лозунга “Свобода, Равенство, Братство”. Вскоре их взволнованным умам стало очевидно, что не может быть свободы там, где есть какая-либо сдержанность, не может быть равенства там, где есть какие-либо титулы и привилегии, и нет братства, где одни имеют больше мирских утешений, чем другие.

Эти идеи, вкуче с некоторыми военными успехами, свели на нет французский характер: быстрый, блестящий, нервный, импульсивный. Не довольствуясь теперь сдерживанием излишеств в политике правительства, они, естественно, теперь стремились полностью перестроить это правительство. Преуспев в этом, они должны были остановиться. Но теперь начинаются их ошибки и несчастья. Логика ума уступает место логике страстей и чехарде событий. Правительство, которое в последнее время нуждалось только в небольших улучшениях, теперь выглядит пригодным только для уничтожения; и, как и в случае с англичанами, свержение монархии не считалось полным до тех пор, пока ее представители не были предложены в качестве светлой жертвы демону анархии: Людовик и Мария² были гильотинированы на глазах ротозействующей толпы.

Давайте перейдем от этих обескураживающих сцен к нашей собственной Революции. Американская революция была таким успехом, который не имел аналогов в мире. Успешная, но без революционных излишеств; уравновешенная, но без суровости; устойчивая, но без жестокости; энергичная, но без суеты и суматохи; она шла стабильно, медленно вперед к той точке, на которую была нацелена, а затем остановилась. Эту Революцию не искали, но искренне и честно избегали до последнего, приняв как крайнюю необ-

² Людовик XVI и Мария-Антуанетта, король и королева Франции, казненные 21 января 1793 г.

ходимость. Сопrotивление началось не потому, что введенный налог сделал бы наше население нищими, а потому, что подчинение ему сделало бы их рабами. У них были «миллионы на оборону, но ни цента на дань». Они начали не с того, что стали бороться за новые права и большую свободу, а лишь с того, чтобы сохранить те права, на которые они тогда имели право. Эти усилия были продолжены в течение многих лет, и были предприняты в Британской империи, не выходя за ее пределы. В Лексингтоне и Бункер Хилле сражались люди, которые с удовольствием сложили бы оружие и присягнули на верность Георгу¹, если бы Север отменил налог, а парламент разрешил им собственные законодательные собрания.

Союз колоний с Великобританией был распущен только тогда, когда петиции, увещевания, дипломатия и война не смогли этот союз защитить. И когда началась решающая борьба за Независимость, почему она была отмечена такой стойкостью, единством, последовательностью и преданностью и увенчалась таким счастливым успехом? Потому что она проводилась на определенных четко обозначенных и справедливых принципах. Эти принципы содержатся в Декларации независимости. Этот документ занимает в моем сознании такое же место по отношению к науке управления, что и Библия в разделе «религии». Ясная и правдивая, простая, но глубокая, она является лучшей экспозицией прав человека и подлинной теории правления, которую только производил мир.

Теперь несколько слов об успехе революции. Очень очевидно, что для полноты определения предмета необходим благоприятный исход движения. Уже упоминалось, что успешное восстание – это революция, а неудачное восстание – измена. Это верно только в юридическом

смысле, а то и только в отношении государства, где оно произошло.

В юридическом смысле ирландцы были предателями Великобритании, галлантные поляки – предателями трех держав, а венгры – предателями Австрии. Но в нравственном суждении мира они были защитниками правых и друзьями человечества.

Самые успешные революции – это те, которые правильно начаты и остановились, когда зашли достаточно далеко.

Далее о результатах революций. Эта тема уже обсуждалась нами. Остается лишь сделать несколько замечаний.

Поразительным фактом является то, что три из четырех великих персонажей, участвовавших в революциях республик, вышли из этих революций с коронами на головах. Цезарь в тот же момент, как ступил на руины Римской республики, воздвиг корону римского императора на свое чело. Кромвель использовал Содружество и Протекторат как каменную лестницу к трону Британской империи, и приобрел все, кроме титула короля. Первый консул и император Франции был обязан своим императорским достоинством разгону Конвента его военными отрядами.

Наш собственный Вашингтон не получал и не желал таких игрушек: без короны, без трона, без титула, кроме «Отца своей страны», он жил до самой смерти, «первый на войне, первый в мире и первый в сердцах своих соотечественников!» Какой это памятник! – «Сердца его соотечественников». Памятник, который будет жить и вызывать трепет, и сохранять свою славу, когда гранитные арки и медные колонны проржавеют и разрушатся под неизбежным ходом времени. Своим возвышением и чистотой своей славы он обязан не прозаике и разорению собственного народа, а успехам в его сохранении, своему патриотизму и любви к рациональной свободе.

Мягкий успех справедливой революции вдохновляет все человечество на

¹ Георг III – король Великобритании (25 октября 1760 – 1 января 1801) и Соединённого королевства Великобритании и Ирландии (1 января 1801 – 29 января 1820).

деждой и бодростью, в то время как бедствия одного неправильно управляемого укрепляют деспотизм и поражают страхом охлажденное сердце миллионов.

Наконец, что касается умозаключений, которые должны быть вынесены из рассмотренного предмета. Большой частью они указаны в ходе обсуждения. Три ведущими идеями, которые следует вывести как необходимые для каждой благотворной революции, являются честность цели, необходимость в обстоятельствах и умеренность в поведении.

Я говорил, что в человеческой природе больше добра, чем зла. Я скажу то же самое о революциях, говоря о них как о явлении. Если бы можно было сделать общее среднее значение их результатов и последствий для человеческой судьбы, если бы мы могли сбалансировать их счета, я думаю, что столбец прибыли превзошел бы столбец убытков. Иначе

мы бы противоречили истории, унизили Человека и подвергли импичменту само Провидение. Но несмотря на это, я должен отметить, что в конкретном случае бывает так, что иностранное подчинение является меньшим злом, чем плохо начатая революция, плохо проведенная и плохо законченная.

Президент Соединенных Штатов считал нужным попросить вас отправиться в этот день перед престолом Божественной благодати, «в это время нужды нашей», молясь Господу о помощи, умоляя Его отвести революционное зло, которым мы угрожаем. Многие из вас выполнили свои обязательства. Моя собственная молитва заключалась в том, чтобы эта горькая чаша миновала нас. Но если это невозможно и должно случиться, то пусть мы, с Божьей помощью, будем вести себя так, чтобы не быть погребенными под руинами Истории.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 94 (5+6+8) «1900 – 1930», 332
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-71-78

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ НАЧАЛА 1930-х гг.: «АГРАРНЫЙ ВОПРОС В КОЛОНИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» О. ТАРХАНОВА

Волобуев О. В.

*Московский государственный областной университет
141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель статьи – определение историографического места и значения монографии О. Тарханова «Аграрный вопрос в колониальных революциях» (изд. 1932 г.).

Процедура и методы исследования. Монография рассматривается как обобщающее исследование колониальной политики одного из ярких представителей сформировавшегося на рубеже 1920–1930 гг. поколения востоковедов-коминтерновцев. Свою научную задачу и общественный долг они видели в выявлении специфики революционного движения в колониях и полуколониях. Соответственно, анализ труда Тарханова требовал исследовательского разделения нарратива, основанного на исторических источниках, и оценочного влияния политических установок Коминтерна.

Результаты проведенного исследования. Книгу О. Тарханова отличает панорамный охват всего колониального мира (Азия, Африка, Латинская Америка) и многоаспектное освещение темы (экономика, социальные противоречия, политика, национальный вопрос). Ее автор является сторонником концепции доминирования в империалистической политике опоры на консервацию феодальных и патриархальных отношений в колониях. Но в его трактовке такое воздействие порождает в колониях революционные выступления, главная движущая сила которых – крестьянская масса.

Теоретическая / практическая значимость. Статья – первое историографическое исследование, посвященное данной монографии О. Тарханова. Показано, что, несмотря на идеологическую и политическую направленность, она в целом отличается научным подходом автора к анализу комплекса источников и опорой на его собственный опыт пребывания в революционном Китае.

Ключевые слова: советское востоковедение, колониальный мир, аграрный вопрос, социальные противоречия, антиколониальное и антифеодальное революционное движение

FROM THE HISTORY OF SOVIET ORIENTAL STUDIES AT THE BEGINNING OF 1930: “THE AGRARIAN QUESTION IN THE COLONIAL REVOLUTION” BY O. TARKHANOV

O. Volobuev

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoi ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

Aim. To determine the historiographical place and significance of O. Tarkhanov's monograph "Agrarian Question in Colonial Revolutions" (ed. 1932).

Methodology. The monograph is considered as a generalizing study of colonial policy by one of the brightest representatives of the generation of Orientalists-Cominterners formed at the turn of 1930s. These researchers saw their scientific mission and social duty in identifying the specifics of revolutionary movements in colonies and semi-colonies. Accordingly, the analysis of Tarkhanov's work required distinguishing between the narrative, based on historical sources, and the biased impact of the political attitudes of the Comintern.

Results. O. Tarkhanov belonged to the young generation of Soviet Orientalists (P. Myth. E. Yolk, L. Mad'yar and others), whose scientific and journalistic activity lasted only ten years and was interrupted in 1937. This was a generation of Orientalists-Cominternists who saw their task in identifying the specifics of revolutionary movements in colonies and semi-colonies. The ideological and political perspective of their research was combined with a scientific approach to the analysis of sources and their own experience in revolutionary China.

Research implications. This article is the first historiographical research devoted to the monograph by O. Tarkhanov. It is shown that, despite its ideological and political bias, the monograph stands out due to the author's scientific approach to the analysis of sources and reliance on his own experience of living in revolutionary China.

Keywords: Soviet Oriental studies, colonial world, colonies and metropolises, economics and politics, social contradictions, anti-colonial and anti-feudal revolutionary movement

Оскар Тарханов (Сергей Петрович Разумов, 18 (31) июля 1901 – 8 февраля 1938)), ровесник XX в. по рождению, был известен в первой половине 1920-х гг. как один из главных руководителей комсомола, член секретариата РКСМ и представитель ЦК РКСМ в КИМе – Коммунистическом интернационале молодежи. В декабре 1927 г. решением XV съезда РКП(б) он, заметный активист оппозиционного партийного блока, был исключен из партийных рядов и отправлен на работу в Архангельск. После восстановления в РКП(б) решением ЦКК в ноябре 1928 г. Тарханов находился на партийной работе в Казани, а в 1930 г. был принят в один из Институтов красной профессуры

– Институт мирового хозяйства и мировой политики [см.: 2; 3; 5].

Как талантливый человек, Оскар Тарханов вписался в передовой отряд советских востоковедов, прежде всего – китаистов и японистов. Его ровесником и участником Гражданской войны был Евгений Сигизмундович Иолк (1900 г. р.) – зам. заведующего НИИ по Китаю. Он сблизился с Тархановым во время их совместного пребывания в военно-политической группе М. М. Бородина, находившейся в Южном Китае в 1924–1927 гг. Иолк был единственным из молодого поколения востоковедов кто имел специальное высшее образование (Ленинградский институт живых восточных

языков). Остальные были самоучками-китаеведами.

Еще один участник Гражданской войны, П. А. Миф (Михаил Александрович Фортус, 1901 г. р.), возглавлял НИИ по Китаю и был инициатором его создания. Приходился он, уроженец Херсонской губернии, одесситу Оскару Тарханову почти земляком. К моменту учебы Тарханова Миф занимал высокий ответственный пост в Дальбюро Коминтерна, считался одним из ведущих знатоков китайской революции. П. Миф – автор небольшой книжки о революционном движении в странах Востока [6] стал ответственным редактором первой научной монографии О. Тарханова [8].

С НИИ по Китаю О. Тарханов был связан еще до поступления в Институт красной профессуры. И не случайно: Тарханов был одним из немногих молодых советских коммунистов-ученых, кто знал непосредственно и Китай, и реалии китайского революционного движения. Более того, он являлся автором ряда художественных новелл, написанных по китайским впечатлениям и публиковавшихся под литературным псевдонимом О. Эрдберг [9]. Причастность к китайской революции 1925–1927 гг. определила его интерес к проблеме революционных движений в колониях и полуколониях.

Монография О. Тарханова «Аграрный вопрос в колониальной революции» была издана 1932 г. Книгу можно разделить на две части: экономический анализ состояния сельского хозяйства в колониальных и полуколониальных странах и особенности антиколониального и антиимпериалистического революционного движения. В главах первой части анализируются социальные отношения в крестьянском колониальном мире, формы сельского хозяйства (плантационное, помещичье и мелкокрестьянское), ростовщический капитал, особенности и кризисные явления в аграрном секторе колониальной экономики. В них представлен панорамный обзор колониального мира: Азия от

Турции и Ближнего Востока до Китая и Голландской Индии (современной Индонезии), Северная и Тропическая Африка, Латинская Америка.

Вторая часть – это классовые противоречия в колониальных революциях, этапы революционного движения, место и роль аграрного вопроса в нем, типология антифеодальных и антиколониальных революций. Революционные движения и народные восстания рассматриваются Тархановым, начиная с XIX в.: Тайпинское восстание, Бабидское движение, Восстание сипаев. XX в. представлен революциями – Иранской 1906–1911 гг., Младотурецкой 1908 г., Синьхайской 1911 г., революционным кризисом 1919–1921 гг. в Индии, Кемалистской революцией в Турции. Заканчивается монография Китайской революцией 1925–1927 гг. (в современной китайской историографии – Великая революция 1924–1927 гг.). Последняя именуется в книге Тарханова колониальной революцией советского типа.

Содержанием первой главы книги является сплетение финансового капитала с докапиталистической эксплуатацией в колониях. Важным выводом своего исследования Тарханов считает то обстоятельство, что кабальные формы зависимости, феодальные методы эксплуатации нельзя рассматривать просто как пережитки прошлого, ибо они являются «одной из существенных функциональных форм закабаления колоний финансовым капиталом...» [8, с. 29]. Он критикует тех экономистов, которые утверждают, что колониальная политика европейских держав и монополий подрывает докапиталистические отношения и заставляет колонии вступать на путь модернизации экономики («конструктивная работа империализма»). Для него – это теория деколонизации. В числе критикуемых сочинений и книга индийского «пионера марксизма» Манабендра Роя¹ «Новая Ин-

¹ наброски Роя наряду с набросками Ленина – стали основой тезисов II конгресса Коминтерна (июль 1920 г.) по национальному и колониальному во-

дия» [7], в которой утверждается, что после восстания сипаев капиталистические отношения распространяются по всей стране. Не согласен Тарханов и с аналогичными оценками относительно Турции и Ирана. По этому вопросу он расходится во взглядах с директором Института мировой экономики и мировой политики Е. Варгой и специалистом по экономике Китая Л. Мадьяром. Мадьяр полагал, что остатки феодальных отношений в аграрной экономике Китая можно встретить лишь в отдельных частях страны, и они не играют ведущую роль в структуре аграрного строя [4]. Здесь сказался разный опыт пребывания в Китае (сугубо городской у Мадьяра).

Тарханов в своих оценках исходит из того, какая форма капитала главенствует – торговая, промышленная или финансовая. Его постановка вопроса более дифференцирована. Он в чем-то почти согласен с выдающимся экономистом социал-демократического направления Р. Гильфердингом в том, что экспорт капитала ускоряет глобальное капиталистическое развитие, и это оказывает революционизирующее воздействие на колонии. Однако не только с ускорением капиталистического развития сталкиваются страны Востока, но и с поддержкой европейским капиталом процесса консервации допотопных пережитков в деревенском укладе. «Достаточно отъехать на 50 километров от Шанхая в глубь страны, чтобы увидеть средневекового помещика и полностью зависимых от него крестьян-арендаторов, обрабатывающих землю примитивными способами, имеющими тысячелетнюю давность, несмотря на то, что теперь они разводят хлопок для английских текстильных фабрик в Шанхае, олицетворяющих собой достижения эпохи финансового капитала» [8, с. 13]. Тарханов подводит читателя к выводу о неравномерности развития капитализма в мире колоний и полуколоний, а также в различных сферах, направлениях и от-
просам.

раслях производственной деятельности и культурной жизни. По итогам освещения в монографии социально-экономического положения в колониальном мире отметим, что критика в ней направлена против преувеличения степени зрелости капиталистического развития в колониях и полуколониях и против отрицания доминирования в них пережитков феодализма, или иначе, против завышенных модернизационных ожиданий¹.

На первых этапах национально-освободительных революций, в построениях автора книги, в роли гегемона выступает национальная буржуазия, и именно она представляет общенациональные интересы. Но могут в этой роли выступать и феодальные верхи – племенные и родовые вожди (Рифское восстание – война берберских племен в испанском Марокко 1921–1926 гг., национально-освободительное восстание друзов в Сирии 1925–1927 гг.). Переключаясь на лозунг Коминтерна для арабских стран, Тарханов полагает, что национальная борьба может привести к созданию рабоче-крестьянской федерации арабских республик, что, конечно, было утопией для того времени. К странам, где туземная буржуазия добилась частичных успехов, отстаивая национальные интересы, Тарханов относит Турцию и Афганистан. В Афганистане, дескать, сложился союз торговой буржуазии и либеральных помещиков. И здесь у Тарханова забегание вперед: преувеличение степени осовременивания отдельных стран патриархального Востока, столь характерное для коминтерновцев. Но такое локальное осовременивание ситуации в отдельных странах сочетается с отрицанием в целом «конструктивной работы» империализма в колониях.

В монографии прослеживается меняющаяся роль национальной буржуазии

¹ Но, в то же время, в отношении революционного движения в колониальном мире это критикуемое ожидание было, как коминтерновцу, присуще и самому Тарханову (см. ниже).

по мере втягивания Востока в антиимпериалистическую национально-освободительную борьбу. Для обоснования этого тезиса Тарханов обращается к истории революционного движения в Китае. Им делается следующий вывод: «Теперь националисты уже не решаются мобилизовать массы на борьбу за общенациональные цели, а без мобилизации масс эта борьба заранее обречена на неудачу» [8, с. 169]. Этот вывод отражает революционное мышление автора, видящего руководство революционным потоком прежде всего в мобилизации масс. С позиций революционной идеологии Тарханов критикует как Гоминьдан в Китае, так и гандистское движение в Индии. Он противопоставляет «национальную революцию» «национальной оппозиции»¹.

Критикует О. Тарханов и известного тогда публициста И. Вардина за перенесение оценок тактики «левого блока» в период Первой российской революции на ситуацию в Иране. Кучек-хан, по определению Ф. Ф. Раскольникова, «полуразбойник, полуреволюционер», вынужден был согласиться с провозглашением Гилянкой Советской республики летом 1920 г., после того, как С. Орджоникидзе и Ф. Раскольников заняли Решт и Энзели. Оказалось, что крестьяне не были готовы к аграрной революции и отказывались брать конфискованную у помещиков землю. Еще менее они были готовы к антирелигиозной политике иранских коммунистов. Современные историки видят поражение Гилянкой революции в неудаче попыток создать массовую базу

движения в сельскохозяйственных районах. Советская власть была чужеродной в глубоко религиозном Иране. Однако эта сторона Гилянкой революции в монографии не акцентрируется. Тарханов в соответствии с марксистско-ленинской, а точнее – коминтерновски-сталинской схемой видит причину поражения движения и утверждения монархии Реза-хана в отказе от революционного решения аграрного вопроса. Он, как полагает Тарханов, никогда не вел антиимпериалистическую войну и никогда не представлял туземную буржуазию. Он захватил власть и подавил Гилянскую революцию, провозглашая националистические лозунги и прикрываясь ими.

Тарханов отстаивает необходимость учета специфических особенностей каждой из стран и различие этапов зрелости революционных движений. В частности, он выделяет два типа колониальных стран – с преобладанием плантаторской системы хозяйства и преобладанием мелко-крестьянской культуры. В национально-освободительном движении им выделяется несколько этапов. Первый – это революционный подъем 1850–1880 гг. (тайпины в Китае, сипаи в Индии, бабиды в Иране). Вторая полоса национально-освободительных войн на Востоке связана с переходом капитализма в империалистическую фазу. Национальный торговый капитал уступает место компрадорскому, а крестьянское хозяйство вовлекается во внешнюю торговлю. Казалось бы, происходит капиталистическое развитие колоний, но в действительности идет сращивание финансового капитала со средневековыми хозяйственными и социальными институтами. В этих странах продолжают господствовать докапиталистические отношения. Рыночные отношения не облегчают, а ухудшают положение крестьянства. Европейская промышленная конкуренция разоряет ремесленников. Но одновременно складываются кадры индустриального пролетариата. Все это создает

¹ «Национальная оппозиция», в смысле интерпретации Л. Мартовым расстановки политических сил в 1905 г., для Тарханова неприемлема. По его мнению, лидер меньшевиков тогда стремился к союзу с либеральными помещиками и фабрикантами, игнорируя «темных» и «консервативных» крестьян [8, с. 172]. Но, конечно, это был повод не столько для критики Мартова и меньшевиков, сколько для критики взглядов так называемой «троцкистско-зиновьевской оппозиции» на положение в Китае (при этом Тарханов ссылается на Сталина, что можно понять в его положении опального в то время коммуниста).

почву для революционного брожения. Результат – революции начала XX в. на Востоке: в Турции, Иране, Китае, массовые движения в Индии. Эти революции и движения протекали при наличии очень слабого рабочего класса. Национального раскрепощения стран не произошло. На этой временной полосе национально-освободительного революционного движения проявилась неспособность колониальной буржуазии выдвинуть и решить аграрный вопрос.

В последних главах монографии рассматривается аграрный вопрос и его решение в процессе колониальных революций после Первой мировой войны и опыта социалистической революции в России. Констатируя, что война революционизировала Восток, Тарханов отмечает массовость движений, втягивание в политику различных социальных слоев («глубинные пласты»), обострение внутренних противоречий в освободительных процессах и классовое размежевание, отход буржуазии от радикальных требований и ее переход на стовор с империалистическими кругами. Но у Тарханова есть оговорка: нельзя «механически применять положение – “национальная буржуазия перешла на сторону империализма” – ко всем и к любой колониальной стране и в любое время...» [8, с. 230].

Тарханов уверен – аграрный вопрос определяет расстановку классовых сил в колониальных революциях. И в Турции, и в Египте революционный подъем заострил борьбу на национальном, а не на аграрном вопросе. По-другому протекала национально-освободительная борьба в Индии и Китае. В Индии крестьянское движение развертывается в Ауде, на Малабарском побережье, Пенджабе, Бихаре, Бенгалии. Однако Ганди как руководитель массового движения оценивается отрицательно, поскольку его позиция привела к отказу от развития крестьянской революции. Говоря иными словами, к отказу от решения аграрно-крестьянского вопроса, что было «единственным мостом, веду-

щим к победе» [8, с. 222]. Вполне понятно, что больше всего места Тарханов уделяет китайской революции 1925–1927 гг. В его трактовке, переворот Чан Кайши 20 марта 1926 г. отразил стремление местной буржуазии «удержать движение исключительно в рамках антиимпериалистической борьбы» [8, с. 224].

В монографии выделяется тема «Аграрный вопрос в колониальных революциях советского типа». В центре этой главы поставлена крестьянская проблема в китайской революции. Тарханов рассматривает крестьянское движение в Шаньдуне, Цзянсу, Чжэцзяне и в самых южных провинциях. В Шаньдуне это движение носит патриархально консервативный характер. Приводятся крестьянские лозунги: «Да здравствует конфуцианское образование! Да здравствует самодержавие! Да здравствуют японцы, спасающие Китай!». Требования реставрации распространяются вплоть до – вернуть прежнюю систему отличий – мандаринские шарики и павлиньи перья [8, с. 259]. В Цзянсу и Чжэцзяне организационно крестьянским движением руководили общества «Малых мечей» и «Красных пик». Движение на местах возглавляли кулаки и помещики. Полноправные члены общества «Малых мечей» должны были иметь не менее 40 му земли. Но повстанцы часто действовали под лозунгами «Грабь богатых, спасай бедняков» и громили рисовые склады, протестовали против захвата сельской верхушкой плодородных наносных земель, отказывались платить арендную плату за землю. В южных провинциях повстанцы организовывали советы и партизанские отряды, на базе которых было сформировано шесть корпусов Красной армии. Здесь уже происходил передел земель. По мнению Тарханова, так там воплощался в жизнь лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. И все эти сложившиеся обстоятельства делали крестьянское движение победоносным [8, с. 259].

Взгляды Тарханова на перспективы крестьянского движения оптимистичны. Будущее – за высшей формой крестьянской борьбы под пролетарским и коммунистическим руководством. Китайская революция – составная часть мирового коммунистического движения, противостояния между социализмом и империализмом, хотя советская власть в Китае пока только революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Утверждение Троцкого в письме VI конгрессу Коминтерна о том, что «лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства превратился в конечном счете в надисторическую абстракцию», как подчеркивает Тарханов, опровергается всем ходом антиимпериалистической и антифеодальной революции в Китае [8, с. 268]. Сегодняшний день этой диктатуры – завершение аграрной революции, завтрашний – полное уничтожение капиталистических отношений.

Тарханов как автор монографии проявил себя, с одной стороны, начетчиком коминтерновских тезисов и оценок и одновременно, с другой, самостоятельно мыслящим ученым. Такое противоречие характерно в том или ином преломлении и для других представителей советской историографии того времени. Не станем упрекать автора за избыточное «цитатничество» трудов Маркса, Ленина, Сталина, документов Коминтерна и за привычную тогда политическую терминологию, как, например, приклеиваемый социал-демо-

кратам ярлык «социал-фашистов». Но не следует думать, что весьма политизированная монография являлась поверхностным сочинением «на тему». Это был серьезный научный труд, написанный на основе анализа широкого круга научной литературы, статистических данных, периодической печати. Использованы были издания на иностранных языках: английском, немецком, французском, китайском. Ряд положений исследования находили верификацию в трудах других советских ученых. Так, например, в статье В. Вишняковой, посвященной аграрному кризису в Китае, прослеживалась тенденция усиления под влиянием экономического кризиса помещицкой и торгово-ростовщической эксплуатации крестьян, что закономерно приводило к подъему революционного движения [1].

Первое время после выхода книги Тарханов числился по разряду не столько востоковедов, сколько экономистов. Но монография «Аграрный вопрос в колониальной революции» была в целом принята советскими учеными-востоковедами и ввела О. Тарханова в их ряды. Многообещающий автор, что показано в статье, принадлежал к молодому поколению советских востоковедов (П. Миф, Е. Иолк, Л. Мадьяр и др.), научная и публицистическая деятельность которых продолжалась всего каких-то десять лет и была прервана в 1937–1938 гг.

Статья поступила в редакцию 09.12.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишнякова В. Н. Углубление аграрного кризиса в Китае в 1932 г. // Проблемы Китая. 1933. № 12. С. 232–272.
2. Волобуев О. В., Черный В. М. Оскар Сергеевич Тарханов (К семидесятилетию со дня рождения) // Народы Азии и Африки. 1971. № 6. С. 211–214.
3. Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / сост. Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 496 с.
4. Мадьяр Л. Очерки по экономике Китая / под ред., с предисл. и заключ. статьей Е. Варги. М.: Комакадемия, 1930. 304 с.
5. Милибанд С. Д. Библиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г.: в 2-х кн. Кн. 2. / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1995. 763 с.
6. Миф П. Нарастание революционного движения в колониях. Харьков: Пролетарий, 1930. 59 с.

7. Рой М. Новая Индия. М.-Пг.: ГИЗ, 1923. 200 с.
8. Тарханов О. Аграрный вопрос в колониальной революции. М.: Партиздат, 1932. 188 с.
9. Эрдберг О. Китайские новеллы. М.: Молодая гвардия, 1929. 166 с.

REFERENCES

1. Vishnyakova V. [Deepening of the agrarian crisis in China in 1932]. In: *Problemy Kitaya* [Problems of China], 1933, no. 12, pp. 232–272.
2. Volobuyev O., Chernyy V. [Oscar Sergeevich Tarkhanov (on his seventieth birthday)]. In: *Narody Azii i Afriki* [The Nations of Asia and Africa], 1971, no. 6, pp. 211–214.
3. Vasilkov Y., Sorokina M., comp. *Lyudi i sud'by. Biobibliograficheskiy slovar' vostokovedov – zhertv politicheskogo terrora v sovetskiy period (1917–1991)* [People and destinies. A bio-bibliographic dictionary of Orientalists – victims of political terror in the Soviet period (1917–1991)]. St.-Petersburg, Peterburgskoye vostokovedeniye Publ., 2003. 496 p.
4. Madyar L. *Ocherki ekonomiki Kitaya, pod red. s predisl. i zaklyuch. st. Ye. Vargi* [Essays on the Economy of China, with a foreword and conclusion by E. Varga, ed.]. Moscow, 1930. 304 p.
5. Miliband S. *Biobibliograficheskiy slovar' otechestvennykh vostokovedov s 1917 g. v 2kh kn. Kn. 2.* [Bio-bibliographic Dictionary of Russian Orientalists since 1917 in 2 vols., vol. 2]. Moscow, Nauka Publ., 1995. 763 p.
6. Mif P. *Narastaniye revolyutsionnogo dvizheniya v koloniyakh* [The growth of the revolutionary movement in the colonies]. Kharkov, Proletariy Publ., 1930. 59 p.
7. Roy M. *Novaya Indiya* [New India]. Moscow-Petrograd, GIZ Publ., 1923. 200 p.
8. Tarkhanov O. *Agrarnyy vopros v kolonial'noy revolyutsii* [The agrarian question in the colonial revolution]. Moscow, Partizdat Publ., 1932. 188 p.
9. Erdberg O. *Kitayskiye novelly* [Chinese short stories]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1929. 166 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Волобуев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Московского государственного областного университета;
e-mail: volobuevov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Volobuev – Doctor of Historical sciences, professor and chief researcher, Moscow Regional State University;
e-mail: volobuevov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Волобуев О. В. Из истории советского востоковедения начала 1930-х гг.: «Аграрный вопрос в колониальной революции» О. Тарханова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 71–78.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-71-78

FOR CITATION

Volobuev O. From the history of soviet oriental studies at the beginning of 1930: “The Agrarian Question in the colonial revolution” by O. Tarkhanov. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 71–78.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-71-78

УДК: 94 (470,311) “17/18”

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-79-86

ЖИТЕЛИ УЕЗДНЫХ ГОРОДОВ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. И ПРОБЛЕМА ИХ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Захарова А. А.

Московский государственный институт международных отношений (университет), Колледж 143007, Московская область, г. Одинцово, ул. Ново-Спортивная, д. 3, Российская федерация

Аннотация.

Целью статьи является выявление особенностей протекания процесса становления гражданского самосознания у населения уездных городов Московской губернии в указанный период.

Процедура и методы исследования. Автором был проведен анализ материалов Наказов в Уложенную комиссию, а также архивные материалы органов городского самоуправления.

Результаты проведенного исследования. Автор стремится проследить процесс формирования гражданской идентичности в среде городского населения уездного города конца XVIII – первой половины XIX в.

Теоретическая / практическая значимость. материалы статьи могут быть использованы для создания учебных пособий, посвященных социальной истории России XVIII – XIX вв., а так же в соответствующих учебных курсах и курсах по краеведению.

Ключевые слова: гражданин, уездный город, городское самоуправление, наказания в Уложенную комиссию

RESIDENTS OF DISTRICT TOWNS IN THE MOSCOW PROVINCE IN THE LATE 18TH – THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY AND THE PROBLEM OF THEIR CIVIC IDENTITY

A. Zakharova

Moscow State Institute of International Relations (university), College, 3 Novo-sportivnaya ul., Odintsovo 143007, Moscow region, Russian Federation

Abstract.

Aim. To identify specific features of forming civic consciousness among the population of the district towns in the Moscow province in the specified period.

Methodology. The author analyzed the materials of the Orders to the Stated Commission, as well as archival materials of municipal self-government bodies.

Results. The author seeks to trace the becoming process of civic identity among the urban population of a district town of the late 18th - first half of the 19th century.

Research implications. The findings of the present study can be used in the creation of tutorials dedicated to Russian social history in the late 18th - first half of the 19th century, as well in teaching local history and other related courses.

Keywords: urban citizenship, district town, orders to the Stated Commission, self-government

Введение

Впервые население города было выделено в отдельное сословие по Соборному уложению 1649 г., когда за «посадскими людьми» были закреплены определенные юридические права и связанные с ними обязанности. Петр I дополнительно усилил корпоративную организацию посадских людей, учредив для них специальный суд, введя такие категории городского населения, как гильдейское купечество и цеховые ремесленники и предоставив гильдиям и цехам самоуправление.

Жалованная грамота городам 1785 г. начинает новый этап развития городского гражданства. Усиливается сословный статус городских жителей. Выразителями интересов городского населения становятся мещанский, купеческий, цеховой и городской старосты. Принадлежность к городскому сословию закреплялась внесением в городскую обывательскую книгу¹. В этом контексте возникает проблема восприятия горожан как особого социального слоя, обладавшего идентичностью, и дискуссия о применимости к горожанам термина «гражданство».

Основной целью нашей работы является выяснение степени формирования гражданской самоидентификации городского сословия уездных центров Московской губернии в период от середины XVIII до середины XIX в. Задачи: анализ трактовок и концепций о городском гражданстве в Российской империи в целом и в конце XVIII – начале XIX вв. в частности; выяснение особенностей самосознания и самоидентичности через проявления гражданской активности городского населения. Такая активность

может проявляться в высказывании своей точки зрения на проблему положения горожан (используются указы в Уложенную комиссию), а также в конкретном участии горожан в организации самоуправления (использованы материалы городского самоуправления уездных городов Московской губернии).

Историография проблемы

Российское законодательство конца XVIII в. пыталось соединить в себе идеи просвещения и реальность подданнического существования населения. Е. Марашинова пишет, что термин «гражданин» стал часто употребляться «с тем, чтобы акцентировать... наличие так называемых горизонтальных отношений между жителями империи, которые в данном случае именовались согражданами» [7, с. 368].

В законодательстве Екатерины II термин «гражданство» употребляется в двух вариантах: 1) термин, противоположный уголовным делам, то есть гражданское судопроизводство (здесь можно говорить о стремлении называть всех подданных Российской империи гражданами); 2) термин «гражданин», аналогичный слову «горожанин». Других значений слова «гражданство» в законодательных источниках не просматривается.

На практике слова «граждане» и «подданные» использовались только для красивых формулировок законодательства, а все подданные Российской империи именовались душами, низшим сословием или чисто формально: податным сословием.

Однако М. Б. Лавринович [5] утверждает, что в результате реформаторской политики Екатерины II «городское население перестало играть для государства исключительно роль источника финансов... статус горожан приобрел политическое значение...» [5, с. 241]. Он говорит

¹ Грамота на права и выгоды городам Российской империи // ПСЗ. Собрание 1-е. Т. 22. № 16188. П. 53.

о формировании «городского гражданского общества» на базе мещанско-купеческого социального взаимодействия и создаваемого ими ментального поля городской идентичности.

В сознании русского горожанина второй половины XVIII в. слово «гражданин», видимо, не рассматривалось в контексте гражданского долга.

Н. В. Середа утверждает, что, по документам городских магистратов Тверской губернии, термин «гражданство» в конце XVIII в. являлся синонимом термина «мещанство» и словосочетания «Общество купцов и мещан». Под термином «гражданин» понимались не все горожане, быть записанным в цехи, гильдии или просто в обывательскую книгу было недостаточно, необходимо было участвовать в самоуправлении [10, с. 100].

П. Г. Рындзюнский писал, что купцы, мещане и цеховые предпочитали называть себя гражданами, что отмечало «раскрепощающее значение перехода в городское состояние» [9, с. 3]. Но, судя по содержанию наказов, горожане не столько подчеркивали свое свободное состояние, сколько пытались просто обособить себя от низших крестьянских сословий, независимо от того, были ли те свободными или крепостными. Значит, термин, удачно употребляемый Екатериной II, не носил для них идеи гражданского долга и чести служения Родине, а обозначал границы сословия. Этот термин отделял купцов, мещан и цеховых, именовавшихся городскими обывателями, от сельских обывателей. Скорее всего, первоначально он употреблялся еще и в качестве юридически предписанного (термин «гражданский» употребляется в Жалованной грамоте городам гораздо чаще термина «обывательский»).

Наказы в уложенную комиссию как источник по истории становления городской идентичности

Важнейшим свидетельством о наличии или отсутствии гражданского само-

сознания являются указы в Уложенную комиссию, которые рядом исследователей считаются показателем заинтересованности населения в помощи государству в решении основных городских проблем.

Н. П. Ерошкин, обобщая указы городов России, говорил о требовании права «создания городского сословного управления, руководимого купцами» [3, с. 116]. Однако ничего подобного мы в наказах уездных городов Московской губернии не увидим. Требования изменений в системе самоуправления и управления есть у всех, но не всегда они в пользу расширения полномочий купечества. Чаще всего они перекликаются с проблемой сословного обособления и конфликтов с местными властями именно на этой почве. Можно выделить одно общее требование – избирать бургомистров и ратманов каждые три года, в чем проявляется стремление купечества самоустраниться от дел самоуправления в пользу занятия коммерцией: «...оные в службе бывают от пяти до пятнадцати лет. Но от той долговременной службы лишаются своих торгов и промыслов, от чего приходят в крайнее изнеможение и убожество...»¹.

Важным был вопрос о чести и достоинстве. Он был затронут в трех наказах. Купцы просили уважения и отделения в отношении от других податных сословий, жаловались, что дворяне, унижая, называют их мужиками и сорокаалтынниками². Все подобные прошения также носят статусный дискурс. Особенно подробно эта проблема освещена в наказе города Руза, где читаем пожелания: ввести наказания за бесчестие купечества, отмена телесных наказаний, наказания за увечья, нанесенные купечеству, в том числе и со стороны дворян³.

Особо резко купечество выражается против нарушения их права привилегии

¹ Сб. РИО. СПб. 1894, X. Наказ от купечества города Серпухова. П.1. С. 187.

² Сб. РИО. СПб. 1894, XXV. Наказ жителей города Рузы, XXXIV. Наказ от жителей города Звенигород.

³ Сб. РИО. СПб. 1894, XXV. Наказ жителей города Рузы. С. 370–380.

на торговую и производственную деятельность. В каждом городе отмечено требование решить вопрос о торговле и промыслах крестьян и разных чинов людей, а также производстве и торговле дворян. Здесь купечество уездных городов Московской губернии не выбивается из общих требований городов. Этот вопрос не поднимается из всех рассмотренных наказов только в Коломне.

Однако для понимания уровня самосознания горожан гораздо большее значение имеет оригинальность требований и их формулировок. В процессе исследования было обнаружено, что ряд наказов идентичны в плане текстового наполнения. Исследователи склонны видеть в этом схожесть взглядов [2, с. 221] составителей наказов.

На наш взгляд, здесь следует различать идентичные требования по смыслу и идентичные по текстовому содержанию. Выявлена схожесть наказов Рузы и Звенигорода, а так же Вереи и Можайска.

Несомненно, имеет место копирование элементов текста. Город Звенигород – 2 из 12 пунктов наказа были написаны самостоятельно. Целиком и полностью были взяты общие формулировки, требования – характерные для большинства городов. Наказы Рузы выглядят более уникальными. Они содержат много частных требований, характерных только для конкретного города. Общее количество пунктов в Рузском наказе гораздо больше. Отсюда делаем вывод, что наказ Звенигорода был списан с наказа Рузы. При этом жители города Звенигород даже не потрудились переформулировать тексты. Поэтому ни о каком самосознании и самостоятельном мышлении мы здесь говорить не можем.

Ружане же гораздо более ответственно подошли к решению вопроса, указывая насущные проблемы города. Однако параллельно они указывали ряд прошений частного, обывательского характера, которые к проекту нового общегосударственного свода законов не имеют отно-

шения. Это также относится и к другим городам (например, жители Коломны обращались с прошением наладить качественный медицинский осмотр скота при продаже¹), что свидетельствует еще и о низком уровне правовой культуры.

В сравнении наказов Вереи и Можайска также наблюдается копирование текстов. Дословно скопированы с наказа Вереи только пункты 2 и 4–7. Что тоже не мало – 45% от общего числа прошений. Частично скопирован пункт 1, но содержит дописанные частные факты.

Любопытен еще один факт: жители города Дмитров вообще не стали ничего просить, красиво вывернувшись фразой о полном доверии императрице. Их поведение отражает незаинтересованность горожан в подобных узаконениях.

Самые активные города – Коломна и Серпухов. Серпухов – 27 пунктов прошений, Коломна – 21 пункт. Их требования обширны, рациональны, четко пояснены, дают понять реальные проблемы и интересы города. Это и одни из самых развитых городов, поэтому неудивительно, что их указы отличаются более высоким уровнем заинтересованности и даже гражданской позиции, чем указы других городов.

Следующий блок городов – менее активные – это Руза и Верея, средние по уровню экономического развития города.

Последний блок городов – Звенигород и Можайск – города маленькие. В этих городах наблюдалась пониженная торговая активность, купечество малочисленное. Поэтому ни о какой гражданской активности с целью улучшения ведения дел купечества здесь речи быть не может. И именно поэтому Звенигород и Можайск занимались копированием своих наказов из других, более авторитетных текстов. В частности, для Звенигорода это была Руза, а для Можайска – Верея.

Дискурс построения наказов свидетельствует о том, что интересовали горо-

¹ Сб. РИО. СПб. 1894, V. Наказ от городских жителей Коломны. С. 138.

жан в основном насущные, повседневные вопросы. Даже если они содержат в себе тему самоуправления, показатели гражданской позиции, то фразеология свидетельствует скорее о желании облегчить положение, нежели о стремлении получить власть и самостоятельность управления городом.

Что касается отличий от наказов городов других губерний, то их не так много. Имеет место меньшая активность в плане становления самоуправления, и ряда других вопросов. Горожане Московской губернии были не столь активны и самостоятельны, как жители отдаленных от столиц городов.

Участие в самоуправлении как показатель формирования гражданского самосознания

После принятия Жалованной грамоты городам 1785 г. ключевым показателем формирования гражданской идентичности является участие в городском самоуправлении. Право избирать и быть избранным, а следовательно, возможность решать насущные городские вопросы давалось владельцу недвижимости, купцу, объявившему капитал, цеховому или иностранному или иногороднему купцу.

Самой многочисленной категорией населения города были мещане. Именно они задавали основной тон в поведении населения уездного города в силу своего численного превосходства над купечеством и более тесной связи с городом, к которому они и их деятельность были привязаны юридически. Интересы купечества второй и первой гильдий зачастую выходили за пределы города. Часть из них были приписаны к городу формально, имея реальную деятельность и место жительства в губернском городе или в столицах [11; 8, с. 216]. Так, по данным 1845 г., в Богородске зарегистрировано 110 купцов, не проживающих в нем фактически¹.

Особой роли в становлении гражданского самосознания и в городском самоуправлении они играть не могли. Наоборот, купечество третьей гильдии, тесно связанное с мещанством, так как зачастую недавно из него вышло, имело очень большой процент участия в самоуправлении. Вместе с мещанами эта категория являлась элементом базовой структуры городского гражданства. Представители других сословий, проживавшие в городе, духовенство, крестьяне, разночинцы и даже дворянство самоустраивались от участия в городском самоуправлении.

Впрочем, архивные материалы позволяют выявлять показатели низкой степени гражданской идентичности и самосознания и у основной части городского населения. Нередко наблюдаются проблемы с низкой явкой на городских выборах. Для решения таких проблем, в частности для купечества, предусматривались специальные пригласительные списки. Типичный пример оповестительного списка представлен в материалах Богородской городской думы². В списке зафиксированы фамилии 26 купцов. Двенадцать человек подписали свое согласие, трое заявили, что явиться не смогут.

Встречаются также случаи неявки к исполнению должности уже после избрания³ и отказы от должностей по разнообразным причинам – болезни, старости, а когда удавалось, то и через замену. Так, в 1804 г. в г. Дмитрове мещанина выбрали сборщиком, мать сама нашла ему замену, поскольку у нее единственный мужчина в доме⁴. Еще одним способом избавиться от должности является откуп. В документах встречаются даже ведомости по откупам от должностей⁵.

Однако, наряду с подобными сведениями о попустительском отношении к самоуправлению и интересам города, были и другие ситуации, которые позволяют

¹ ЦГАМ (Центральный государственный архив города Москвы) ОХД до 1917 г., Ф. 1796, Оп. 1, Д. 289, Л. 4, 10, 12, 15, 17.

² ЦГАМ ОХД до 1917 г., Ф. 1796, Оп.1, Д. 533, Л. 3–4.

³ ЦГАМ ОХД до 1917 г., Ф. 1633, Оп.1, Д. 90, Л. 48–50.

⁴ ЦГАМ ОХД до 1917 г., Ф. 1633, Оп.1, Д. 599, Л. 5 об., 7.

⁵ ЦГАМ ОХД до 1917 г., Ф. 1036, Оп.1, Д. 66, л. 1 об.

говорить о высоком уровне гражданского самосознания. Примером 50-летнего служения на общественных должностях может быть дмитровский купец В. А. Возничихин¹. Члены Серпуховской городской думы пытались защитить интересы своего города в случае с созданием целого рынка подвижных лавочек, когда губернские власти потребовали его сноса². Городское общество помогало своим гражданам и в периоды бедственного положения, осуществляя раскладку повинностей на других членов общества. Осуществлялась забота о сиротах, малоимущих, контроль за людьми, нарушающими общественный порядок.

Заключение

Вопрос о гражданстве и гражданской идентичности сейчас является особенно актуальным в свете развития правового государства и дискуссии вокруг формирования гражданского общества в России. Тема исследования находится на стыке исторической науки и культурологии и является популярной у современных исследователей истории города, местного управления и самоуправления в России [1; 4; 6].

Термин «гражданин» исторически в России был связан с городским населением. Такая ситуация, впрочем, существовала и в Европе. Происхождение и состав слова «гражданин» как в русском, так и в ряде романо-германских языков позволяет отождествлять его с понятием «горожанин».

В России термин «гражданин» расширяет свое значение в XVIII в., под ним начинают также понимать члена общества, наделенного определенными гарантированными законом правами [12, с. 79].

Использование термина «гражданство» было крайне заманчивым для такого реформатора, как Екатерина II, однако попытки сформировать городское гражданство встретились с рядом пре-

пятствий, которые не позволили сформироваться горожанам как действительным гражданам империи. Несмотря на активное заявление своей гражданской позиции частью горожан, все же основная масса населения продолжала быть аморфной и воспринимала вопросы реализации своих прав как обязанность, и более того, неудобная или даже убыточная. Это наблюдается в наказах в Уложенную комиссию, где представители крупных и развитых городов (таких как, например, Коломна) активно высказывают свою позицию, а представители других городов (например Можайска или Звенигорода) предпочитают использовать «дежурные» фразы общего характера.

Горожане зачастую воспринимают свою деятельность не как свое естественное право, а как возложенную государством обязанность, что выражается во многом в формальном подходе к исполнению обязанностей по самоуправлению на рубеже XVIII–XIX вв. В этом жители подмосковных городов мало чем отличались от жителей других провинций, более того, близость к «древней столице» скорее препятствовала гражданской активности жителей уездных городов Московской губернии. Отвлечение купцов первых двух гильдий на коммерческие дела вело к тому, что ядром городского («гражданского») общества были купцы 3-й гильдии и мещане, уровень правовой культуры которых не позволял им эффективно отстаивать свои интересы перед властью.

С другой стороны, сам законодатель изначально ограничил возможности городского населения действовать, поставив их под контроль губернской администрации. Кроме того, ряд исследователей склонны считать гражданскую фразеологию екатерининского законодательства лишь красивой оберткой, под которой ничего нет.

Статья поступила в редакцию 13.01.2020

¹ ЦГАМ ОХД до 1917 г., Ф. 1633, Оп. 1, Д. 324.

² ЦГАМ ОХД до 1917 г., Ф. 1036, Оп. 2, Д. 1.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов А. В. Реформа города Екатерины II: (по материалам губерний центральной России). М.: ИРИ РАН, 2019. 613 с.
2. Демкин А. В. Купеческие указы в уложенную комиссию // Купечество в России, XV – первая половина XIX в. М.: ИРИ РАН, 1997. С. 219–231.
3. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. 5-е изд., доп. М.: РГГУ, 2008. 710 с.
4. Куприянов А. И. Культура городского самоуправления Русской провинции 1780-1860-е годы. М.: ИРИ РАН, 2009. 336 с.
5. Лавринович М. Б. Реформаторская политика Екатерины II в области городского законодательства (1762–1796): дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 295 с.
6. Ломако Е. Л. Провинциальные города Подмоскovie и Рязанщины в указах в Уложенную комиссию 1767 г. // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2015. Т. 13. С. 3051–3055. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85611.htm>.
7. Марасинова Е. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: Очерки истории общественного сознания. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 512 с.
8. Миронов Б. Н. Социальная мобильность российского купечества в XVIII – начале XIX века // Проблемы исторической демографии СССР / Под. ред. Р. Пуллата. Таллин: АН ЭССР, 1977. С. 207–217.
9. Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России. М.: АН СССР, 1958. 559 с.
10. Середа Н. В. К изучению терминов «гражданство», «мещанство», «купечество» (по документам городских магистратов Тверской губернии) // Мир источниковедения: Сборник в честь Сигурда Отговича Шмидта. М.: Ист.-арх. ин-т, 1994. С. 97–101.
11. Статистическое обозрение промышленности Московской губернии составленное Ст. Тарасовым. М.: Типография ведомостей Московской городской полиции, 1856. 186 с.
12. Татищев В. Н. Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский. Ч. 1. СПб.: Тип. Горного училища, 1793. 311 с.

REFERENCES

1. Belov A. *Reforma goroda Ekateriny II: (po materialam gubernii tsentral'noi Rossii)* [Reform of the city of Catherine II: (materials of the Central Russia governorates)]. Moscow, IRI RAN Publ., 2019. 613 p.
2. Demkin A. [Merchant instructions to the legislative Commission]. In: *Kupechestvo v Rossii, XV – pervaya polovina XIX veka* [Merchants in Russia XV – the first half of the XIX century]. Moscow, IRI RAN Publ., 1997, pp. 219–231.
3. Eroshkin N. *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolutsionnoi Rossii* [The history of state institutions of pre-revolutionary Russia]. Moscow, RGGU Publ., 2008. 710 p.
4. Kupriyanov A. *Kul'tura gorodskogo samoupravleniya Russkoi provintsii 1780–1860-e gody* [The culture of city government the Russian province 1780 – 1860 years]. Moscow, IRI RAN Publ., 2009. 336 p.
5. Lavrinovich M. *Reformatorskaya politika Ekateriny II v oblasti gorodskogo zakonodatel'stva (1762–1796)* [The reformist policy of Catherine II in the field of urban law (1762–1796)], PhD Thesis in Historical sciences. Moscow, 2001. 295 p.
6. Lomako E. [Provincial town in the Moscow region and Ryazan land in mandates to the legislative Commission of 1767]. In: *Kontsept: nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal* [Koncept: scientific and methodological e-magazine], 2015, vol. 13, pp. 3051–3055. Available at: <http://e-koncept.ru/2015/85611.htm>.
7. Marasynova E. «Zakon» i «grazhdanin» v Rossii vtoroi poloviny XVIII veka: Ocherki istorii obshchestvennogo soznaniya [“The law” and “citizen” in Russia of second half XVIII century: essays on the history of social consciousness]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 512 p.
8. Mironov B. [Social mobility of Russian merchants in the eighteenth – the beginning of the XIX century]. In: *Problemy istoricheskoy demografii SSSR. Pod. red. R. Pullat* [Pullat R., ed. Problems of historical demography of the USSR]. Tallinn, AN ESSR Publ., 1977, pp. 207–217.
9. Ryndzyunskii P. *Gorodskoe grazhdanstvo doreformennoi Rossii* [Urban citizenship in pre-reform Russia]. Moscow, AN SSSR Publ., 1958. 559 p.
10. Sereda N. [To the study of the terms “citizenship”, “the petty bourgeoisie”, “the merchant” (according to the documents the city magistrates Tver province)]. In: *Mir istochnikovedeniya: Sbornik v chest' Sigurda*

- Ottovicha Shmidta* [The world of source: a Collection in honor of Sigurd O. Schmidt]. Moscow, Ist.-arkhivny in-t Publ., 1994, pp. 97–101.
11. *Statisticheskoe obozrenie promyshlennosti Moskovskoi gubernii sostavlennoe St. Tarasovym* [Statistical review of the industry of Moscow province is composed of St. Tarasov]. Moscow, Tipografiya vedomstei Moskovskoi gorodskoi politsii Publ., 1856. 186 p.
 12. Tatishchev V. *Leksikon rossiiskii istoricheskii, geograficheskii, politicheskii i grazhdanskii* [The vocabulary of Russian historical, geographical, political and civil]. Part 1. St.-Petersburg, Tip. Mining College, 1793. 311 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Захарова Анна Александровна – преподаватель социально-гуманитарных дисциплин Колледжа МГИМО(У) МИД РФ;

E-mail: a.a.zaharova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna A. Zakharova – teacher of social sciences and humanities at the College of Moscow State Institute of International Relations (university);

E-mail: a.a.zaharova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Захарова А. А. Жители уездных городов Московской губернии второй половины XVIII – первой половины XIX в. и проблема их гражданской идентичности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 2. С. 79–86.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-79-86

FOR CITATION

Zakharova A. The residents of district towns of Moscow province and the problem of their civic identity of the late XVIIIth – the first half of the XIXth c. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 2, pp. 79–86.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-79-86

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-87-110

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПЕРВЫХ ГАЗОБАЛЛОННЫХ АТАКАХ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (МАЙ-ИЮНЬ 1915 г.)

Постников Н. Д.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Систематизировать и ввести в научный оборот новые данные о первых газобаллонных атаках, которые были проведены немцами на Восточном фронте в мае – июне 1915 г. (по ст. ст.).

Процедура и методы исследования. Автором проработан значительный объем ранее не задействованных исследователями уникальных архивных документов, а также проанализирован большой массив немецкой мемуарной литературы, произведен количественный и сравнительно-обобщающий анализ выявленных в ходе исследования новых данных.

Результаты проведенного исследования. По итогам исследования автору удалось выявить и описать несколько ранее неизвестных отечественным исследователям газобаллонных атак, проведенных немцами в мае-июне 1915 г. (по ст. ст.) на реке Равке, а также выявить новые данные о потерях, понесенных русской армией в ходе газобаллонных атак.

Теоретическая/практическая значимость. В статье обобщен новый материал по исследуемой теме, в научный оборот введены новые данные, которые позволяют воссоздать объективную картину проведения первых газобаллонных атак на русско-германском фронте.

Ключевые слова: газобаллонная атака, хлор, потери русской армии, Равка, Болимовский сектор, деревня Конопница

NEW DATA ON THE FIRST GAS-BALLOON ATTACKS ON THE EASTERN FRONT OF THE FIRST WORLD WAR (MAY-JUNE 1915)

N. Postnikov

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

Aim. To present and generalize new data on the first gas-balloon attacks carried out by the Germans on the Eastern Front in May - June 1915 of the old style.

Methodology. The author has studied a significant amount of unique archival documents previously unused by researchers, analyzed a large array of German memoirs, and performed a comparative summary analysis of the new data found during the research.

Results. Based on the results of the study, the author identified and described several previously unknown gas-balloon attacks carried out by the Germans in May-June 1915 of the old style on the Ravka River. In addition, new data on the losses suffered by the Russian army during the gas-balloon attacks was obtained.

Research implications. The article generalized new materials on the topic under study and presented new data that allow an objective picture of the first gas balloon attacks on the Russian-German front to be recreated.

Keywords: gas balloon attack, chlorine, loss of the Russian army, Ravka, Bolimov sector, Konopnitsa village

Введение

18/31 мая 1915 г. немцы впервые на Восточном фронте осуществили газобаллонную атаку, выпустив под Болимовым (в 60 километрах западнее Варшавы) на позиции 2-й русской армии облако ядовитого хлора. Несмотря на символизм этого события не только для русской, но и для всей мировой военной истории, тема первой газобаллонной атаки 18/31 мая 1915 г. до сих пор остается не исследованной в полной мере, а «история» еще нескольких газобаллонных атак, проведенных германским командованием на этом участке фронта в тот же период времени и по сей день остается terra incognita не только для широкой публики, но и для научного сообщества.

Это связано с тем, что по сути единственным репрезентативным источником, в котором представлены сведения о газобаллонных атаках под Болимовым, является книга А. Н. Де-Лазари «Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914–1918 гг.: Краткий исторический очерк», изданная еще в 1935 г. Данные, приведенные в книге А. Н. Де-Лазари о потерях русских частей, подвергшихся газобаллонным атакам немцев, широко используются в отечественной и зарубежной научной литературе как основной, а порой и как единственный источник. Между тем сведения, включенные в книгу А. Н. Де-Лазари, не являются исчерпывающими. В книге приводятся сведения (да и то неполные) только о двух газобаллонных атаках: атаке 18/31 мая и атаке, проведенной в ночь с 23 на 24 июня (с 6 на 7 июля). В то время как германское командование провело под Болимовым еще четыре атаки и одну атаку – южнее, под деревней Конопницы. Как результат на сегодняшний день отсутствует необходимая источниковая база для всестороннего изучения данного сюжета, образовался пробел, который необходимо восполнить.

В связи с этим задачами настоящего исследования являются введение в научный оборот на базе широкого круга источников (архивных документов), сведений о ранее не известных отечественным исследователям газобаллонных атаках и новых данных о потерях русских войск в ходе хлорных атак под Болимовым и Конопницей в мае-июне 1915 г. по ст. ст.

Методологической основой исследования выступили анализ, количественный и сравнительно-обобщающий методы.

Общая стратегическая обстановка на Варшавском направлении (весна 1915 г.). Подготовка германским командованием газобаллонных атак

Весной 1915 г. на русско-германском фронте происходили события огромной важности. Германское командование, после окончания Лодзинской операции, захватив в свои руки стратегическую инициативу, планировало нанести мощный удар по войскам Юго-Западного фронта в пространстве между Вислой и Карпатами, прорвать здесь фронт и, продолжая наступление, создать угрозу коммуникациям и тылам русских армий в Польше. Исходя из разработанного плана, к концу апреля 1915 г. германское командование сосредоточило мощную группировку своих войск на направлении главного удара в районе Горлицкого выступа и 19 апреля/2 мая начало наступление на русские позиции. Так началась Горлицкая операция.

Одновременно с широкомасштабным наступлением под Горлицей, на других участках Восточного фронта германское командование запланировало ряд менее крупных наступательных операций, которые преследовали свои стратегические цели, решали свои оперативные задачи. Одним из таких участков, где планировалось наступление, был «Болимовский сектор». «Сектор» возник в декабре 1914 –

январе 1915 г. Тогда германское командование поставило перед своими войсками первоочередную задачу: разгромить на варшавском направлении в районе нижнего течения реки Равки по линии населённых пунктов Болимов, Боржимов, Могель, Гумин и Воля Шидловская части 2-й русской армии, и, выйдя на оперативный простор, создать непосредственную угрозу захвата Варшавы, до которой от этих позиций по прямой линии оставалось не более 60 километров. В ходе кровопролитных и упорных боев немцам не удалось прорвать фронт, но они все-таки сумели ценой невероятных усилий и значительных потерь вклиниться в русскую оборону, и, захватив плацдармы на правом берегу реки Равки в районе Болимова, укрепиться на них; так возник «Болимовский сектор»¹. Во время январских боев 1915 г. германское командование впервые массово применило в «секторе» химическое оружие, обрушив 18/31 января 1915 г. на русские позиции под Гуминым и Волей Шидловской 18 тысяч снарядов, начиненных раздражающим химическим веществом ксиллбромидом.

Стратегическое значение «Болимовского сектора» для обеих противоборствующих сторон было очевидным. От позиций, захваченных немцами на реке Равке, открывался кратчайший путь на Варшаву. В целом сложившаяся на этом участке фронта оперативная обстановка в полной мере отвечала стратегическому замыслу командования 9-й немецкой армии, провести именно здесь решительное наступление на Варшаву. Однако не смотря на все очевидные выгоды тактико-оперативного характера, осуществить прорыв в «Болимовском секторе» немецким войскам было крайне сложно, ибо русское командование, понимая всю угрозу прорыва на данном направлении, насытило этот участок фронта войсками, а также в течение зимы-весны 1915 г. создало и продолжало создавать на всю глубину оперативной обороны укрепленные

позиции, которые простирались далеко на восток и заканчивались у Блоне в 15-20 и у Пясечно в 5-8 километрах западнее и юго-западнее Варшавы. Задача прорыва русской обороны в «Болимовском секторе» для 9-й германской армии еще более усложнялась в связи с переброской из ее состава резервов под Горлицу и в Восточную Пруссию, что ослабило ударную мощь армии. И тем не менее командующий 9-й армии принц Леопольд Баварский, имея в своем распоряжении 2½ армейских корпуса [9, S. 133, 134], принял решение нанести удар в «Болимовском секторе», прорвать фронт и, смятая оборону противника, продолжить наступление с целью овладения Варшавой. Считать, что поставленные оперативные задачи в ходе запланированного наступления будут успешно решены, у принца Леопольда Баварского были, как он полагал, все основания. Ударную мощь недостающих дивизий, по мысли командующего 9-й немецкой армией, должно было заменить химическое оружие – хлор. Смертельная сила хлора должна была уничтожить не только большие массы живой силы противника, но и решить другие не менее важные и первоочередные задачи, а именно ошеломить и деморализовать противника, подавить его волю к сопротивлению. Поэтому командование 9-й немецкой армии считало, что сосредоточило в полосе предстоящего прорыва достаточные силы, которые смогут взломать после применения газа ослабленную людскими потерями оборону 2-й русской армии.

Вот что о своих замыслах писал принц Л. Баварский: «Я обдумываю предпринять шаги, обещающие большие успехи. <...> Первый шаг будет направлен на то, чтобы с помощью выпущенного газа фронтальные атаки смогли бы прорвать фронт противника по всей ширине. <...> Большой тактический успех вполне возможен: можно было ожидать прорыва аж до позиции у Блоне. Казалось вполне возможным захватить позиции у Блоне,

¹ См. Приложение 1.

благодаря растерявшемуся от своего поражения противника; следующим шагом представлялся возможный в ближайшем будущем захват Варшавы. Вторая газовая атака планировалась с целью прорыва позиций у Блоне» [5, S. 204].

Исходя из сложившегося замысла планируемой операции в начале мая 1915 г. германское командование перебросило на позиции под Болимов 36-й пионерский полк. Это была специальная часть, подготовленная для проведения газовых атак. 5/18 мая 1915 г. полк начал установку баллонов с газом на передовых позициях. Всего было доставлено 12 тысяч баллонов, наполненных хлором с 5% составом фосгена [1, с. 26; 9, S. 134; 8, S. 26]. Из-за огромного количества баллонов и из-за сжатых сроков подготовки к атаке, устанавливая баллоны помогали солдаты пехотных полков [6, S. 86]. Баллоны были размещены на 12-километровом участке фронта в окопах 36-й, 35-й пехотных и 49-й резервной дивизий германской армии, которые занимали позиции от впадения реки Суха в Бзуру на севере, где находилась деревня Закржев, и далее на юг по ломанной линии: Закржев – Боржимов – Гумин – Воля Шидловская – дом лесника. Начиная от Бзуры и далее на юг окопы занимали следующие немецкие части, на участке Закржев – Гумин: 2-й батальон 48-го резервного пехотного полка, 1-й батальон 52-го резервного пехотного полка, 175-й пехотный полк, 5-й гренадёрский полк, 128-й пехотный полк, 61-й пехотный полк, 176-й пехотный полк. Южнее Гумина: 226-й резервный пехотный полк, 225-й резервный пехотный полк, 21-й резервный стрелковый батальон и 228-й резервный пехотный полк [5, S. 206].

На этом участке с русской стороны оборону держала 2-я армия. От Закржева до Гумина это были части 14-й Сибирской стрелковой дивизии из состава VI-го Сибирского корпуса¹: с севера на юг пози-

ции занимали – 55-й и 53-й Сибирские стрелковые полки [1, с. 25]. Два остальных полка дивизии находились в резерве: 56-й Сибирский стрелковый полк (дивизионный резерв), 54-й Сибирский стрелковый полк (армейский резерв)². Южнее Гумина оборону держала 55-я пехотная дивизия из состава XXXV-го армейского корпуса³. С севера на юг там располагались 217-й Ковровский [1, с. 26] и 218-й Горбатовский пехотные полки⁴. Южнее дома лесника оборону держал 220-й пехотный Скопинский полк с приданными ему тремя ополченческими дружинами⁵. Дружины при химической атаке, проведённой немцами 18/31 мая, оказались, по сути, вне зоны поражения отравляющих газов.

К 9/22 мая все баллоны, начиненные хлором, были установлены на передовых позициях германских войск и готовы к применению [9, S. 134]. Начало газовой атаки было запланировано на 10/23 мая, но ветер не дул на позиции русской армии, и в ожидании смены направления ветра атака была перенесена на 18/31 мая 1915 г. [9, S. 134].

Газобаллонная атака 18/31 мая 1915 г.

В 3 часа 30 минут утра 18/31 мая 1915 г. в немецких передовых окопах, в которых находилось 12 тысяч баллонов смертельного газа, зазвонил телефон и в трубке раздался голос, который произнес только одно слово: «Виттельсбах»⁶ [5, S. 208]. Это был условный сигнал к началу газовой атаки. В 3 часа 45 минут утра солдаты 36-го пионерского полка германской армии открыли краны в баллонах с хлором, раздалось шипение, и хлор, вырвавшись на свободу, потёк зеленовато-белёсым облаком в

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Виттельсбахи (нем. Wittelsbach) – правящая королевская династия в Баварии. Командующий 9-й немецкой армии Леопольд Баварский принадлежал к роду Виттельсбахов.

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2140. Л. 40.

направлении русских траншей. Одновременно начался обстрел русских позиций артиллерией, из пулеметов и стрелкового оружия. Так началась кровавая история использования хлора как отравляющего вещества на Восточном фронте¹.

Что происходило дальше хорошо, известно и подробно описано в исторической литературе. Хлор понесло ветром на русские позиции, которые обороняли части 14-й Сибирской стрелковой дивизии (VI-й Сибирский корпус) и 55-й пехотной дивизии (XXXV-й армейский корпус). В ходе газовой атаки немцам не удалось прорвать фронт. Хотя русские части и понесли критические потери от отравления хлором, но все же сумели, в том числе благодаря героизму и мужеству русского солдата, самостоятельно и с помощью подошедших резервов, отбить многочисленные атаки немцев. 217-й Ковровский и 218-й Горбатовский пехотные полки 55-й пехотной дивизии в течение дня отбили 6 атак противника². 55-й и 56-й Сибирские стрелковые полки 14-й Сибирской стрелковой дивизии – 4 атаки³.

«Наши стрелки удушены[е] ядовитыми газами, – записано в «Описании» боя 55-го Сибирского стрелкового полка, – отбивали яростные нападения противника, выбиваясь из сил и падая замертво от действия удушливых газов. <...> Немцы <...> пытались пойти в наши окопы, но встреченные сильным огнем особенно из пулеметов, принуждены были скрыться в свои окопы, оставляя на пути своем убитых и раненых. Атаки противника были отбиты, но стрелки массами стали выбывать из строя: одни из них тут же умирали, другие, кто мог, шли на перевязочный пункт, где им давали помощь и эвакуировали дальше. Так что в некоторых ротах спустя некоторое время после отбития атак осталось по 5–10 человек, главным образом в ротах 2 батальона. Оставшиеся стойко держались на своих местах, гото-

вые встретить противника, пока около 2 часов дня не подошел на помощь батальон 56 Сибирского полка и не занял боевые слабые места. Об отдельных примерах героизма не приходится говорить, так как все держали себя героями»⁴.

А. Н. Де-Лазари [1, с. 27], а вслед за ним и другие отечественные исследователи, указывают, что в ходе газобаллонной атаки позиции русских полков также подвергались обстрелу снарядами, начиненными газом. Однако применение химических снарядов германской армией не подтверждается сохранившимися немецкими источниками.

Автор статьи склонен считать, что сведения об использовании «химических снарядов» попало в сферу исторического анализа ошибочно и было взято исследователями из донесений, реляций и других документов, отложившихся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в фондах полков и дивизий. При внимательном изучении этого вида источников выясняется, что артиллерийские обстрелы «химическими снарядами» приходились на зону поражения удушливыми газами. Разрывы снарядов в облаке газов создавали впечатление, что немцы применили химические снаряды. Такие, данные взятые «на веру», без всестороннего анализа и проверки всех имеющихся сведений попали на страницы научных изданий, со временем были масштабированы отечественной научной литературой и стали «историческим фактом», фактом, который на самом деле, согласно немецким источникам, не соответствует действительности.

Потери русских войск от газовой атаки, проведенной немцами 18/31 мая 1915 г., составили 9038 человек, из них умерло – 1183 человека. Данные о потерях взяты из книги А. Н. Де-Лазари «Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914–1918 гг.: Краткий исторический очерк» [1]. С момента выхода книги в 1935 г. данные о потерях от первой газобаллон-

¹ См. Приложение 2.

² РГВИА. Ф. 2385. Оп. 1. Д. 81. Л.Л. 17–21 об.

³ Там же. Ф. 2526. Оп. 1. Д. 109. Л.Л. 2 об. -3.

⁴ Там же. Ф. 3389. Оп. 1. Д. 51. Л.Л. 7 об.-8.

ной атаки, приведённые А. Н. Де-Лазари, стали вторичным источником и не подвергаются сомнению. Автору статьи удалось найти в РГВИА дела, в которых зафиксированы потери русских полков от газобаллонной хлорной атаки 18/31 мая 1915 г. Это прежде всего официальный доклад начальника санитарного отдела штаба 2-й армии генерал-майора А. В. де-

Роберти от 30 июня (ст. ст.) 1915 г., а также отчеты командиров полков. Обнаруженные в архивных делах сведения позволяют подтвердить достоверность данных по общим потерям частей 2-й армии от хлора, приведенных А. Н. Де Лазари. Для наглядности данные из книги А. Н. Де-Лазари и данные обнаруженные автором статьи сведены в общую таблицу.

Таблица 1 / Table 1

Сравнительные данные потерь русской армии во время газобаллонной атаки 18 мая 1915 г., чел. / Comparative data on losses of the Russian army during a gas attack May 18, 1915, people

Данные о потерях, представленные А.Н. Де-Лазари		Данные, обнаруженные в РГВИА ¹	
Всего отравленных газом	Умерших от отравления	Всего отравленных газом	Умерших от отравления на позициях
9038	1183	8932	1101

Ист.: [1]; РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2140. Л. 40.

Незначительные расхождения в данных, скорее всего, связаны с тем, что в отчете А. В. де-Роберти сведения о потерях приведены на 20 мая/2 июня, а сведения А. В. Де-Лазари – на 21 мая/3 июня 1915 г., и в течение суток увеличилось число умерших от отравления газом в лазаретах и госпиталях, а также число солдат и офицеров, у которых признаки отравления проявились позже 20 мая/2 июня 1915 г.

В делах РГВИА автором обнаружены сведения по разным категориям лиц, получившим различную степень отравления (вплоть до летального исхода). Эти данные, представленные в таблице № 2, впервые вводятся в научный оборот.

Потери от огнестрельного оружия в этот день у русских частей, подвергшихся химической атаке, согласно данным А. Н. Де-Лазари, составили всего 108 человек². Как видно, потери от отравления хлором были в десятки раз больше, что показало главное преимущество химического оружия – возможность массового поражения живой силы противника.

До сих пор в отечественной исторической науке была известна только общая

цифра потерь от газобаллонной хлорной атаки 18/31 мая 1915 г., но не были известны потери по отдельным полкам. В представленной ниже таблице № 3 этот пробел отчасти заполнен. В таблице представлены данные о потерях по четырём полкам и артиллерии. Потерь по другим полкам и соединениям, подвергшимся химической атаке, автору в фондах РГВИА обнаружить не удалось.

Всего от газобаллонной атаки 18/31 мая пострадало 11 частей разного рода оружия и подчинения².

Наиболее пострадали: 53-й и 55-й стрелковые Сибирские полки (14-я Сибирская стрелковая дивизия, VI-й Сибирский корпус) и 217-й Ковровский и 218-й Горбатовский пехотные полки (55-я пехотная дивизия, XXXV-й армейский корпус)³.

Менее пострадали: 54-й и 56-й стрелковые Сибирские полки, а также 14-я

¹ Там же. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2140. Л. 40.

² Расчёты получены на основе данных, взятых из таблицы: Де-Лазари А. Н. Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914–1918 гг.: Краткий исторический очерк. М. 1935. С. 29.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2140. Л. 40.

³ Там же.

Таблица 2 / Table 2

**Число пострадавших от хлора на позициях в районе Болимовского сектора
18/31 мая 1915 г., чел. / The number of victims of chlorine at positions in the area
of the Bolimov sector May 18/31, 1915, people**

Месяц и число применения неприятелем хлора	Пострадавших от хлора на позициях		Из них умерло на позициях		Осталось в строю		Отправлено в лечебные заведения	
	Офицеров	Ниж. чинов	Офицеров	Ниж. чинов	Офицеров	Ниж. чинов	Офицеров	Ниж. чинов
18/31 мая	67	8865	12	1089	2	41	53	7735

Ист.: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2140. Л. 40.

Таблица 3 / Table 3

**Потери от применения хлора 18/31 мая 1915 г. в Болимовском секторе
по отдельным полкам, чел. / Losses from the use of chlorine on May 18/31,
1915 in the Bolimov sector in individual regiments, people**

Название части	Общие потери, в том числе от отравления хлором		Всего отравлено хлором		Легко		Тяжело		Смертельно	
	Офицеров	Ниж. чинов	Офицеров	Ниж. чинов	Офицеров	Ниж. чинов	Офицеров	Ниж. чинов	Офицеров	Ниж. чинов
217-й пехотный Ковровский полк ¹ 55-я пехотная дивизия	16	2147 ²	16	2088	11	1286	4	643	1	159
218-й пехотный Горбатовский полк ³ 55-я пехотная дивизия	-	-	9	878	5	498	2	249	2	131
55-я артиллерийская бригада 55-я пехотная дивизия	-	-	-	33	-	30	-	3	-	-
53-й Сибирский стрелковый полк 14-я Сибирская стрелковая дивизия	18	Около 2500	17	-	-	-	12	-	5	Около 600

¹ Состав полка на 18/31 мая: 28 офицеров, 3441 нижних чинов.

² Из них потери от огнестрельного оружия: убито – 27 нижних чинов, ранено – 32 нижних чина. Потерь среди офицеров нет (РГВИА. Ф. 2831. Оп. 1 Д. 37. Л. 9 об.).

³ Состав полка на 18/31 мая: 31 офицер, 2713 нижних чинов.

Название части	Общие поте-ри, в том числе от отравления хлором		Всего отравле-но хлором		Легко		Тяжело		Смертельно	
	Офи-церов	Ниж. чинов	Офи-церов	Ниж. чинов	Офи-церов	Ниж. чинов	Офи-церов	Ниж. чинов	Офи-церов	Ниж. чинов
55-й Сибирский стрелковый полк 14-я Сибирская стрелковая дивизия	-	-	-	-	-	-	3	2048	14	359
14-я Сибирская артиллерийская бригада 14-я Сибирская стр. дивизия	-	-	23	150	23	150	-	-	-	-
Тяжелые батареи № 4, № 5. 14-я Сибирская стрелковая дивизия	-	-	6	24	6	24	-	-	-	-

Ист.: РГВИА. Ф. 2110. Оп. 1. Д. 235. Л. 59, Л. 61. Там же. Ф. 2248. Оп. 4. Д. 17. Л.Л. 6, 14. Там же. Ф.3387. Оп. 1. Д. 39. Л. 11. Там же. Ф. 3389. Оп. 1. Д. 51. Л. 10об.

Сибирская артиллерийская бригада, все из состава 14-й Сибирской стрелковой дивизии VI-го Сибирского корпуса, 45-й Донской казачий полк, 3 рота 7-го Сибирского сапёрного батальона, 219-й Котельнический и 220-й Скопинский пехотные полки (55-я пехотная дивизия, XXXV-й армейский корпус)¹.

В ходе химической атаки 18/31 мая хлором были отравлены и немецкие солдаты. В 225-м резервном пехотном полку при открытии вентиля оказалось, что у части баллонов был технологический брак: отсутствовала герметизация в соединении между самим баллоном и присоединенным к нему раструбом. Как только солдаты 36-го пионерского полка стали открывать вентили баллонов, чтобы выпустить хлор, газ начал струиться из разгерметизированных соединений, и быстро распространяться по окопам. Несколько баллонов упало, стащив в траншею и раструбы, из которых валили

клубы хлора. В ужасе солдаты и офицеры 4 роты 225-го резервного пехотного полка и пионеры 36-го полка выскочили из окопа и бросились бежать, оставив свои позиции. Но, несмотря на поспешное бегство, 23 солдата и несколько пионеров все же успели отравиться хлором, при этом два пионера и один пехотинец умерли. В результате бегства пионеров и пехотинцев в траншеях 225-го резервного пехотного полка не открытыми осталось около 60 баллонов с хлором [7, S. 67.].

Боевые потери от отравления хлором из-за изменения направления ветра немцы понесли также и на участке 14-й Сибирской стрелковой дивизии, когда «газ неожиданно для немцев пошел в их окопы; в последних слышались стоны»². Всего в ходе химической атаки 18/31 мая 1915 г. отравление получили 56 немецких солдат [9, S. 134]. Общие же потери в ходе боевого дня у немцев составили 374 человека [9, S. 134].

¹ Там же.

² Там же. Ф. 2110. Оп. 1. Д. 235. Л. 46 об.

Газовые атаки под Болимовым и у деревни Конопница в период с 23 мая/5 июля по 30 мая/12 июня 1915 г.

С помощью проведенной 18/31 мая газобаллонной атаки немецким войскам не удалось прорвать фронт, русская оборона устояла, но командование 9-й немецкой армии не оставляло надежд, что после повторной газовой атаки все-таки удастся достичь поставленной цели – прорвать русскую оборону. Исходя из видения сложившейся ситуации, германское командование в мае 1915 года (ст. ст.) провело еще 3 газовые атаки на Равке против частей 2-й и 5-й русских армий.

К сожалению, в отечественной исторической науке об этих газовых атаках до сих пор, по существу, ничего неизвестно. По непонятной причине А. Н. Де-Лазари в своей книге не рассказал о них. Современные российские исследователи в лучшем случае упоминают эти атаки как свершившийся факт, но не более того, не приводя о них никаких конкретных сведений, в том числе даже дат проведения газобаллонных атак. Отсутствие в российской историографии подробных сведений об этих атаках привело к необходимости подробно осветить их в данной статье.

Следующую химическую в Болимовском секторе немцы провели в ночь с 23 на 24 мая (с 5 на 6 июня) 1915 г. на участке обороны 14-й Сибирской стрелковой дивизии. Об этой атаке в источниках сохранилось мало сведений, ибо атака не носила массированного характера, а была проведена на узком участке фронта против одного батальона. Более того, неизвестно даже, какими техническими средствами проводилась атака. В Журнале военных действий 14-й Сибирской стрелковой дивизии от 23 мая/5 июля записано: «Около 12 ч[асов] ночи немцы зажгли против правого боевого участка дивизии какой-то состав, горевший зеленым пламенем и дававший массу дыма, стрелкам было приказано одеть респираторы.

Газы вреда не причинили, так как ветер часто менял направление, набегал на наши окопы полосами и убегал»¹. Тем не менее пораженные газом в частях 14-й Сибирской стрелковой дивизии все же были, что подтверждает сообщение генерал-квартирмейстера штаба армий Северо-Западного фронта генерал-майора М. С. Пустовойтенко: «Против окопов 14 Сибир[ской] дивизии немцы жгли какой-то состав, дававший массу дыма, часть которого, попадая в наши окопы, вызывала у стрелков тошноту и головокружение»². Потери от этой газовой атаки оказались минимальны, летальных случаев зафиксировано не было. Согласно отчету начальника санитарного отдела штаба 2-й армии генерал-майора А. В. де-Роберти отравление получили только 12 человек (1 офицер и 11 солдат)³.

В этот же день, 24 мая/6 июня 1915 г., в нескольких десятках километрах южнее Болимовского сектора, в расположении 5-й армии немцы провели третью по счёту газовую атаку, которая по своим масштабам и последствиям была схожа с газовой атакой против частей 14-й Сибирской стрелковой дивизии. Хлор был пущен на позиции 120-го пехотного Серпуховского полка из состава 30-й пехотной дивизии. Полк держал оборону на восточном берегу реки Равки в её среднем течении у деревни Конопница. На другой стороне реки находился город Рава. На этом участке немцы испытали новую «технологию отравления». Газ был пущен на позиции полка 24 мая/6 июня около десяти часов вечера⁴ с помощью огнемётов, в ёмкости которых вместо горючей жидкости был закачан хлор [4, S. 35]. Но этот эксперимент оказался неудачным. Для сильного поражающего эффекта не хватило ни плотности, ни объёма выпущенного газа. Хлор достаточно быстро развеяло ветром, и ядовитые

¹ Там же. Ф. 2526. Оп. 1. Д. 109. ЛЛ. 3 об.-3.

² Там же. Ф. 2110. Оп. 1. Д. 234. Л. 16.

³ Там же. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2140. Л. 40.

⁴ Там же. Ф. 2360. Оп. 2. Д. 35. Л. 84.

тая сила дошедших до русских позиций клубов хлора ослабла. Как результат зона поражения оказалась незначительной. Согласно донесению командира 120-го Серпуховского полка «распространение газов в тыл ощущалось на 1½ версты»¹. Кроме того, как только в окопах 120-го Серпуховского полка и соседнего 117-го Ярославского полка почувствовали запах газа, немедленно было приказано надеть защитные повязки², которые также снизили поражающий эффект хлора. Тем не менее у «[нижних] [чинов] от действия газов начали слезиться глаза и некоторые нижние чины и г.г. (господа. – Н.П.) офицеры были в обморочном состоянии»³. Всего от газа пострадали 10-12 человек⁴, но по официальной сводке несмертельное отравление получили: 1 офицер и 3 нижних чина 120-го Серпуховского полка⁵, отравленных в 117-м Ярославском полку не было⁶.

Неудачи трёх первых газовых атак не убавили решимости у командования 9-й немецкой армии вновь использовать химическое оружие для прорыва фронта. Местом четвёртой по счёту газовой атаки был выбран трёхкилометровый участок фронта в «Болимовском секторе», который простирался по ломаной линии от места впадения реки Суха в Бзуру на севере до деревни Суха на юге. Оборону на этом участке фронта держали с юга на север: южнее деревни Суха 218-й пехотный Горбатовский полк из состава 55-й пехотной дивизии, далее на север по линии фольварк Доловатка – устье реки Гнида части 54-го, 55-го и 56-го Сибирских стрелковых полков (14-я Сибирская стрелковая дивизия)⁷, а также 4-я сотня 45-го Донского казачьего полка⁸. Далее:

54-я пешая Орловская дружина (фольварк Козлов Бискупы)⁹. В 4 часа утра 30 мая два батальона 54-го Сибирского стрелкового полка были сменены 10-м Сибирским стрелковым полком¹⁰ (3-я Сибирская стрелковая дивизия). Северо-западную оконечность трёхкилометрового участка вдоль правого берега Бзуры занимал 23-й Сибирский стрелковый полк (6-я Сибирская стрелковая дивизия)¹¹. Немецкое командование сосредоточило по линии предстоящей атаки следующие части: у деревни Суха – 128-й пехотный полк, далее на север до реки Бзура – 175-й пехотный полк (оба 36-я пехотная дивизия). На левом берегу Бзуры от места впадения реки Суха и далее на северо-восток, район деревни Козлов Бискупы: 48-й и 8-й резервные пехотные полки (оба 5-я резервная дивизия). 12-й резервный пехотный полк находился в дивизионном резерве. Также немецкой группировке были приданы два батальона Познаньского корпуса, бомбометы и артиллерия в составе 24 батарей, в том числе две 21-сантиметровые гаубицы [5, S. 229; 11, S. 92]. В отличие от двух предыдущих частных случаев применения газов 24 мая/6 июня 1915 г., на этот раз командование 9-й немецкой армии готовилось к проведению массированной газовой атаки, разместив на трёхкилометровом участке фронта несколько тысяч баллонов с хлором и поставив себе задачу прорвать здесь русскую оборону. Прорыв обороны на этом участке фронта угрожал выходом немцев в тыл русским частям, держащим под контролем стратегическое Гуминское шоссе, с возможностью их окружения и последующего уничтожения, в результате чего открывалась прямая дорога на Варшаву и даже более того, появлялась стратегическая возможность немецкого наступления в юго-восточном направлении, что ставило под удар всю

¹ Там же. Ф. 2360. Оп. 2. Д. 35. Л. 84.

² Там же.

³ Там же. Ф. 2360. Оп. 2. Д. 35. Л. 361 об.

⁴ Там же. Ф. 2360. Оп. 2. Д. 35. Л. 84.

⁵ Там же. Ф. 2110. Оп. 1. Д. 235. Л. 18; Там же. Ф. 2360. Оп. 2. Д. 35. Л. 362 об.

⁶ Там же. Ф. 2360. Оп. 2. Д. 35. Л. 362 об.

⁷ Там же. Ф. 3390 Оп. 1 Д. 26. Л. 20.

⁸ Там же. Ф. 2286. Оп.1. Д. 27. Л. 8, Л. 94.

⁹ Там же. Ф. 3356. Оп. 1. Д. 8. Л.Л. 131–131 об.

¹⁰ Там же. Ф. 3388. Оп.1. Д. 39. Л. 7-7 об.; Там же. Ф. 3344. Оп. 1. Д. 31. Л. 3 об.

¹¹ Там же. Ф. 2284. Оп. 1. Д. 114. Л. 128.

группировку русских армий, находившихся западнее Вислы.

Новая химическая атака первоначально была запланирована командованием 9-й немецкой армии на 28 мая/10 июня [3, S. 164], потом на 29 мая/11 июня 1915 г., однако из-за отсутствия подходящего направления ветра была перенесена на 30 мая/12 июня [5, S. 230].

Стремясь увеличить вероятность успешного прорыва русской обороны на главном направлении предстоящей химической атаки, немцы, начиная с 6 часов вечера 29 мая/11 июня, открыли по участку 23-го и 56-го Сибирских стрелковых полков «сильнейший ураганный огонь 3-4 тяжёлых и 8-10 полевых батарей»¹. В результате обстрела большинство окопов 56-го Сибирского стрелкового полка было разрушено², а на поддержку правого фланга 23-го Сибирского стрелкового полка вечером 29 мая/11 июня были высланы 9-я и 10-я роты соседнего 24-го Сибирского стрелкового полка³. Интенсивность артиллерийского огня во время обстрела достигала 50 выстрелов в минуту [5, S. 230].

В 3 часа 45 минут утра 30 мая/12 июня немцы открыли сильный артиллерийский и пулемётный огонь уже по всему фронту 14-й Сибирской стрелковой дивизии⁴, пытаясь в предрассветных сумерках под прикрытием огня продвинуться вперёд, но ответным артиллерийским, пулемётным и ружейным огнём немецкая атака была отбита, и немцы откатились назад.

Около 4 часов 30 минут утра 30 мая/12 июня 1915 г. немцы начали выпускать газ⁵, который понесло в основном на позиции 23-го и 56-го Сибирских стрелковых полков, но через пять минут после начала химической атаки немецкое командование отдало приказ закрыть вентили балло-

нов, так как ветер на некоторых участках поменял свое направление и стал дуть на германские позиции. К этому времени только треть баллонов (более 4500 штук) была опорожнена [9, S. 135]. Таким образом, мощь запланированной газобаллонной атаки из-за смены направления ветра была ослаблена и с этой точки зрения не может считаться успешной.

Когда выпущенный газ достиг оборонительных порядков русских войск, то большинство офицеров и солдат, оказавшись в газовой завесе, проявили удивительное мужество и самоотверженность. Они держались стойко и не оставили своих позиций. Они до последнего вздоха вели огонь по наступающим немецким цепям и погибли, отравленные газами. «Один русский офицер погиб (от газа. – Н. П.) у своего пулемета. Его труп продолжал стоять на коленях с застывшими на спусковом крючке пальцами, – писал немецкий офицер 128-го пехотного полка, ворвавшийся в передовой русский окоп, – его люди лежали мертвыми вокруг него. Везде, в окопах и в поле лежали убитые» [10, S. 124].

Но часть солдат после начала химической атаки, увидев, что на них надвигается облако удушливого газа, бросили свои позиции или сдались в плен. Среди них были солдаты 56-го Сибирского стрелкового полка. Вот как их действия описал в своём письме неизвестный из 55-го Сибирского стрелкового полка: «Пришли в лес в 3 верст[ах] от окопов, простояли ночь (с 29-го на 30-е мая. – Н. П.) наготове, а утром глядим, тянутся с позиции по одному солдату, оказалось, что немцы опять пустили газ и пошли в атаку. Стоял 56 (Сибирский стрелковый. – Н. П.) полк нашей дивизии; солдаты знали, что было от газа (18/31 мая. – Н. П.) в нашем 55 (Сибирском стрелковом. – Н. П.) полку, и вот на них напал суеверный ужас. Несмотря на то, что у всех были предохранительные от газа повязки и средства, у них произошла паника; часть их удрали из окопов, часть сдалась в плен, и нем-

¹ Там же. Ф. 2526. Оп. 1. Д. 109. Л. 5.

² Там же.

³ Там же. Ф. 3358. Оп. 1. Д. 26. Л. 4.

⁴ Там же. Ф. 2526. Оп. 1. Д. 109. Л. 5 об.

⁵ Там же.

цы на протяжении трёх вёрст по фронту заняли наши окопы и даже вышли ещё вперёд»¹. Кроме писем, сохранились и официальные донесения о сдаче в плен солдат разных частей, попавших в сферу действия газа. Так, в 6 часов утра наблюдатель-артиллерист передал своему командованию, что «видел в наших окопах у д[еревни] Козлов Бискупы белые флаги (или платки)»².

У соседей 56-го Сибирского стрелкового полка справа, в 23-м Сибирском стрелковом полку, отравленные газом роты 2-го батальона, занимавшие левый фланг полковой обороны, не выдержав натиска немцев, начали отступать вместе с 53-й пешей Орловской дружиной. 54-я пешая Орловская дружина, занимавшая окопы у деревни Козлов Бискупы, «без приказа и разрешения бросила»³ их. По словам многочисленных очевидцев, нижние чины дружины побросали свое оружие на поле боя и в панике бежали в тыл⁴, при этом командир дружины, проявив слабоволие, не предпринял никаких действий, чтобы остановить бегство своих подчиненных. В результате панического бегства 54-я пешая Орловская дружина отступила на две с половиной версты⁵, оголив тем самым правый фланг 23-го Сибирского стрелкового полка.

Воспользовавшись последствиями химической атаки и отступлением русских частей (части 55-го и 56-го Сибирских стрелковых полков, 2 батальона 23-го Сибирского стрелкового полка и 53-й и 54-й пеших Орловских дружин), немцы в 7 часов утра, переправившись через Бзуру, ударили в стык 56-го и 23-го Сибирских стрелковых полков, прорвали здесь ослабленную оборону и стали заходить в тыл обоим полкам. Чтобы закрыть образовавшуюся брешь и остановить наступление немцев, командование

дивизии бросило навстречу немецким наступающим колоннам роты 55-го Сибирского стрелкового полка, но они были окружены противником и взяты в плен⁶. В это же время остатки 23-го Сибирского стрелкового полка, чтобы не попасть в окружение, стали отступать⁷. И в этот критический момент по немцам открыла огонь 5-я батарея 2-го дивизиона 6-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады⁸ под командованием капитана Губеца⁹. Меткий огонь батареи заставил наступающую немецкую колонну «не только остановиться и залечь, но частью даже отойти назад»¹⁰. Благодаря проявленному мужеству, стойкости и умелым действиям артиллеристов и прежде всего командира 5-й батареи, наступление немцев на участке прорыва было остановлено¹¹. А подоспевшие на помощь 23-му Сибирскому стрелковому полку четыре (9-я, 10-я, 13-я и 14-я) роты 24-го Сибирского стрелкового полка, начав движение навстречу наступающим немцам, своим огнём заставили противника отступить¹². В бой в полосу 23-го Сибирского стрелкового полка была введена также 53-я пешая Орловская дружина¹³.

Во второй половине дня 30 мая/12 июня оперативная обстановка была следующей. Немецким наступающим колоннам удалось прорвать оборону как на левом фланге 23-го Сибирского стрелкового полка (правый фланг полка у реки Бзуры 3-му и 4-му батальонам полка удалось удержать¹⁴), так и южнее, в зоне ответственности 14-й Сибирской стрелковой дивизии, и, продвинувшись впе-

¹ Там же. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 616. Л. 497 об.

² Там же. Ф. 2284. Оп. 1. Д. 114. Л. 155 об.

³ Там же. Д. 109. Л. 163.

⁴ Там же. Д. 114. Л. 187.

⁵ Там же. Д. 492. Л. 3 об.

⁶ Там же. Ф. 2526. Оп. 1. Д. 109. Л. 5 об.; Там же. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 616. Л. 497 об. По имеющимся сведениям, в плен попали 1-й батальон и 2 роты 2-го батальона 55-го Сибирского стрелкового полка (см.: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 15. Д. 616. Л. 497 об.).

⁷ Там же. Ф. 2284. Оп. 1. Д. 114. Л. 129 об.

⁸ Там же. Л. 139.

⁹ Там же. Ф. 3356. Оп. 1. Д. 8. Л. 167 об.

¹⁰ Там же. Ф. 2284. Оп. 1. Д. 114. Л. 142.

¹¹ Там же. Ф. 2526. Оп. 1. Д. 109. Л. 5 об.

¹² Там же. Ф. 3358. Оп. 1. Д. 26. Л. 4-4 об.

¹³ Там же. Ф. 2284. Оп. 1. Д. 114. Л. 103-103 об.

¹⁴ Там же. Д. 109. Л. 176.

рѣд по фронту атаки шириной в шесть и глубиной до трех километров [9, S. 135], занять деревню Козлов Бискупы, господский двор Козлов Бискупы, фольварк Корнелин и деревню Суха¹.

В это время в бой вступили подошедшие 22-й и роты 54-го Сибирских стрелковых полков, которые стабилизировали положение. Они остановили наступление противника и вслед за этим сами перешли в наступление². К вечеру 30 мая/12 июня к участку прорыва подошёл 11-й Сибирский стрелковый полк, усиленный батальоном 12-го Сибирского стрелкового полка³, который совместно с другими полками принял участие в новых атаках, проведенных 31 мая/13 июня⁴. Однако вернуть утраченные в течение 30 мая/12 июня позиции удалось только частично⁵. В ночь с 30 на 31 мая (с 12 на 13 июня) для уплотнения линии обороны часть окопов 22-го Сибирского стрелкового полка, понесшего большие потери, были заняты батальоном 197-го пехотного Лесного полка и батальоном 198-го пехотного Александро-Невского полков⁶ (50-я пехотная дивизия, V-й Сибирский армейский корпус). Всего в течение дня 30 мая/12 июня с целью не допустить прорыва обороны в помощь полкам, подвергшимся газобаллонной атаке, только командование V-го Сибирского армейского корпуса направило значительные силы в количестве 11 ½ батальонов из состава различных частей⁷.

30 мая/12 июня в полосу газового облака также попал 9-й Сибирский стрелковый полк, который занимал позицию южнее Гумина⁸. Позиции полка находились вне зоны химической атаки, однако

ветер отнес часть газов к Гумину. К этому времени хлор уже утратил большую часть своей поражающей силы. Кроме того, командование полка своевременно приказало надеть защитные маски. В результате газы 9-й Сибирскому стрелковому полку «особого вреда <...> не принесли»⁹. Отравление получили только 2 нижних чина, «у которых газами был вызван кашель с кровью»¹⁰.

Германское командование после проведенной 30 мая/12 июня очередной химической атаки вряд ли могло быть довольно её результатами. Немецкие атакующие колонны хотя и сумели достичь некоторых успехов, продвинувшись вперёд на три километра и захватив 1660 пленных, 8 орудий и 9 пулеметов [9, S. 135], но это был всего лишь частный успех. При этом немцы сами понесли большие потери (1100 человек, из них около 350 отравленных газом) [9, S. 135]. И, главное, как и в ходе предыдущих химических атак, немцы так и не сумели прорвать русскую оборону. Тем не менее число отравленных газом на трехкилометровом участке фронта среди русских частей во время химической атаки 30 мая/12 июня 1915 г. оказалось значительным и составило 2285 человек, что показало высокую эффективность применения отравляющих веществ против живой силы противника в условиях, когда у него отсутствовали необходимые средства защиты, способные надежно уберечь личный состав от поражающего действия газов.

В таблице № 4 приводятся цифры потерь по отдельным категориям лиц, получивших разную степень отравления от хлора во время химической атаки 30 мая/12 июня 1915 г.

Как видно из таблицы № 4, наибольшее количество отравленных газом относится к категории лиц, получивших среднюю и тяжелую форму отравления и отправленных в лечебные учреждения.

¹ Там же. Ф. 3345. Оп. 1. Д. 31. Л. 7 об.

² Там же. Ф. 2526. Оп. 1. Д. 109. Л. 5 об.; Там же. Ф. 3356. Оп. 1. Д. 8. Л.Л. 160 об. -172.

³ Там же. Ф. 3346. Оп. 1. Д. 151. Л. 2.

⁴ Там же. Ф. 3345. Оп. 1. Д. 31. Л.Л. 8 об. -12.

⁵ Там же. Ф. 2526. Оп. 1. Д. 109. Л. 6.

⁶ Там же. Ф. 2284. Оп. 1. Д. 114. Л.Л. 192-192 об.; Там же. Ф. 3356. Оп. 1. Д. 8. Л. 170.

⁷ Там же. Ф. 2284. Оп. 1. Д. 114. Л. 166 об.

⁸ Там же. Ф. 3345. Оп. 1. Д. 31. Л. 6.

⁹ Там же. Ф. 3343. Оп. 1. Д. 50. Л. 30 об.

¹⁰ Там же.

Таблица 4 / Table 4

**Потери русских войск от газохлорной атаки, проведенной немцами
в Болимовском секторе 30 мая/12 июня 1915 г., чел. / Losses of Russian troops
from a gas-chlorine attack carried out by the Germans in the Bolimov sector
on May 30/June 12, 1915, people**

Месяц и число применения неприятелием хлора	Всего пострадавших от хлора на позициях		Из них умерло на позициях		Осталось в строю		Отправлено в лечебные заведения	
	Офицеров	Ниж. чинов	Офицеров	Ниж. чинов	Офицеров	Ниж. чинов	Офицеров	Ниж. чинов
30 мая/12 июня (Болимовский сектор)	28	2257	-	73	-	150	28	2034

Ист.: РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2140. Л. 40; Там же. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 27. Л. 260.

Это – 2034 нижних чина из 2257 получивших отравление (более 90% всех потерь), и все 28 офицеров.

Вместе с тем в таблицу № 4 не были внесены сведения о погибших от хлора нижних чинах и офицерах, тела которых остались на позициях, захваченных в ходе газобаллонной атаки немецкими частями. Сделать это не представляется возможным. Причины такого «статистического пробела» очевидны: в хаосе отступления, а временами и бегства с позиций частей, подвергшихся газобаллонной атаке, выявить такие потери было попросту некогда, да и некому. В результате, сколько из общего числа погибших оставленных в окопах было отравлено газами, установить командованию не удалось. Но то, что множество погибших от отравления хлором было оставлено на позициях, подтверждают как русские, так и немецкие источники. Так, получившие отравление хлором нижние чины 56-го Сибирского стрелкового полка, в 8 часов утра шедшие с позиций, которые в последствии захватили немцы, доложили, что «большинство нижних чинов осталось в окопах умирающими (от отравления газами. – *Н. П.*) и много убито снарядами»¹. Когда немецкие передовые

части заняли первую линию русских окопов, то они увидели множество трупов солдат, погибших от отравления газом. «Тела отравленных были фиолетовые, их лица почернели, руки вцепились в землю», – писал немецкий офицер, очевидец событий. – «Один убитый лежал в разорванной форме с пеной у рта» [10, S. 124]. Немецкий майор из 5-й резервной дивизии, посетивший на следующий день захваченные в ходе газобаллонной атаки позиции, писал: «Везде лежали трупы русских. Они были отравлены газом. Это становилось понятно сразу же, потому что их лица опухли и были синими. Это было ужасно» [2, S. 124]².

В свете вышеприведенных фактов следует сказать, что в ходе газобаллонной атаки, совершенной немцами на позиции русских войск 30 мая/12 июня 1915 г., часть нижних чинов и офицеров пропавших без вести, видимо, следует отнести к потерям от отравления хлором. В 23-м Сибирском стрелковом полку в ходе боя 30 мая/12 июня без вести пропало 4 офицера и 853 нижних чинов³. В отчете 14-й

² См. Приложение 3.

³ РГВИА. Ф. 2284. Оп. 1. Д. 114. Л. 161 об., Л. 173.

Другие потери полка составили: офицеров – 6 ранено, 3 контужено, 6 отравлено газами; нижних чинов – 258 убитых, 480 раненых, 118 отрав-

¹ Там же. Ф. 3390. Оп. 1. Д. 23. Л. 6.

Сибирской стрелковой дивизии, в состав которой входил наиболее пострадавший при газобаллонной атаке 56-й Сибирский стрелковый полк, а также пострадавший 55-й Сибирский стрелковый полк, прямо сказано, что дивизией на «поле сражения убитыми, ранеными и *отравленными* (курсив мой. – Н. П.) было оставлено 1717 нижних чинов» и 16 офицеров, 199 нижних чинов пропало без вести¹. Кроме того, в 22-м Сибирском стрелковом полку в ходе боя 30 мая/12 июня пропало без вести 200 человек².

Таким образом, всего, по имеющимся сведениям, после оставления позиций полками 6-й и 14-й Сибирских стрелковых дивизий и частей подчиненных им, на поле боя осталось 2989 человек (2969 нижних чинов и 20 офицеров). Из них 1660 человек согласно немецким источникам, как уже было сказано выше, были взяты в плен, а остальных 1329 человек следует отнести к категории погибших (убитых и отравленных хлором). Даже столь «грубый» подсчет потерь позволяет говорить, что погибших от хлора в ходе газобаллонной атаки, проведенной немцами 30 мая/12 июня 1915 г. было больше, чем показано в официальных отчетах русского командования, на основе которых заполнена графа таблицы № 4 «Умершие от газов на позициях». Ситуацию с потерями могли бы прояснить немецкие источники, но, к сожалению, они не дают не только число погибших от отравления хлором, но даже общие цифры погибших

русских солдат и офицеров, тела которых остались на позициях, захваченных германскими войсками.

Тем не менее даже официально подтвержденные данные, приведенные в таблице № 4 показывают, что потери русских войск в ходе проведенной германскими войсками газобаллонной атаки на столь узком участке фронта были значительными, а значит, газ с точки зрения уничтожения живой силы противника доказал свою эффективность.

В целом согласно имеющимся отчетам о потерях, представленных командирами полков и начальником санитарного отдела штаба 2-й армии удалось установить общее число потерь русской армии от проведенных немцами в мае 1915 г. (ст. ст.) четырех газовых хлорных атак в «Болимовском секторе» и у деревни Конопница (без учета пропавших без вести в ходе газобаллонной атаки 30 мая/12 июня 1915 г.). Полученные данные о потерях сведены в таблицу № 5.

Газобаллонная атака 4/17 июня 1915 г.

4/17 июня командование 9-й германской армии провело еще одну газобаллонную атаку в «Болимовском секторе» на участке Боржимов – Гумин, где оборону держали 11-й и 12-й Сибирский стрелковый полки. Атака имела целью очередной раз попытаться прорвать русскую оборону на узком участке фронта и захватить важный опорный пункт русской обороны, деревню Боржимов. В 7 часов вечера 4/17 июня на позиции 12-го и 11-го Сибирских стрелковых полков был пущен хлор, а по позициям соседних 9-го и 10-го Сибирских стрелковых полков был открыт ураганный артиллерийский огонь³. Запах хлора чувствовался и в расположении 10-го Сибирского стрелкового полка. Исходя из поставленных задач газовая атака не носила массированного характера и поэтому объем выпущенного на русские позиции хлора

ленных газами (см.: РГВИА. Ф. 2284. Оп. 1. Д. 114. Л. 161 об., Л. 173).

¹ Там же. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 27. Л. 260.

Другие потери дивизии в ходе боя 30 мая/12 июня составили: убито 274, ранено 365, умерло от газов 72, контужено 64, отравлено газами 1267 нижних чинов. Среди офицеров потери: 1 офицер убит, 3 ранено, 4 контужено, 11 отравлено газами (см.: РГВИА. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 27. Л. 260). Потери 4-й сотни 45-го Донского казачьего полка, занимавшей позиции вместе с частями 14-й Сибирской стрелковой дивизии, от отравления газами составили – 3 офицера и 35 нижних чинов (см.: РГВИА. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 27. Л. 94).

² Там же. Ф. 2284. Оп. 1. Д. 114. Л. 161 об., Л. 173.

³ РГВИА. Ф. 2286. Оп. 1. Д. 27. Л. 538.

Таблица 5 / Table 5

Число отравленных хлором на позициях в «Болимовском секторе» (район 2-й армии) и у деревни Конопница (район 5-й армии) в ходе четырёх немецких газовых атак (май 1915 г. ст. ст.). Без учета пропавших без вести в ходе газобаллонной атаки 30 мая/12 июня 1915 г., чел. /

The number of chlorine poisoned at positions in the “Bolimov Sector” (area of the 2nd Army) and near the village of Konopnitsa (area of the 5th Army) during four German gas attacks (May 1915 senior). Excluding missing persons during a gas attack on May 30 / June 12, 1915, people

Месяц и число применения неприятелем хлора	Пострадавших на позициях		Из них умерло на позициях		Осталось в строю		Отправлено в лечебные заведения	
	Офицеров	Ниж. чинов	Офицеров	Ниж. чинов	Офицеров	Ниж. чинов	Офицеров	Ниж. чинов
18/31 мая (Болимовский сектор)	67	8865	12	1089	2	41	53	7735
В ночь с 23 на 24 мая (с 5 на 6 июня) (Болимовский сектор)	1	11	-	-	1	11	-	-
24 мая/6 июня деревня Конопница	1	12 ¹	-	-	-	-	1	3
30 мая/12 июня (Болимовский сектор)	28	2257	-	73	-	150	28	2034
Всего	97	11145	12	1162	3	202	82	9772

Ист.: сост. Автором по данным РГВИА. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2140. Л. 40
Там же. Ф. 2110. Оп. 1. Д. 235. Л. 18; Там же. Ф. 2360. Оп. 2. Д. 35. Л. 362 об.

был незначительным. Более того, поражающая сила газа ослабла, так как ветер не дул постоянно в направлении русских позиций, а временами менялся с северо-западного на юго-восточный². Незначительный объем выпущенного газа, смена ветра, использование войсками защитных масок – все это в совокупности способствовало отсутствию отравлений газом среди обороняющихся русских частей. Согласно отчету от 5/18 июня 1915 г. начальника штаба 3-й Сибирской стрелковой дивизии полковника Н. Н. Крже-

минского «пострадавших от газов»³ в 11-м и 12-м полках не было. Немецкая химическая атака потерпела неудачу.

Газобаллонная атака с 23 на 24 июня (с 6 на 7 июля) 1915 г.

Последнюю химическую атаку в «Болимовском секторе» немцы провели в ночь с 23 на 24 июня (с 6 на 7 июля) 1915 г., когда газобаллонной атаке подверглись части 55-й пехотной дивизии из состава XXXV-го армейского корпуса (217-й пехотный Ковровский полк, 218-й пехотный Горбатовский полк, 220-й пехотный Скопинский полк, 55-я артиллерийская бригада и 29-й сапёрный батальон), а также части 6-й Сибирской стрелковой дивизии из состава V-го Сибирского корпуса (21-й Сибирский стрелковый полк,

¹ Согласно Сводке о противнике от 25 мая 1915 г. отравление хлором в ходе газовой атаки получили «10–12 человек», без разделения на офицеров и нижних чинов. В таблицу вставлено 12 человек, как максимально приведённое в Сводке число пострадавших (см.: РГВИА. Ф. 2734. Оп. 2. Д. 11. Л. 84.).

² Там же.

³ Там же. Л. 565.

22-й Сибирский стрелковый полк, 23-й Сибирский стрелковый полк, 6-я артиллерийская бригада).

В своей книге А. Н. Де-Лазари не приводит точных данных о потерях в частях обеих дивизий по итогам этой газобаллонной атаки, ибо ему не удалось обнаружить их в архивных документах. А. Н. Де-Лазари пишет, что «точных сведений о потерях, понесенных русскими войсками во время этого нападения, не имеется» [1, с. 31]. А. Н. Де-Лазари приводит данные о потерях только по 218-му пехотному Горбатовскому и 220-му пехотному Скопинскому полкам. Данные о потерях от газовой атаки по 21-му и 22-му Сибирским стрелковым полкам приводятся только в процентном соотношении к численности полков, а не в реальных цифрах. Кроме того, А. Н. Де-Лазари вообще не приводит данных о потерях личного состава по другим частям 55-й пехотной и 6-й Сибирской стрелковой дивизий и других соединений, также пострадавших от газовой атаки.

Значительные потери в полках, подвергшихся газовой атаке в ночь с 23 на 24 июня (с 6 на 7 июля), а также оставление ротами 21-го Сибирского и 218-го Горбатовского полков своих позиций при прохождении газовой волны, вынудили командование 2-й армии бросить в образовавшуюся брешь не только резервы из состава XXXV-го корпуса, но и части соседних соединений. В результате в ликвидации образовавшегося прорыва вместе с 220-м Скопинским полком участвовали батальоны 117-го пехотного Ярославского и 120-го пехотного Серпуховского полков из состава 30-й пехотной дивизии IV-го армейского корпуса, временно перешедшие в подчинение XXXV-му корпусу¹. Часть личного состава этих полков также пострадала от отравления газом.

Автору статьи в ходе кропотливого поиска удалось найти в Российском государственной военно-историческом архиве

¹ РГВИА. Ф. 2731. Оп. 2. Д. 64. Л. 17 об.; Там же. Ф. 2734. Оп. 2. Д. 11. Л.Л. 4а – 4а об.

точные данные о потерях русских войск во время химической атаки, проведенной немцами в «Болимовском секторе» в ночь с 23 на 24 июня (с 6 на 7 июля) 1915 г. Эти данные приведены в таблице № 6.

Данные о потерях, приведенные в таблице № 6, взяты из официального доклада начальника санитарного отдела штаба 2-й армии генерал-майора А. В. де-Роберти от 30 июня (ст. ст.) 1915 г., из Журнала «Комиссии по выяснению условий применения в ночь с 23 на 24 июня сего года в районе расположения 5-го Сибирского и 35-го армейского корпусов германцами удушливых газов и результатов их применения», из Журнала военных действий 120-го пехотного Серпуховского полка и из отчетов командиров 117-го Ярославского и 120-го Серпуховского пехотных полков командованию 30-й пехотной дивизии, а также из дел Чрезвычайной следственной комиссии.

Данные таблицы № 6 показывают, что в ходе газобаллонной атаки проведенной немцами в ночь с 23 на 24 июня (с 6 на 7 июля) 1915 г. потери русской армии от отравления газом в абсолютных цифрах составили 10104 человек (94 офицера и 10010 нижних чинов), из них умерло 1775 человек (34 офицера и 1741 нижний чин). С помощью хлора немцам удалось одновременно вывести из строя более десяти тысяч человек личного состава. Это были огромные потери. В своем отчете о применении немцами газа командир 21-го Сибирского стрелкового полка указал на эту сторону применения химического оружия: «Потери от газов настолько колоссальны, что никакие активные действия в борьбе с врагом, не могут повлечь за собою такой массы выбывших из строя»².

Заключение

Таким образом, в ходе проведенного исследования удалось установить, что в мае-июне 1915 г. (ст. ст.) на реке Равке немцами были проведены 6 газохлорных атак (5 атак в «Болимовском секторе и 1

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2140. Л. 31 об.

Таблица 6 / Table 6

Число пострадавших на позициях от хлора в 6-й Сибирской стрелковой дивизии V-го Сибирского корпуса и в 55-й пехотной дивизии XXXV-го армейского корпуса в ночь с 23 на 24 июня (с 6 на 7 июля), а также в 117-м пехотном Ярославском и в 120-м пехотном Серпуховском полках днём 24 июня/7 июля 1915 г., чел. /
The number of victims in positions of chlorine in the 6th Siberian Rifle Division of the Vth Siberian Corps and in the 55th Infantry Division of the XXXVth Army Corps on the night of June 23-24 (July 6-7), as well as in 117- m infantry Yaroslavl and the 120th infantry regiments Serpukhov in the afternoon of June 24/July 7, 1915, people

Название частей войск	Умерло		Эвакуировано тяжело и средне пострадавших		Легко пострадавшие/ оставшиеся в строю		Итого	
	Оф.	Н. ч.	Оф.	Н. ч.	Оф.	Н. ч.	Оф.	Н. ч.
5 Сибирский корпус								
21 Сибирский стр. полк	22	1410	14	2500	8	400	44	4310
22 Сибирский стр. полк	-	20	3	320	5	528	8	868
23 Сибирский стр. полк	-	1	-	88	2	83	2	172
6 артиллерийская бригада	-	8	3	40	-	16	3	64
Итого	22	1439	20	2948	15	1027	57	5414
35 армейский корпус								
217 п. Ковровский полк	-	8	1	138	-	-	1	146
218 п. Горбатовский полк ¹	11	251	10	2333	8 ⁷	255	28	2839
220 п. Скопинский полк	-	43	6	926	-	497	6	1466
55 артиллерийская бригада	-	-	-	13	-	8	-	21
29 Сапёрный батальон	1	-	-	17	-	-	1	17
Итого	12	302	17	3427	8	760	36	4489
117 п. Ярославский полк	-	-	-	32	-	7	-	39
120 п. Серпуховской полк	-	-	-	68	1	-	1	68
Итого	-	-	-	100	1	7	1	107
Всего	34	1741	34	6475	24	1794	94	10010

Ист.: РГВИА. Ф. 2110. Оп. 4. Д. 9. Л. 399; Там же. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2140. Л. 42 об.;
Там же. Ф. 2360. Оп. 2. Д. 35. Л.Л. 1039, 1042;
Там же. Ф. 2734. Оп. 2. Д. 11. Л. 4а;
Там же. Ф. 13159. Оп. 1. Д. 62. Л. 38, Л. 38 об., Л. 50.

¹ Состав полка: 26 офицеров, 3005 нижних чинов. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2140. Л. 38.
Кроме 8 офицеров в строю также остались 5 легко пострадавших от отравления классовых чиновников полка (см.: РГВИА. Ф. 13159. Оп. 1. Д. 62. Л. 38).

атака у деревни Конопница). При этом 3 атаки (18/31 мая, 30 мая/12 июня, с 23 на 24 июня/с 6 на 7 июля) носили массивный характер и повлекли за собой огромные потери личного состава от отравления хлором. Три другие атаки (с 23 на 24 мая/с 5 на 6 июня, 24 мая/6 июня, 4/17 июня) носили частный позиционный характер и не привели к значительным потерям среди русских частей.

Следует указать, что психологический эффект от применения химического оружия на личный состав и командование частей русской армии оказался огромным. Глава «Комиссии по выяснению условий применения в ночь с 23 на 24 июня сего года в районе расположения 5-го Сибирского и 35-го армейского корпусов германцами удушливых газов и результатов их применения» генерал-майор Павлов писал: «Считаю долгом доложить, что высший командный состав (5-го Сибирского корпуса и 35-го армейского корпуса. – Н. П.) на словах и в письменных разъяснениях, а также все офицеры (21-го Сибирского стрелкового и 218-го пехотного Горбатовского полков. – Н. П.) высказали мне и членам комиссии в самой категорической форме, что а) моральное действие ядовитых газов на наши войска, при отсутствии с нашей стороны таких же мер воздействия, чрезвычайно сильно; насколько действительно было потрясающее впечатление беззащитности, невозможности ни противодействия, ни борьбы и бесполезной гибели людей – может служить факт, удостоверенный командиром 21 Сибирского стрелкового полка, самоубийство в окопах двух ротных командиров: 14 роты Хлопицкого и 15 [роты] Кардопольцева; испытанная храбрость и доблесть офицерского состава этого полка были известны и доказаны в прежних боях, поэтому самоубийство таких офицеров можно объяснить только невыносимыми душевными и отчасти физическими страданиями; б) если принесенные с нашей стороны жертвы тысяч жизней останутся для немцев без-

наказанными и не будет за них возмездия тем же оружием и наша беззащитность будет продолжаться, то это может пагубно отразиться на духе наших войск и даже повести к их деморализации, и в) применение ядовитых газов с нашей стороны будет всеми принято с восторгом и если даже будут у нас потери от неприятельских газов, то они будут считаться неизбежными последствиями боя, как от ружейного и пулеметного огня, где обе стороны действуют одинаковым оружием; поэтому применение нами газов крайне необходимо, но при непременно условии, чтобы их количество и действие были отнюдь не слабее немецких газов»¹.

И тем не менее, несмотря на огромные людские потери от газобаллонных атак и временный сильный деморализующий психологический эффект, который оказало применение хлора на русских солдат и офицеров, германскому командованию так и не удалось достичь своей главной цели – прорвать оборону на этом участке фронта и разгромить под Варшавой русскую армию. Одной из главных причин неудачи, постигшей германское командование в ходе этих боев, стали героизм, мужество и самопожертвование русских солдат и офицеров, многие из которых предпочли погибнуть, но не отступить, выполнив свой долг до конца, как выполнил его безымянный русский офицер, труп которого видел немец в захваченном передовом русском окопе. Этот офицер продолжал стрелять по наступающим немецким колоннам до последнего мгновения своей жизни, пока не задохнулся от хлора. И даже погибнув, продолжал мертвой хваткой сжимать застывшими в трупном очоении пальцами спусковой крючок пулемета, как будто все еще вел невидимый огонь по своим отравителям [10, S. 124].

Статья поступила в редакцию 11.11.2019

¹ Там же. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 2140. Л.Л. 29 об.-30.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Де-Лазари А. Н. Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914–1918 гг.: Краткий исторический очерк. М.: Госвоениздат, 1935. 143 с.
2. Behr H. F. von. Bei der fünften Reserve-Division im Weltkriege: Tagebuch-Aufzeichnungen. Berlin, 1919. 264 S.
3. Geschichte des 2. Westpreußischen Feldartillerie-Regiments Nr. 36. Berlin, 1935. 362 S.
4. Hartenstein O. von. Das Kurhessische Pionier-Bataillon Nr. 11 im Weltkriege 1914–1918. Zeulenroda, 1936. 415 S.
5. Kaliński S. Bolimów 1915. Warszawa, 2015. 301 S.
6. Keiser, von (Oberstleutnant). Geschichte des Infanterie-Regiments v. d. Marwitz (8. Pomm.) Nr. 61 im Weltkriege 1914/1918. Unbekannt, 1921. 414 S.
7. Kriegsgeschichte des Reserve-Infanterie-Regiment 225 nach Aufzeichnungen aus dem Felde. Kriegstagebuch 1914–1918. Görlitz, 1928. 475 S.
8. Martinetz D. Der Gaskrieg 1914–1918. Entwicklung, Herstellung und Einsatz chemischer Kampfstoffe. Das Zusammenwirken von militärischer Führung, Wissenschaft und Industrie. Bonn, 1996. 180 S.
9. Reichsarchiv: Der Weltkrieg 1914–1918. Die militärischen Operationen zu Lande. Band 8. Die Operationen des Jahres 1915. Die Ereignisse im Westen im Frühjahr und Sommer, im Osten vom Frühjahr bis Jahreschluß. Berlin, 1932. 666 S.
10. Richter W. Das Danzinger Infanterie Regiment Nr. 128. Zeulenroda. 1931. 564 S.
11. Rohrbeck K. A. Reserve-Infanterie-Regiment Nr. 8 im Weltkriege. Zeulenroda, 1934. 451 S.

REFERENCES

1. De-Lazari A. *Khimicheskoye oruzhiye na frontakh Mirovoy voyny 1914–1918 gg.: Kratkiy istoricheskiy ocherk* [Chemical weapons on the fronts of the World War 1914–1918: A brief historical outline]. Moscow, Gosvoenizdat Publ., 1935. 143 p.
2. Behr H. F. von. *Bei der fünften Reserve-Division im Weltkriege: Tagebuch-Aufzeichnungen* [At the fifth reserve division in the world wars: diary records]. Berlin, 1919. 264 p.
3. *Geschichte des 2 Westpreußischen Feldartillerie-Regiments Nr. 36* [History of the 2nd West Prussian Field Artillery Regiment No. 36]. Berlin, 1935. 362 p.
4. Hartenstein O. von. *Das Kurhessische Pionier-Bataillon Nr. 11 im Weltkriege 1914–1918* [The Kurhessian Engineer Battalion No. 11 in the World Wars 1914–1918]. Zeulenroda, 1936. 415 p.
5. Kaliński S. *Bolimów 1915*. Warszawa, 2015. 301 p.
6. Keiser, von (Oberstleutnant). *Geschichte des Infanterie-Regiments v. d. Marwitz (8. Pomm.) Nr. 61 im Weltkriege 1914/1918* [History of the Infantry Regiment d. Marwitz (8th Pomm.) No. 61 in the World Wars 1914/1918]. Unbekannt, 1921. 414 p.
7. *Kriegsgeschichte des Reserve-Infanterie-Regiment 225 nach Aufzeichnungen aus dem Felde. Kriegstagebuch 1914–1918* [War history of the Reserve Infantry Regiment 225 based on records from the field. War Diary 1914–1918]. Görlitz, 1928. 475 p.
8. Martinetz D. *Der Gaskrieg 1914–1918. Entwicklung, Herstellung und Einsatz chemischer Kampfstoffe. Das Zusammenwirken von militärischer Führung, Wissenschaft und Industrie* [The gas war 1914–1918. Development, production and use of chemical warfare agents. The interaction of military leadership, science and industry]. Bonn, 1996. 180 p.
9. Reichsarchiv: *Der Weltkrieg 1914–1918. Die militärischen Operationen zu Lande. Band 8. Die Operationen des Jahres 1915. Die Ereignisse im Westen im Frühjahr und Sommer, im Osten vom Frühjahr bis Jahreschluß* [Reichsarchiv: The World War 1914–1918. Military operations on land. Vol. 8. Operations in 1915. Events in the west in spring and summer, in the east from spring to year-end]. Berlin, 1932. 666 p.
10. Richter W. *Das Danzinger Infanterie Regiment Nr. 128* [The Danzinger Infantry Regiment No. 128]. Zeulenroda, 1931. 564 p.
11. Rohrbeck K. A. *Reserve-Infanterie-Regiment Nr. 8 im Weltkriege* [Reserve Infantry Regiment No. 8 in the World Wars]. Zeulenroda, 1934. 451 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Постников Николай Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного областного университета;
e-mail: postnikov-nd@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHER

Nikolay D. Postnikov – PhD in Historical sciences, associate professor at the Department of Constitutional and Municipal Law, Moscow Regional State University;
e-mail: postnikov-nd@rambler.ru

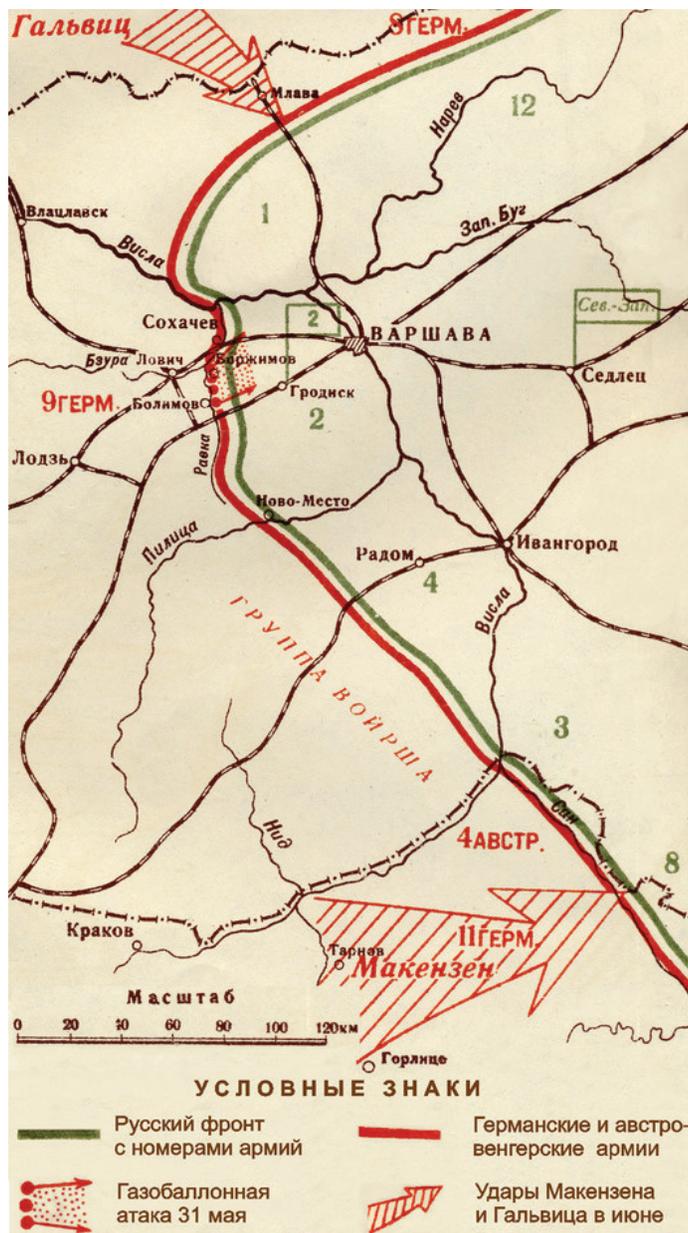
ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Постников Н. Д. Новые данные о первых газобаллонных атаках на Восточном фронте Первой мировой войны (май-июнь 1915 г.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 2. С. 87–110.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-87-110

FOR CITATION

Postnikov N. New data on the first gas-balloon attacks on the Eastern Front of the First World War (May-June 1915). In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 2, pp. 87–110.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-87-110

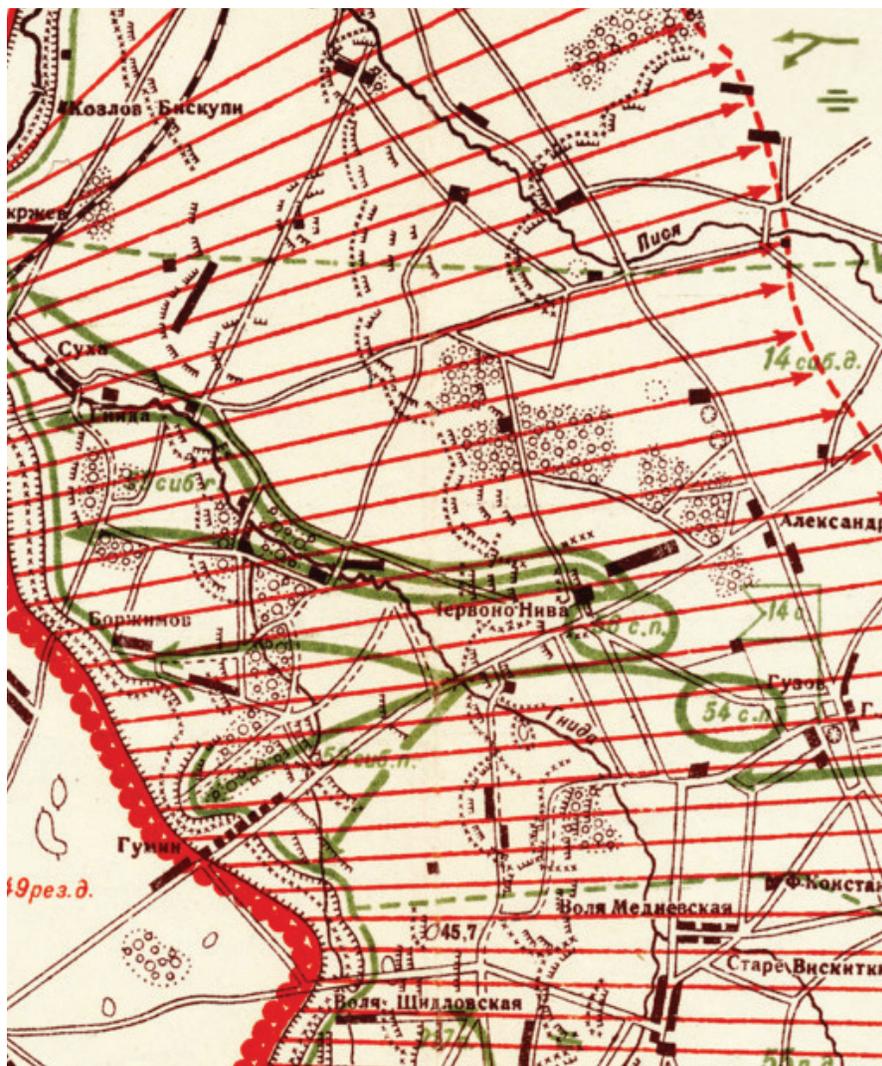
ПРИЛОЖЕНИЕ

Ист.: [1]

Рис. 1. Общее положение фронта на Восточноевропейском театре военных действий перед первой газобаллонной атакой немцев в мае 1915 г.

Figure 1. General position of the front in the East European theater of operations before the first gas balloon attack of the Germans in May 1915

Ист.: [1]

Рис. 2. Первая газобаллонная атака немцев на Восточном фронте Первой мировой войны 18/31 мая 1915 г.

Figure 2. The first gas balloon attack of the Germans on the Eastern Front of the First World War on May 18/31, 1915

Ист.: [5]

Рис. 3. Отравленные хлором русские солдаты. Фотография сделана германским офицером утром 30 мая/12 июня 1915 г. на передовых русских позициях, захваченных немцами.

Figure 3. Russian soldiers poisoned by chlorine. The photo was taken by a German officer on the morning of May 30 / June 12, 1915 at the advanced Russian positions captured by the Germans

Ист.: [5]

Рис. 4. 30 мая/12 июня 1915 г. Болимовский сектор. Погибшие от хлора русские солдаты, трупы которых были перенесены немцами в свой тыл.

Figure 4. May 30 / June 12, 1915 the Bolimov sector. Russian soldiers who died from chlorine, whose corpses were transferred by the Germans to their rear.

УДК 908

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-111-123

ФОРМИРОВАНИЕ ОРЕХОВО-ЗУЕВА КАК ГОРОДСКОГО КОНГЛОМЕРАТА В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ РОССИИ НАЧАЛА XX в.

Бухаренкова О. Ю., Морова О. В.

Государственный гуманитарно-технологический университет

142611, г. Орехово-Зуево, ул. Зеленая, д. 22, Московская область, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Показать специфику процесса образования города Орехово-Зуево из сельских поселений, превратившихся на рубеже XIX–XX вв. в фабричные центры.

Процедура и методы исследования. Авторами проведен анализ правительственных документов, статистических отчетов и материалов периодических изданий, сравнение социально-экономического уровня развития конгломерата поселений с критериями получения статуса города.

Результаты проведенного исследования. Анализ материалов позволил авторам показать процесс специфического генезиса города в дореволюционной России. Исследование доказало асинхронность в восприятии Орехово-Зуево городом и получении им этого статуса юридически.

Теоретическая / практическая значимость. Заключается во введении в научный оборот ранее не публиковавшихся материалов, в составлении социально-экономического и бытового «портрета» будущего города, обобщении отдельных аспектов региональной истории Подмосковья.

Ключевые слова: Российская империя (XX век), урбанизация, локальная история, фабрично-заводской центр, Орехово-Зуево

FORMATION OF OREKHOVO-ZUEVO AS AN URBAN CONGLOMERATE IN THE CONTEXT OF MODERNIZATION PROCESSES IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

O. Bukharenkova, O. Morova

State University of Humanities and Technology (GGTU)

22 Zelyonaya ul., Orekhovo-Zuyevo 142611, Moscow region, Russian Federation

Abstract.

Aim. To describe the process of establishing the town of Orekhovo-Zuevo from the settlements that became factory centers at the turn of the 20th century.

Methodology. The authors analyzed official government documents, statistical reports and materials from periodicals, comparing the socio-economic level of the conglomerate development with the official criteria for obtaining the status of a town.

Results. The conducted analysis of the documents allowed the authors to demonstrate the "aging" of the urban conglomerate as an example of the specific genesis of a town in pre-revolutionary Russia. The research proved the fact of asynchrony in the perception of Orekhovo-Zuevo as a town and the obtaining of its legal status.

Research implications. The paper introduces the research data which were not published earlier. These documents form a socio-economic and everyday “image” of a future town and reveal certain aspects of the regional history.

Keywords: town, foundation of the town, urban conglomerate, urban location, local history, factory center, Ministry of the Home Affairs, commercial and industrial agility

Введение

Процесс приобретения Орехово-Зуевом юридического статуса города иллюстрировал, с одной стороны, описанный в научной литературе путь «вызревания в города» из фабричного села, с другой стороны, высвечивал специфические особенности российской урбанизации «по-деревенски», которые усугублялись своеобразием микрорегиона и противоречиями государственной политики градообразования.

Работы по исследованию генезиса Орехово-Зуева в конце XIX – начале XX вв., его формированию из двух крупных сёл, местечек и деревень в единый городской локус, отсутствуют. Отправной точкой данного исследования стал научный пробел, не закрытый предыдущими исследованиями, – отсутствие ответа на вопрос, почему Орехово-Зуево к началу XX в. воспринимался как город¹, но официальный статус получил лишь в 1917 г. Авторы в пределах статьи предприняли попытку показать процесс вызревания города Орехово-Зуева в условиях многофакторности (модернизационных процессов, государственной политики, социальных процессов и др.).

Цель исследования – показать специфику процесса образования города Орехово-Зуево из сельских поселений, превратившихся на рубеже XIX–XX вв. в фабричные центры. В качестве задач авторы выделяют: во-первых, методологическое определение понятия «город» в современной науке и в исследуемый период; во-вторых, анализ и оценка официальных условий получения статуса города в Российской империи на рубе-

же XIX–XX вв.; в-третьих, составление социально-экономического и бытового «портрета» Орехово-Зуева и оценка возможности получения им статуса города.

Сеть городов на территории России складывалась поэтапно и специфично. Ускорение этому процессу придали индустриальная модернизация. Генезис городов имел как типичные признаки, так и уникальные черты и проявления. По данной проблематике накоплена разветвлённая в хронологическом и предметно-тематическом поле историография, представленная работами обобщающего характера [5; 6, 9; 13]; трудами, посвящёнными конкретным городам²; узконаправленными исследованиями отдельных сторон жизни городов [2; 7; 15].

К началу XX в. обозначилась тенденция вырастания городов из сельских поселений, которые могли стать (или уже стали) социально-экономическими фокусами местности [9, с. 19–33]. Типичным примером этой тенденции стало историческое развитие крупнейшего в Восточном Подмоскowie промышленного города – Орехово-Зуева.

Город Орехово-Зуево был особо привлекательным объектом исследования в советский период, что объяснялось идеологическим контекстом – многочисленная армия рабочих местных текстильных предприятий активно участвовала в

¹ Города России: в 2-х т. Т. 1: Города России в 1904 году / Центр.стат. ком. МВД. СПб.: Типо-лит. Ныркина, 1906. 907 с.

² См.: Веселовский Г. М. Исторический очерк города Воронежа, 1586–1886: [в память празднования г. Воронежем 300-летнего юбилея]. Воронеж, 1886. 298 с.; Город Пермь: Сборник очерков по истории, культуре и экономике города, с 29 ил., планом города и прил. адресного справочника / Под общ. ред. Секции по изучению города Пермское о-во краеведения. Пермь: Пермское о-во краеведения, 1926. 360 с.; Город Псков и его окрестности / Сост. А. Яхонтов. СПб.: Постоян. комис. по устройству нар. чтений, 1886. 63 с.; Лопатина Н. А. История города Торжка в названиях улиц. Тверь: Лилия Принт, 2004. 95 с.

стачечном и революционном движении и политической жизни страны¹. Работы историков того времени были посвящены вопросам экономического развития, условий труда на местных промышленных предприятиях, а также событиям установления советской власти.

В исследованиях постсоветского времени уклон сделан в сторону изучения истории фабричных династий Морозовых и Зиминых, особенно судьбы Саввы Тимофеевича Морозова. Значительная часть исследований – фактографическая краеведческая литература [см.: 3; 4; 10].

Во всех работах давались с различной степенью глубины и широты характеристика и описание крупных торгово-промышленных сёл Орехово и Зуево, местечка Никольское, близлежащих деревень Дубровка и Крестовоздвиженское. Особой научной темой стало изучение старобрядчества и его роли в развитии данного локуса. Тема образования города ограничивалась констатацией и описанием самого факта принятия в 1917 г. решения Временным правительством об образовании города Орехово-Зуево [1].

Источниковой базой исследования послужили исторические документы и материалы центральных и региональных архивов – Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Владимирской области. Для выявления динамики социальной, экономической и культурной жизни Орехово-Зуева использовались источники статистического характера: материалы Хозяйственного департамента и Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, Орехово-Зуевский календарь. Большой информативностью обладают издания периодической печати:

¹ 1905 год в Орехове-Зуеве. Орехово-Зуево: / Орехово-Зуевский уезд.ком. РКП(б). Истпарт, 1925. 207 с.; Ефетов М. С. Город на Клязьме: Районный центр Орехово-Зуево. М.: Моск. рабочий, 1941. 56 с.; Малов Ф. И. Великие перемены на текстильных фабриках Орехово-Зуева: Очерки. М.: Моск. рабочий, 1939. 48 с.; Оглоблин А. А. Орехово-Зуево в 1917 году и теперь. М.: Моск. рабочий, 1957. 112 с.

газеты «Владимирские губернские ведомости», «Богородская речь».

Понятие «город» в современной науке и государственной и общественной практике рубежа XIX–XX вв.

В современном научном мире исследованием городов занимаются не только историки, но и экономисты, социологи, географы, архитекторы, культурологи, находя свои объекты и предметы изучения, используя свойственные их научным отраслям методы и методологию. Поэтому целесообразно и научно оправданно рассматривать город с позиций междисциплинарности.

Ключевым термином исследования является понятие «город». В самом простом и наиболее распространенном понимании «город» представляет собой поселение с определенным количеством жителей (в разных странах и в разное время численность населения города варьируется), большая часть которых не занимается сельскохозяйственным трудом.

В настоящее время сложилось несколько теорий понимания города. С точки зрения политико-административной теории город – населенный пункт, получивший свой статус и определенные права от официальной власти. Сторонники количественной теории (теории статистики) связывают город, прежде всего, с численностью его населения. Экономическая теория выделяет город из других поселений степенью интенсивности труда и его торгово-промышленным характером. В социальной теории на первый план выходит отличная от «не города» общественная структура, которая стремится создать пригодную для нее среду обитания.

Особое понимание города сложилось в урбанистике – науке, изучающей «процесс урбанизации вообще, экономическое, социальное и архитектурное состояние городов в исторической перспективе; в проблемном поле «новой истории города» исследует его как культурный феномен в широком социокультурном контексте»².

² Теория и методология исторической науки. Терми-

В настоящее время отечественная урбанистика насчитывает не менее восьми методологических подходов к пониманию сущности города и закономерностей его формирования и развития. Их объединяет восприятие города как определенной среды, которая пронизывает социальные слои города, определяет уровни коммуникации и инфраструктуры. При этом городская среда оказывает влияние на её жителей, в отличие от материального пространства города, которое в этом понимании является нейтральным.

Максимально полно учитывает специфику формирования и развития российских городов синергетический подход. Он предполагает нестабильность, нелинейность и многообразие путей развития города и факторов, влияющих на этот процесс. Город при этом воспринимается как открытая система, способная к самоорганизации и саморазвитию через поведение его жителей. Внутренние связи системы значительно превышают внешние, что позволяет системе долгое время сохранять устойчивость. Важнейшей функцией города является обеспечение оптимальных условий жизнедеятельности (труда, общения, отдыха) городскому сообществу [5].

Несмотря на древность происхождения и длительность использования термина «город», даже в начале XX в. в официальных документах не было выработано его четкого понимания: «понятие и признаки городского поселения нигде в законе с положительностью не установлены. Городскими поселениями считаются *города*, а равно *посады* и *местечки*, состоящие на городском положении. Признаваемые за городские поселения *посады*, в качестве таковых, ничем не отличаются от городов, в особенности, если к ним применено Городовое Положение»¹.

Министерство внутренних дел, составляя список городских поселений, в

которых предполагалось ввести общественное управление, на основании «Городового положения» 1870 г., признавало: «поселения, именуемые ныне городскими, до такой степени разнообразны – по населению, экономическому быту жителей, по средствам, наконец, которыми они располагают на удовлетворение общественных надобностей – что установить какую-либо общую характеристику для тех из них, которым и на будущее время следует оставить наименование городов – не представляется никакой возможности»². Составители использовали три признака «города»: численность населения (не менее 5000), стоимость недвижимого имущества (не менее 200000 руб.) и городские доходы (до 7000 руб. в год).

В 1904 г. Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел выпустил сборник «Города России», который содержал сведения о населенных пунктах страны по 40 показателям! Среди них: заселенная площадь, число улиц, переулков, площадей, жилых строений, освещение улиц, водоснабжение, канализация, число учебных заведений, медицинских учреждений, гостиниц, фабрик, банков и т. д. Такой признак, как численность жителей поселения, был отнесен составителями только на одиннадцатую строчку анкеты. Примечательно, что в этом сборнике среди городов фигурируют село Орехово и местечко Никольское Покровского уезда Владимирской губернии³.

Знаменитый российский географ, экономист и государственный деятель П. П. Семенов-Тянь-Шанский в своей работе «Город и деревня в европейской России» (1910) подробно исследовал процесс формирования городов в различных регионах европейской России в

нологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 501–502.

¹ Список городских поселений Российской империи. Ч. 1. Города. СПб.: Хоз. деп. МВД, 1901. С. 1.

² Материалы, относящиеся до нового общественного устройства в городах Империи. Т. 2: (Городовое положение 16 июня 1870 г.). СПб.: Тип. МВД, 1877. С. 146.

³ См. Города России [Т. 1]: Города России в 1904 году.

привязке к природно-географическим, экономическим и историческим условиям. На основе полученных данных он сделал обоснованный вывод о том, что «при том разнообразии условий, в которых вырастают в России истинные экономические города, само собою разумеется, получается значительный комплекс форм, переходных от города к деревне. Этот комплекс складывается из двух основных групп: 1) забракованных с экономической точки зрения официальных городских поселений, в которых имеются соответствующие казенные учреждения, действует городское положение и пр.; 2) сел, по всем экономическим признакам в недалеком будущем способных обратиться в настоящие города, но в данный момент еще не вполне удовлетворяющих всем экономическим признакам города»¹. Первые населенные пункты автор называл «административными пунктами», а вторые – «будущими городами».

Социально-экономический и бытовой «портрет» Орехово-Зуева в начале XX в.

В число экономических показателей, которые следует учитывать при отнесении того или иного поселения к городу, П. П. Семенов-Тянь-Шанский включил численность населения, годовой торгово-промышленный оборот на жителя («торгово-промышленная бойкость») и степень участия промышленности в торгово-промышленном обороте города. В своей работе Петр Петрович уверенно причислил фабрично-заводской центр «Орехово-Зуево Богородского и Покровского уездов» к числу больших городов Московской части ..., наравне с такими древними городами, как Ярославль, Тверь, Рязань и Калуга². Интересно, что

¹ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Город и деревня в европейской России: очерк по экономической географии. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1910. (Записки императорского Русского географического общества по отделению статистики; Т. 10, вып. 2). С. 74.

² Там же. С. 101.

автор использовал неофициальный топоним «Орехово-Зуево» вслед за иными изданиями. Так, Владимирский календарь и справочная книжка на 1902 г. содержит сведения о почтово-телеграфных конторах губернии, где в графе «Наименование учреждения» указано «Орехово-Зуево Покровского уезда»³.

В аналогичном издании за 1904 г. в сведениях о почтовых адресах волостных правлений Яковлевской и Кудыкинской волостей содержится запись «с. Орехово-Зуево»⁴. В самом селе Орехово с 1902 г. издавался ежегодный Орехово-Зуевский календарь и записная книжка. Очевидно, современники признавали высокую степень сращивания двух сёл и видели тенденцию к формированию единой общественно-административной единицы.

Какие основания были у исследователя для столь однозначного отнесения уже в 1910 г. сёл Орехово и Зуево вместе с местечком Никольское к большим городам?

Численность населения данного микрорегиона (далее в тексте будем его называть Орехово-Зуево. – прим. авторов) росла стремительными темпами. К 1 января 1904 г. общая численность населения в местечке Никольском, селах Орехово и Зуево составляла 51 344 чел.⁵, к 1 января 1910 г. она возросла до 64 525 чел., к 1 января 1916 г. – до 70 372 чел.⁶ (табл.).

Для сравнения, в 1904 г. численность населения Суздаля составляла 5907 чел., Ярославля – 71923 чел., Рязани – 35916 чел.⁷. А в 1910 г. (по подсчетам П. П. Семенова-Тянь-Шанского) в Ярославле

³ Владимирский календарь и памятная книжка на 1902 год. Владимир: тип. Владимирского Губернского правления, 1901. С. 98.

⁴ Владимирский календарь и памятная книжка на 1904 год. Владимир: тип. Владимирского Губернского правления, 1904. С. 86.

⁵ Орехово-Зуевский календарь и записная книжка на 1904 год. Орехово: Тип. Е. М. Палладиной, 1904. С. 98–99.

⁶ Орехово-Зуевский календарь и записная книжка на 1917 год. Орехово: Тип. Е. М. Палладиной, 1917. С. 124–125.

⁷ Города России [Т. 1]: Города России в 1904 году. С. 158.

Таблица / Table

**Численность населения в Орехово, Зуево и Никольском в начале XX века /
Population in Orekhovo, Zuevo and Nikolsky at the beginning of the 20th century**

на 1 января указанного года	Численность населения		
	Орехово	Никольское	Зуево
1904	9533	28543	12225
1910	14477	32030	15869
1916	15101	30891	18400

Ист.: [12;13]

лавле проживало 93000 человек, в Рязани – 56500, а в Суздале около 6600¹.

Православное население сёл Орехово и Зуево и местечка Никольское в 1904 г. увеличилось на 4001 человека в сравнение с предыдущим годом. По данным метрических книг, естественный прирост православного населения в 1904 г. составил всего лишь 1002 человека, на село Зуево приходилось лишь 40 человек, остальные 962 – село Орехово [14, с. 33]. Это убедительно свидетельствует, что основной причиной быстрого роста населения локуса была миграция, вызванная экономической привлекательностью этих мест. Работавшие на фабриках и иных промышленных предприятиях села Орехова или местечка Никольское зачастую проживали в селе Зуево, и наоборот, что ускоряло интеграцию территорий, сращивание в единый конгломерат де-факто.

К началу XX в. Орехово-Зуево обладал развитой транспортной инфраструктурой. Располагаясь по берегам судоходной в то время реки Клязьмы, жители сёл активно использовали её для доставки промышленного сырья и продовольствия. В 1894 г. «только по Клязьме на одну только фабрику Морозова в Орехово-Зуево идет ежегодно не менее 40 баржей. При этом нужно заметить, что Орехово-Зуево – самый высокий предельный пункт движения судов, так как выше, в посаде Павлове, Клязьма уже запружена мельницей»².

Настоящим прорывом в развитии населенных пунктов стало включение их в железнодорожную сеть России. В 1861 г. через станцию Орехово началось движение поездов между Москвой и Владимиром Московско-Нижегородской железной дороги. К 1892 г. магистраль представляла собой два железнодорожных пути от Москвы до Нижнего Новгорода.

В 1899 г. было пущено движение по Ореховскому подъездному пути до станции Ильинский погост, что позволило соединить станцию Орехово с Московско-Казанской железной дорогой. Уже в 1890 г. из всех потребителей нефтяного топлива, доставляемого железнодорожным транспортом, первое место занимала Москва (11,2 млн. пудов – треть всей перевозки), затем следовали Батум – 2,3 и Орехово – 2,1 млн. пудов³.

В 1908 г. в селе Орехово и местечке Никольском Покровского уезда работали крупные промышленные предприятия: чугунолитейный механический завод Торгового Дома В. Я. Гоппер и К^о (приблизительная сумма производства – 100000 руб.); бумагопрядильная и бумаготкацкая фабрики, красильно-отбельно-отделочное и плисокрасильное заведения Товарищества Мануфактур Викула Морозова (10727750 руб.); бумагопрядильная фабрика, бумаготкацкая, отбельно-красильная и набивная фабрики Товарищества Никольской мануфакту-

¹ Семенов-Тян-Шанский В. П. Указ. Соч. С. 101, 104.

² Сазонов Г. П. Ростовщичество – кулачество: Наблюдения и исследования. Вып. 6. СПб.: тип.

А. С. Суворина, 1894. С. 59.

³ Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1893. С. 261.

ры Саввы Морозова Сын и К^о (14113000 руб.)¹.

В селе Зуево к 1911 г. действовали пунцево-красильная фабрика Товарищества Зуевской мануфактуры И. Н. Зимина, бумаготкацкая ручная фабрика Зуевской мануфактуры Торгового Дома И. М., П. Я. и Ф. Зиминных, красильная фабрика К^о Богородско-Глуховской мануфактуры, бумаготкацкая ручная фабрика Ивана Фомича Шуванова, а также Подгородная бумаготкацкая фабрика Торгового Дома И. М., П. Я. и Ф. Зиминных в селе Крестовоздвиженском, шелкоткацкая фабрика наследников Л. С. Брашнина, М. Г. Брашнина и шелкоткацкая фабрика Торгового Дома братьев Н. Л. Брашнинных в деревне Дубровка. На предприятиях трудилось более 2000 рабочих².

Сфера торговли и услуг сёл Орехово и Зуево отвечала самым разнообразным потребностям городского жителя: работали игрушечные магазины (3), книжные, писчебумажные и музыкальные (2), картузные и шапочные (4), колбасные (4), керосиновые (8), мебельные (2), мясные (10), мануфактурные и галантерейные (17), одежные (5), обувные (8), посудные (3), скобяные и москательные (5), фруктовые (5), велосипедный магазин, магазины по продаже золотых, серебряных вещей и часов (4), булочных, хлебных и мучных товаров (20), бакалейные, гастрономические, колониальные и рыбные магазины (24), багетные, рамочные мастерские (2), парикмахерские (3), аптеки (4)³. Всего 135 заведений торговли и услуг!

Пять раз в год – 9 мая, 8 июля («Казанская»), 15 сентября («Никитская»), 22 октября («Казанская») и 6 декабря

(«Никольская») – в селе Орехово проводились крупные ярмарки по продаже мануфактурных, бакалейных и галантерейных товаров, готового платья и обуви. А каждую субботу с 6 декабря и до Пасхи в Орехово открывались базары.

По данным П. П. Семенова-Тян-Шанского, торгово-промышленная бойкость Орехово-Зуева к началу XX в. составляла 621 тыс. руб на одного жителя (при этом доля промышленности в торгово-промышленной деятельности составляла 89%). В то же время в Ярославле этот показатель был на уровне 718 тыс. (52%), в Рязани – 275 тыс. (25%), а в Суздале – 248 тыс. (1%)⁴.

Внешний облик анализируемых сельских населённых пунктов не уступал иным городам. По данным Центрального статистического комитета МВД Российской империи, на 1904 г. в селе Орехово и местечке Никольском насчитывалось 445 жилых строений, из них 53 каменных, 317 деревянных и 75 смешанных, при этом подавляющее большинство строений было покрыто железом (386). Для сравнения, в Суздале из 683 строений только 86 были каменными, а 597 деревянными, покрыты железом были 380, а деревом 303⁵.

Состояние улиц в селе Орехово и Никольском в большей степени напоминало город, а не сельскую местность: 99,2% в Никольском и 16,7% в Орехово из них были мощеными. В Суздале мощеных улиц было 24%⁶. Улицы были освещены: на 9,5 саженей улицы в Никольском и на 9,7 саженей улиц в Орехово был один фонарь (в Суздале – на 38,8 саженей). Всего в Орехово и Никольском было 779 фонарей (16 электрических, 56 газовых и 707 керосиновых). В Суздале в это время было только 100 керосиновых фонарей⁷.

Ореховское общество благоустройства в 1911 г. поставило в селе несколько

¹ Владимирский календарь и памятная книжка на 1908 год. Владимир: тип. Владимирского Губернского правления, 1908. С. 132–133.

² Памятная книжка Московской губернии на 1912 год. Издание Московского столичного и губернского статистического комитета под редакцией секретаря комитета Б. Н. Пенкина. М., 1911. С. 110–111.

³ Орехово-Зуевский календарь и записная книжка на 1917 год. Орехово: Тип. Е. М. Палладиной, 1917. С. 103–115.

⁴ Семенов-Тян-Шанский В. П. Указ. Соч. С. 101, 104.

⁵ Города России [Т. 1] : Города России в 1904 году. С. 170–171.

⁶ Там же. С. 172–173.

⁷ Там же. С. 190.

керосино-калильных фонарей. Вскоре представители Акционерного Общества электрического освещения 1886 г. предложили причту села Орехово проект электрификации улиц. Проект был одобрен, кабель протянули по линии железной дороги из Дрезны.

Вскоре Общество 1886 г. предложило и крестьянам села Зуева провести освещение. После некоторой проволочки крестьяне села Зуева одобрили договор с этим Обществом. Так в 1913 г. и в Зуево пришло электричество¹.

Одним из показателей формирования новой городской инфраструктуры являлась телефонная связь. Во Владимирской губернии действовало внутреннее телефонное сообщение. Междугородняя линия соединяла Москву и Нижний Новгород, а промежуточными пунктами стали Орехово, Владимир, Новки, Ковров, Вязники, Савино, Шуя, Иваново-Вознесенск. Для общественного пользования линия была открыта в 1910 г. Торговым домом Н. Феттер и Е. Гинкель, а с января 1912 г. преобразована в АО «Телефон».

Связь по телефону осуществлялась из центральных и переговорных станций и из квартир некоторых местных жителей. Переговорная станция была открыта ежедневно с 8 утра до 12 часов ночи и размещалась в Орехове в доме И. В. Штанникова напротив вокзала Московско-Нижегородской железной дороги. Лица, которые желали пользоваться телефонным сообщением из своих квартир, вносили на центральной станции аванс – не менее 10 руб., и по мере израсходования денег пополняли счёт.

Плата за обыкновенный 3-минутный разговор с Орехово и Москвой составляла 50 коп., с Нижним Новгородом – 100 коп. За 1–2 дополнительные минуты разговора (а также за несостоявшийся разговор) с ореховскими абонентами не надо было доплачивать, с московскими доплата составляла 15 коп., с нижегородскими –

25 коп². Желающих пользоваться телефоном в квартире было достаточно.

Показательно, в начале XX в. государственный квартирный налог в селе Орехово и местечке Никольском был установлен как для городов IV класса (к таковым относились, например, Переславль и Муром): наёмная цена квартиры 120–144 руб. облагалась налогом в 2 руб., 144–192 руб. – налогом в 3 руб., самые дорогие квартиры в 2300–2400 руб. – налогом в 221 руб., а квартиры стоимостью выше 2400 руб. – 10% с цены квартиры. Стоимость малой (менее 4 комнат) квартиры в Орехове в год в среднем составляла 60–144 руб.³. Квартиры нанимали в основном высокооплачиваемые должностные лица, железнодорожные и почтово-телеграфные служащие, врачи, преподаватели гимназий и учителя.

Прислуге в месяц платили в местечке Никольское 13–20 руб. мужчинам, 5–15 руб. женщинам, в Орехове соответственно 8–15 и 2–6 руб. Заметим, что средний заработок текстильщиков по Московской губернии в конце XIX в. равнялся 12–15 руб. в месяц⁴.

Городской облик Орехово-Зуеву придавали здания культурного назначения (театры, клуб, библиотеки, читальни, школы, гимназии). Местные жители, среди которых имелись инженеры, технологи, электротехники, мастера, служащие контор, телеграфисты, телефонисты, железнодорожники, учителя, врачи, да и рабочие, испытывали сильную потребность в интересном и разнообразном досуге.

Ещё в 1897 г. Морозовыми был устроен Парк народного гулянья с Летним театром, который рабочие их фабрик могли посещать бесплатно. В 1912 г. был открыт настоящий Зимний театр, спектакли и представления в котором предназначались для широкой публики.

² Календарь и Справочная книжка Владимирской губернии на 1915 год. Владимир: Тип. Губернского правления, 1915. С. 50

³ Города России [Т. 1]: Города России в 1904 году. С. 251.

⁴ Города России [Т. 1]: Города России в 1904 году. С. 262.

¹ Орехово-Зуево. Факты и слухи // Богородская речь. 1911. 21 окт. С. 3.

Действовал в Орехове Клуб служащих фабрик Саввы Морозова в Никольском и тоже был доступен для всех категорий населения при соблюдении ряда условий: надо было иметь в поручителя человека, состоявшего членом этого клуба, и быть платежеспособным, например, заплатить за прогулку в саду клуба 30 коп., а если в саду играла музыка – 50 коп. В клубе давали платные спектакли, желающих их посмотреть было так много, что, приобретая билет стоимостью 1 руб. 10 коп., зрители стояли весь спектакль [4, с. 3]. Проводились костюмированные балы-маскарады¹.

В Зуеве работал электро-театр «Модерн» И. Д. Лапичева, проводивший танцевальные вечера. Руководство театра старалось следить за этическим поведением посетителей. Синемаграфы «Империал» М. Н. Мартенсен и «Заря» Н. И. Напольнова в Зуеве приобщали местных жителей к самому современному виду искусства – кино.

Любители спорта могли наслаждаться почти профессиональной игрой футболистов орехово-зуевских команд и команд из других городов, матчи которых проводились регулярно на импровизированных площадках, а с 1914 г. на специально построенном стадионе.

Исторические факты свидетельствуют, что на территории села Орехова, местечка Никольское и села Зуева в начале XX в. имелся экономический, демографический, финансовый, культурный задел для города, шли сильные интеграционные процессы и формирование реальной городской среды. Что же препятствовало получению юридического статуса города?

На градообразующие процессы в России значительное воздействие оказывала правительственная политика. Принимаемые меры могли бы ускорить рост городов в стране во второй половине XIX в., но по факту замедляли их. Об этом свидетельствует регламентация процесса

¹ Орехово-Зуево. Факты и слухи // Богородская речь. 1911. 21 окт. С. 3.

преобразования негородских населенных пунктов в города с причислением жителей в горожане.

Этот процесс регламентировало получившее силу закона мнение Государственного совета «О порядке переименования селений в города» от 11 ноября 1863 г.² Пункты пять и шесть этого документа прописывали бюрократическую процедуру переименования населенного пункта. Прошение подавалось в губернское по крестьянским делам присутствие. Оно расследовало, т. е. тщательно изучало все обстоятельства дела, и через губернатора пересылало его в МВД. Соответственно министр должен был составить своё заключение «на основании потребностей и средств вновь учреждаемого города», убедившись, что новый город будет в состоянии исполнять существующие общественные, полицейские и судебные порядки. Через Комитет министров министр внутренних дел передавал своё решение «на высочайшее утверждение».

Многие годы и даже десятилетия уходило на ожидание положительного решения вопроса о перемене статуса села на город³. Но в случае с Орехово-Зуевым не это было причиной, тормозившей процесс приобретения городского статуса.

Не заинтересованы в преобразование в город были ореховские землевладельцы – причт церкви Рождества Пресвятой Богородицы. Вотчинники Возницыны когда-то передали Ореховской церкви огромные земельные угодья – 350 десятин (1 десятина – 1,092 га). На них из церковного погоста выросло к середине XIX в. бойкое торгово-промышленное село Орехово, где в собственных домах на церковной земле проживали члены причта.

Безбедное существование им обеспечивали не поступления от служб и требо-

² Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание второе. Т. 38: с 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года]. Отделение 2: От № 40025-40456. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1866. С. 200–201.

³ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Указ. Соч. С. 189.

исправлений, а высокая арендная плата за землю, отданную под постройку домов и устройство огородов, сборы от гостиниц и лавок в базарные дни и проценты с причтового капитала, копившегося из разных источников (от продажи строевого и дровяного леса, от продажи земли под строительство железной дороги и под промышленные нужды)

Земля – основной актив, который должен стать собственностью города при смене статуса. Крестьянское общество села Зуево, выкупившее когда-то свои земли у помещика Рюмина, почти отказалось от землевладения (только у двоих были лошади!). Это подтверждают сообщения уездной прессы 1911–1912 гг.: «В Зуеве из 120 домохозяев найдутся 2-3, которые что-нибудь сеют. У остальных земля гуляет»¹. «Главная улица села Зуева превратилась в открытый трактир... землевладельцам пьяной улицы есть более расчета выстроить лавочку, чем какой-то дом»². Зуевское общество также жило платой от сдачи домов, квартир и комнат в аренду (более трети рабочих фабрик местечка Никольское проживали в Зуеве).

Доходность от торговли, от сдачи в наем земельных площадей и жилых помещений в силу возрастающего миграционного потока работников на фабрики делала вопрос о получении селом Орехово и местечком Никольское, равно как и Зуевом, статуса города совершенно неинтересным для землевладельцев. Сельское общество и причт перестали бы быть монополистами в получении доходов. При этом подати выросли бы, так как предполагался в городах налог на содержание администрации, городское хозяйство, здравоохранение, образование, культурные нужды.

Вопрос об изменении существовавшего административного деления территорий поставили фабриканты Морозовы. К 1889 г., предположительно, относится ходатайство от Товарищества Никольской

мануфактуры об объединении села Зуева и местечка Никольского в один населённый пункт. Данная инициатива потянула за собой вопрос об административной принадлежности села Орехово и о возможном объединении всех населённых пунктов в единый со статусом города.

В 1901 г. в доме Морозова министр внутренних дел Д. С. Сипягин провел совещание по вопросу объединения территорий, на котором присутствовали представители Владимирской администрации во главе с губернатором, председателями губернского и уездного земств и фабриканты³.

Рост рабочего движения, революционные события 1905 г. отодвинули вопрос об административно-территориальной реорганизации. Однако в 1908–1915 гг. на страницах уездных газет регулярно появляются новостные сообщения (и зачастую под темой «Орехово-Зуево») с отсылками к проблеме объединения сёл и введению Городового положения.

В условиях резкой радикализации настроений рабочих и роста их политической активности (особенно в 1915–1916 гг., – нарастания экономического кризиса военного времени) Морозовых очень беспокоило отсутствие действенного полицейского надзора над фабрично-заводскими территориями. Они искали способы усиления административного контроля над рабочим населением Орехово-Зуева.

Административная разобщенность территорий затрудняла расследование совершаемых рабочими и иными лицами преступлений, так как полицейские власти московского Богородского уезда и владимирского Покровского уезда зачастую не могли быстро между собой договориться. Зачинщики многотысячных

¹ Клуб // Богородская речь. 1912. 19 фев. С. 4.

² Кабак на воле // Богородская речь. 1912. 26 фев. С. 4.

³ Оглоблин А. А. Орехово-Зуево в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции // Ученые записки. Том VIII. Историко-краеведческий сборник. Выпуск 1 / Под редакцией И. Т. Трофимова и А. А. Кайева. М.: Орехово-Зуевский педагогический институт, 1957. С. 62.

митингов и волнений на фабриках Морозовых в Никольском и Орехове спокойно уходили от ответственности в село Зуево.

К 1917 г., по свидетельству начальника Владимирского губернского жандармского управления подполковника Будаговского, 2/3 всего населения села Зуева составляли рабочие Морозовских фабрик¹. Подполковник указывал на административную разобщённость как на серьёзные препятствия для исполнения функций полиции и жандармерии, просил владимирского губернатора принять решение: «если не присоединить Зуево к Владимирской Губернии, или, наоборот, Орехово к Московской Губернии, всецело... объединить его с Ореховом хотя бы в полицейском отношении...»².

Различная административно-территориальная подчинённость сама по себе была фактором, сдерживающим объединительный процесс, так как надо было в какую-либо сторону перекроить карту административно-территориального деления двух уездов двух губерний, власти

которых не проявляли желания заниматься этой проблемой.

Заключение

Таким образом, несмотря на то, что по всем формальным показателям сёла Орехово, Зуево с близлежащими пунктами, местечко Никольское, объединённые отраслью-доминантой, обросшие иными, сопряжёнными с ней видами деятельности, с протогородской культурной средой, представляли городское пространство, там не сложилась социальная сила, воля которой преодолела бы факторы, сдерживавшие процесс перехода из «эмбриона» в настоящий город.

Начавшаяся в феврале 1917 г. трансформация политической системы создала условия получения официального статуса города для бывших сельских поселений, в том числе и Орехова-Зуева, чему будет посвящена следующая статья авторов.

Статья поступила в редакцию 26.11.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В. Н., Лизунов В. С. Моя Малая Родина. Край Орехово-Зуевский: руководство по краеведению. Орехово-Зуево, 1998. 455 с.
2. Ашихмина Е. Н. Быт жителей города Орла в середине XIX века: по страницам периодической печати // Седьмые Денисьевские чтения: материалы межрегиональной научно-практической конференции по проблемам истории, теории и практики библиотечного дела, библиотековедения, библиографоведения и книговедения, г. Орел, 28-29 октября 2010 г. Орел: ОРЛИК и К, 2011. С. 158–167.
3. Бирюкова А. А. Известное и неизвестное Орехово-Зуево. [Б. м.]: [б. и.], 2017. 225 с.
4. Брызгалин А. С. События и люди: к истории г. Орехово-Зуево (XIII–XX вв.). Орехово-Зуево; Москва: Радис-РРЛ, 2015. 451 с.
5. Город в процессах исторических переходов: теоретические аспекты и социокультурные характеристики / Отв. ред. Э. В. Сайко. М.: Наука, 2001. 392 с.
6. Груза М. Теория города / Сокр. пер. с чеш. Л. Б. Мостовой; Науч. ред. О. А. Швидковский. М.: Стройиздат, 1972. 247 с.
7. Жулева М. С. История повседневности жителей г. Кургана в 1929–1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Курган, 2004. 195 с.
8. Кошман Л. В. Русский город в XIX в.: Социокультурный аспект исследования: дис. ... докт. ист. наук. М., 2001. 360 с.
9. Лаппо Г. М. Формирование сети городов на территории России // Проблемы урбанизации на рубеже веков. Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 19–33.
10. Лизунов В. С. Орехово-Зуево: памятные места, события, люди. Орехово-Зуево: [б. и.], 2010. 504 с.

¹ Государственный архив Владимирской области, Фонд 40: Владимирское губернское правление, опись 1, ед.хр. 23070, л. 1.

² Там же. Л. 4.

11. Лопатина Н. А. История города Торжка в названиях улиц. Тверь: Лилия Принт, 2004. 95 с.
12. Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России во второй половине XIX века. М.: Наука, 1983. 269 с.
13. Рындзюнский П. Г. Правительственная регламентация горообразовательных процессов в первые пореформенные десятилетия // Русский город. Вып.6. М.: МГУ, 1983. С. 163–190.
14. Социально-демографическое развитие промышленных центров России в начале XX века (на примере сёл Орехово Покровского уезда Владимирской губернии и Зуево Богородского уезда Московской губернии). Орехово-Зуево: ГГТУ, 2017. 223 с.
15. Фридгельм Е. И. Калуга и калужане: быт и нравы жителей губернского города конца XIX – нач. XX вв. Калуга: Золотая аллея, 1998. 159 с.

REFERENCES

1. Alekseev V., Lizunov V. *Moya Malaya Rodina. Krai Orekhovo-Zuevskii: pukovodstvo po kraevedeniyu* [My Little Homeland. The region of Orekhovo-Zuyevo: a guide to local history]. Orekhovo-Zuyevo, 1998. 455 p.
2. Ashikhmina E. [The life of the inhabitants of the town of eagle in the mid-NINETEENTH century: the periodical press]. In: *Sed'mye Denis'evskie chteniya: materialy mezhrregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii po problemam istorii, teorii i praktiki bibliotechnogo dela, bibliotekovedeniya, bibliografovedeniya i knigovedeniya, g. Orel, 28-29 oktyabrya 2010 g.* [Seventh Denisevskie readings: materials of the interregional scientific-practical conference on problems of history, theory and practice of librarianship, library science, bibliography and bibliology, Orel, 28–29 October 2010]. Orel, ORLIK i K Publ., 2011, pp. 158–167.
3. Biryukova A. *Izvestnoe i neizvestnoe Orekhovo-Zuevo* [Known and unknown Orekhovo-Zuyevo], [ed. & publ. unkn.], 2017. 225 p.
4. Bryzgalin A. *Sobytiya i lyudi: k istorii g. Orekhovo-Zuevo (XIII-XX vv.)* [Events and people: the history of Orekhovo-Zuyevo (XIII-XX centuries)]. Orekhovo-Zuevo, Moscow, Radis-RRL Publ., 2015. 451 p.
5. Saiko E., ed. *Gorod v protsessakh istoricheskikh perekhodov: teoreticheskie aspekty i sotsiokul'turnye kharakteristiki* [The city is in the processes of historical transitions: theoretical aspects and socio-cultural characteristics / Ed. edited by E. V. Saiko]. Moscow, Nauka Publ., 2001. 392 p.
6. Gruza M. *Teoriya goroda. Sokr. per. s chesh. L. B. Mostovoi. Nauch. red. O. A. Shvidkovskii* [Theory of town, trans. from the Czech. L. B. Bridge, sci. ed. by O. A. Shvidkovsky]. Moscow, Stroizdat Publ., 1972. 247 p.
7. Zhuleva M. *Istoriya povsednevnosti zhitelei g. Kurgana v 1929-1941 gg.: diss. ... kand. ist. nauk* [The history of everyday life of the inhabitants of the Mound in 1929-1941 gg.: PhD Thesis in Historical sciences]. Kurgan, 2004. 195 p.
8. Koshman L. *Russkii gorod v XIX v.: Sotsiokul'turnyi aspekt issledovaniya: diss. ... dokt. ist. nauk* [Russian city in the nineteenth century: socio-cultural aspect of the study: Doc. Thesis in Historical sciences]. Moscow, 2001. 360 p.
9. Lappo G. [The formation of a network of cities in Russia]. In: *Problemy urbanizatsii na rubezhe vekov* [Problems of urbanization at the turn of the century]. Smolensk, Oikumena Publ., 2002, pp. 19–33.
10. Lizunov V. *Orekhovo-Zuevo: pamyatnye mesta, sobytiya, lyudi* [Orekhovo-Zuyevo: memorable places, events, people]. Orekhovo-Zuyevo, [no publ.], 2010. 504 p.
11. Lopatina N. *Istoriya goroda Torzhka v nazvaniyakh ulits* [The history of the city of Torzhok in the names of streets]. Tver, Liliya Print Publ., 2004. 95 p.
12. Ryndzyunskii P. *Krest'yane i gorod v kapitalisticheskoi Rossii vo vtoroi polovine XIX veka* [The peasants and the city in capitalist Russia in the second half of the XIX century]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 269 p.
13. Ryndzyunskii P. [Government regulation gradoobrazujushchih processes in the first post-reform decades]. In: *Russkii gorod. Vyp. 6* [Russian town. Iss. 6]. Moscow, MGU Publ., 1983, pp. 163–190.
14. *Sotsial'no-demograficheskoe razvitie promyshlennykh tsentrov Rossii v nachale XX veka (na primere sel Orekhovo Pokrovskogo uезда Vladimirskoi gubernii i Zuevo Bogorodskogo uезда Moskovskoi gubernii)* [The socio-demographic development of the industrial centres of Russia in the early XX century (on the example of villages of Orekhovo Pokrov district of the Vladimir province, and Moscow, Bogorodsky district, Moscow province)]. Orekhovo-Zuyevo, GGTU Publ., 2017. 223 p.

15. Fridgel'm E. *Kaluga i kaluzhane: byt i nrawy zhitelei gubernskogo goroda kontsa XIX – nach. XX vv.* [Kaluga and Kaluga: life and customs of the inhabitants of the provincial town of the late XIX – early XX centuries]. Kaluga, Zolotaya alleya Publ., 1998. 159 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бухаренкова Ольга Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и гуманитарных наук Государственного гуманитарно-технологического университета;
e-mail: buk-olga@yandex.ru

Морова Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, проректор по учебной работе Государственного гуманитарно-технологического университета;
e-mail: umr@ggtu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga U. Bukharenkova – PhD in Historical sciences, associate professor at the Department of History and Humanities, State University of Humanities and Technology;
e-mail: buk-olga@yandex.ru

Olga V. Morova – PhD in Historical sciences, vice-rector on educational work, State University of Humanities and Technology;
e-mail: buk-olga@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бухаренкова О. Ю., Морова О. В. Формирование Орехово-Зуева как городского конгломерата в контексте модернизационных процессов России начала XX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 2. С. 111–123. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-111-123

FOR CITATION

Bukharenkova O., Morova O. Formation of Orekhovo-Zuev as an urban conglomerate in the context of modernization processes in Russia at the beginning of the XX century. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 2, pp. 111–123. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-111-123

УДК 34.047

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-124-133

ПРОЕКТЫ РЕФОРМ ВЫБОРНЫХ ИНСТИТУТОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ И МЕСТНОГО СУДА В МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ О НУЖДАХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ)

Сорокин А. А.

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
603005, г. Нижний Новгород, пр-т Гагарина, д. 23, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель статьи в типологизации проектов реформ выборных институтов самоуправления и местного суда, предложенных в Московской губернии в начале XX в.

Процедура и методы исследования. Проведен анализ выступлений и записок московских общественно-политических деятелей в местных комитетах Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

Результаты проведенного исследования. Автор делает вывод, что для московского земства вопрос о реформе самоуправления и местного суда являлся одним из ключевых, при этом важным положением проектов было расширение круга лиц, имеющих избирательные права. Выделены типы предложенных проектов самоуправления: на всесословном и бессословном началах, а также учреждение мелкой земской единицы. Показаны тенденции в стремлении демократизировать выборные институты самоуправления и местного суда за счет расширения избирательных прав.

Теоретическая / практическая значимость. Выделение основных типов изучаемых проектов позволяет представить ключевые направления земской программтики в части организации земского и крестьянского самоуправления и местного суда, сформировавшиеся в начале XX в.

Ключевые слова: крестьянство, Московская губерния, волостной суд, земство, Особое Совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности

REFORM PROJECTS OF ELECTED INSTITUTIONS AND LOCAL COURTS IN THE MOSCOW PROVINCE IN THE EARLY 20TH CENTURY (ON THE MATERIALS OF A SPECIAL MEETING ON THE NEEDS OF THE AGRICULTURE INDUSTRY)

A. Sorokin

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
23 prosp. Gagarina, Nizhny Novgorod 603005, Russian Federation*

Abstract.

Aim. To distinguish the types of projects aimed at reforming the elected institutions of self-government and local courts, which were proposed in the Moscow province in the early twentieth century.

Methodology. An analysis of the speeches and notes of Moscow public and political figures presented to local committees at a special meeting on the needs of the agriculture industry was carried out.

Results. The author concludes that, for the Moscow Zemstvo, the question of self-government and local court reforms was one of the key problems. At the same time, an important point of the projects was to expand the circle of people who had electoral rights. The following types of the proposed projects of self-government were distinguished: on an all-estate and classless basis, as well as small Zemstvo units. Trends towards democratization of the elected institutions of self-government and local courts by expanding electoral rights were identified.

Research implications. The identification of the main types of projects under study allowed the authors to present the key directions of Zemstvo projects in terms of organizing the Zemstvo and peasant self-government along with the local courts, which were formed at the beginning of the 20th century.

Keywords: elections, volost court, Zemstvo, peasantry, small Zemstvo unit, Moscow province, Special Meeting on the needs of agricultural industry

Введение

Вопросы реформирования выборных институтов местного управления и местного суда неоднократно становились предметом изучения целого ряда как отечественных, так и зарубежных исследователей. В их трудах, в частности, показаны особенности проведения преобразований в области городского и земского самоуправления [3; 6; 16], местного суда [10]; специфика избирательных кампаний в эти институты [2]; основные программные требования земской либеральной общественности в части организации выборных институтов самоуправления и местного суда [1; 4].

Вместе с тем к настоящему времени в историографии не показаны основные типы предлагавшихся проектов реформ выборных институтов самоуправления и местного суда. Решение этого вопроса и является целью данного исследования. В качестве источниковой базы выступают материалы заседаний уездных и губернского комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, образованных в Московской губернии. Задачами исследования являются типологизация проектов реформ организации земского представительства, выявление отношения к вопросу об избирательных правах для женщин в этих проектах, выявление основных подходов к вопросам реформирования крестьянского самоуправления и местного суда. Выделение основных типов изуча-

емых проектов позволяет представить ключевые направления земской программы в части организации земского и крестьянского самоуправления и местного суда, сформировавшиеся в начале XX в.

Функционировавшее в 1902–1905 гг. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности было одним из центров обсуждения проблем не только сельского хозяйства и экономики, но и местного самоуправления [15, с. 146–147]. В Московской губернии в состав местных комитетов вошло значительное количество земских деятелей, для которых вопросы о реформе представительных органов земского самоуправления приобретали важное значение. Для многих либеральных деятелей вопрос совершенствования организации местного самоуправления представлялся необходимым условием перехода к конституционному государству [9, с. 42]. Отметим, что в связи с такой подоплекой обсуждение этих вопросов не всегда санкционировалось на заседаниях местных комитетов их председателями. Так, председатель Верейского уездного комитета уездный предводитель дворянства А. К. Шлиппе «не нашел нужным допустить к обсуждению» представленный на рассмотрение комитета доклад земской управы по ряду вопросов, включая правовое положение крестьян и представительство земств [11, с. 154]. На заседании Московского губернского комитета 19 февраля 1903 г.

председатель губернской земской управы Д. Н. Шипов и еще 14 членов комитета заявили о выходе из его состава, сочтя дальнейшую свою работу «непроизводительной и бесполезной» по причине отказа в рассмотрении по существу вопросов о правовом положении крестьян и реорганизации земских учреждений [11, с. 6]. Сам Шипов считал, что право представительства в выборных земских органах должно быть у всех плательщиков местных сборов [12, с. 35].

Реформа земства

Для большинства земских деятелей порядок, при котором крестьяне имели неравные с другими сословиями права при выборах в земские собрания (согласно Положению о земских учреждениях 1890 г., на волостных сходах от сельских обществ избирались кандидаты, из числа которых губернатор утверждал гласных), становился объектом критики¹ [8, с. 22]. Сама незавершенность земской реформы, по мнению исследователей, являлась фактором, сдерживающим развитие самоуправления [4, с. 11]. В связи с этим председатель Вере́йской земской управы Н. М. Андреев в своем заявлении отмечал, что земское представительство должно быть более полным, причем следует отказаться от сословного начала при выборах в земские учреждения [11, с. 163]. Член Дмитровского уездного комитета Н. А. Грушка также негативно оценил норму, согласно которой земским собраниям было запрещено избирать на должности председателей земских управ лиц, не имевших права на занятие должностей государственной службы [11, с. 237].

Либерально настроенные представители московского земства добивались такой системы выборов в земские учреждения, при которой «наиболее полно и правильно было бы обеспечено участие в земских собраниях представителей всего населения данной местности» [11, с. 41;

¹ Волгарь. 1900. 10 февр.

7, с. 157]. Представительство крестьян в земстве было незначительным: от 166 волостей Московской губернии в земских собраниях было лишь 106 гласных (и это притом, что в некоторых волостях имелись только крестьянские владения) [11, с. 41]. В. А. Маклаков в Звенигородском уездном комитете в связи с этим поднимал вопрос о необходимости более равномерного представительства всех землевладельцев в земских собраниях [11, с. 280]. Об этом в докладе Рузскому комитету сообщал и волостной старшина С. К. Федотов, отмечавший, что «в настоящее время гласных от крестьян, кои знают нужды деревни, слишком мало» [11, с. 556].

В Волоколамском уездном комитете отмечалось, что всесословность земства в настоящее время имеет лишь номинальный характер, «фактически же оно всецело отдано в руки одного сословия – дворянства»; подобное положение вещей стало со временем иметь негативную оценку: «Крестьянство прошло хотя и элементарную, но, во всяком случае, продолжительную школу самоуправления». В этой связи предлагалось реорганизовать порядок выборов в земства, взяв за основу не сословную принадлежность, а имущественное участие плательщиков повинностей, что должно было превратить земство из социально-политического союза в союз хозяйственный [11, с. 200].

Многие представители либеральной общественности предлагали проведение выборов в земские учреждения на принципах бессословности [8, с. 166]. Однако одна бессословность признавалась недостаточной мерой («участие в работе земских учреждений, пока их деятельность будет распространяться на целый уезд, всегда будет составлять привилегию лишь немногих личностей»), в связи с чем вставал вопрос о необходимости учреждения мелкой земской единицы как органов самоуправления [11, с. 42–43]. На это возражал Ф. Д. Самарин. Не отри-

чая указанных земцами-либералами недостатков существовавшего порядка выборов в земские учреждения, он полагал, что «из этого вовсе еще не следует, что остается только вернуться к тем принципам, которые проведены были в прежнем земском положении» [11, с. 68].

Дмитровский уездный комитет в своем решении выступил за изменение системы представительства в земских собраниях: предлагалось включать в состав уездных земств по одному крестьянину от каждой волости, «представителей от всех прочих землевладельцев без различия сословий» и представителей от городов [11, с. 116]. Таким образом, земство должно было приобрести бессословный характер. Придания ему такого положения в своем решении требовал и Рузский комитет [11, с. 116]. Напротив, Звенигородский комитет предлагал сделать земские учреждения сословными, т.е. организовать представительство всех сословий в земстве [11, с. 116].

Учреждение мелких земских единиц

Наряду с изменением порядка выборов в земские собрания некоторые комитеты предложили учредить и мелкие земские единицы. В различных проектах они носили как бессословный, так и сословный характер [5, с. 30]. Земский агроном Л. Ю. Брюн в своей записке Серпуховскому комитету отмечал, что «привлечение интеллигенции, не имеющей имущественного ценза, к числу земских плательщиков ... и образование с тем новой, более мелкой, чем уезд, земской единицы, объединяющей все сословия в общей работе и избирающей из своей среды должностных лиц, оказало бы громадную услугу поднятию культурного уровня сельского населения». За счет организации мелкой земской единицы, по мнению автора записки, при условии упразднения принципа сословности в земстве было бы достигнуто более равномерное представительство интересов населения в земских собраниях [11, с. 651].

Подольский гласный В. В. Пржевальский видел во всеобщей мелкой земской единице замену для самоуправления «узкосословной крестьянской волости». По его мнению, участие в ней крестьян должно было подготовить их к земской деятельности в губернских и уездных собраниях [11, с. 473]. Коломенский комитет в своем решении придавал мелким земским единицам бессословный характер [11, с. 117]. Рузский комитет предлагал их учреждения в рамках организации всеобщей волости [11, с. 117]. Наиболее полно проект учреждения мелкой земской единицы был отражен в решении Звенигородского (Звенигородский комитет, в свою очередь, принял проект уездного земского собрания) и Клинского комитетов, совпадавших почти дословно.

Согласно этому проекту она имела всеобщий характер и встраивалась в систему земских учреждений. Организационно она состояла из собрания и избираемого им и подотчетного ему исполнительного органа. Организацию собрания предлагалось осуществлять по смешанной системе (по выборам и без). Без выборов в состав собрания входили все лица, имевшие имущественный ценз, необходимый для участия в уездных избирательных собраниях (им предлагалось также дать право делегировать участие в собрании своим арендаторам и управляющим). Все остальные владельцы собственности независимо от сословной принадлежности избирали из своей среды такое количество гласных, которое было равно сумме их имущественных цензов (но не менее трех человек). Также крестьянскими обществами в состав собрания избиралось по одному представителю от каждого селения. В состав собрания должен был входить и представитель духовного ведомства в лице приходского священника. Председатель собрания избирался членами собрания из своей среды. Исполнительный орган избирался собранием (председатель собрания не мог одновременно являться исполнительным органом), при этом Зве-

нигородский комитет проектировал его как единоличный (с возможностью избрания помощников), а Клинский комитет – как коллегиальный. Мелкие земские единицы должны были иметь своих выборных представителей в уездных земских собраниях [11, с. 117–118].

В Клинском комитете в связи с этим была дискуссия о порядке формирования уездных земств после учреждения мелких земских единиц. Одна часть членов выступала за то, чтобы уездное земское собрание состояло только из выборных от мелких земских единиц, а другая – чтобы такие выборные составляли лишь половину гласных уездного земства (вторая половина избиралась бы, таким образом, от всего уезда) [11, с. 381]. Каждая из сторон аргументировала свою точку зрения. Так, М. А. Воронков считал, что гласные уездных земств, выбранные только от мелких земских единиц, «будут лучше подготовлены». Председатель уездной земской управы А. А. Аверкиев, напротив, полагал, что «кругозор уезда шире кругозора мелкой единицы, где большинство могут быть только крестьяне» [11, с. 382]. В итоге было принято решение осуществлять выборы в уездные земские собрания мелкими земскими единицами.

Еще одним предметом дискуссии стал вопрос об избирательных правах для женщин. А. А. Аверкиев заявил, что стоит «держаться существующего порядка», поскольку пришлось бы тогда представить им такие права и при выборах в уездные и губернские земские собрания. Его поддерживал землевладелец Ф. Г. Хаджи-Маркаров («место женщины у домашнего очага, а не в общественных делах»). Напротив, член общества сельского хозяйства А. В. Филатова приводила опыт Германии и США, которые отказались «от этого консервативного взгляда». В результате было принято решение о предоставлении женщинам избирательных прав при выборах в представительные органы мелкой земской единицы [11, с. 381].

Вместе с тем были не только сторонники, но и противники реформ земства. Так, Подольский комитет отклонил предложения и введения мелкой земской единицы, и реформы представительства в земских собраниях, предусматривавшей увеличение представительства от крестьян [11, с. 479]. Редакционная комиссия губернского комитета, обсудив заключение уездных комитетов, с перевесом в один голос (три против двух) сочла, что необходимо учреждение мелких земских единиц как «общественных органов земского самоуправления», которые сблизили бы деревню и земство и поспособствовали бы решению местных проблем [11, с. 14]. Губернский комитет поддержал предложение редакционной комиссии и в целом высказался за введение мелкой земской единицы, однако постановил, что «ввиду того, что вопрос о мелкой земской единице не может быть правильно разрешен исключительно с точки зрения нужд сельскохозяйственной промышленности, не входить в подробное рассмотрение этого вопроса» [11, с. 14].

Реформа крестьянского самоуправления

Помимо земских органов, в отдельных комитетах предметом обсуждения становился и порядок формирования органов крестьянского самоуправления. Уездным исправником Н. А. Зверевым в Верецкий комитет была подана записка, в которой он, помимо прочего, упрекал волостных старшин и сельских старост в бездействии при участившихся случаях краж фруктов и прочего. В этой связи им предлагалось допустить присутствие земских начальников на выборах и дать ему право «утверждать только тех, кого признает достойным, а не по простому большинству голосов». Утверждение это должно было санкционироваться уездным съездом («где разные административные власти ... беспристрастно могут осветить избранную личность в его достоинствах...»), а служба должна была

приобрести не срочный характер, а до выхода в отставку или увольнения земским начальником (для старост) или уездным съездом (для старшин) [11, с. 169].

Крестьянин П. И. Разаренов предложил ограничить срок полномочий волостных старшин тремя годами без права переизбрания. Предложение было отвергнуто комитетом, поскольку подобного рода ограничения не были предусмотрены законодательством в отношении других выборных должностей [11, с. 281]. Кроме того, в своей записке, поданной в Звенигородский комитет, он отмечал «вредное вмешательство» земских начальников в саму процедуру выборов волостных старшин: «Выборы должны быть совершенно свободны и без всякого вмешательства властей» [11, с. 314].

Волостной старшина Н. Мочанов в своем докладе Рузскому комитету предлагал также реорганизовать волостные сходы и избирать их «со 100 душ человек». Также им предлагалось отменить срочность службы волостных старшин: «Избрание волостного старшины было бы один раз на всю его службу до тех пор, покуда уволит его начальство» [11, с. 555].

Реформа местного суда

Что касается проблемы реорганизации суда, то необходимо отметить, что в первую очередь критиковался волостной суд и порядок его формирования [14, с. 35]. На заседании комиссии по правовым вопросам, образованной в составе Клинского комитета, волостные суды были подвергнуты критике («надо стыдиться того, что в них происходит»), их было предложено упразднить и заменить выборным мировым судом [11, с. 378]. Член комиссии Н. С. Пантелеев особо отметил, что среди судей немало неграмотных лиц, что влечет за собой плачевные последствия: «При таких условиях роль волостного писаря обрисовывается рельефно. Глубоко заблуждение, что у крестьян есть местный обычай. Обыкновенно его создают при помощи ведра вина».

В этой связи выход им виделся в упразднении сословного суда с заменой выборным мировым институтом, в котором «не было бы смешения власти судебной с административной». Эта точка зрения разделялась не всеми: гласный уездного земства Д. М. Чернышев полагал, что состав волостного суда «весьма хорош» и его следовало бы сохранить [11, с. 408].

Дебаты в отношении волостного суда были и в Рузском комитете. Проекты замены волостных судов поуездными (волостной старшина Н. Мочанов предлагал выбирать по три судьи и кандидата на уезд, которые бы «ездили по всему уезду и судили в каждой волости по расписанию начальства» [11, с. 555]) или общими сословными судами (проект управляющего именем П. И. Иванова предусматривал создание совестного суда с участием присяжных заседателей из двух инстанций: волостной в составе четырех судей с председателем во главе, избираемых из всех землевладельцев, и съезда сословных судей совести из 10 человек, по два от каждого сословия во главе с избираемым всем уездом председателем [11, с. 595–596]) профильной комиссией в составе комитета были отвергнуты. При этом предлагалось, сохраняя волостной суд, существенно сузить его компетенцию. Крестьянин В. Н. Никитин, имевший опыт службы председателем волостного суда, пытался доказать, что все дела в суде вершит писарь. Остальные члены комитета отмечали, что достоинством суда является выборный его характер, но были готовы голосовать за его упразднение при условии замены институтом выборного мирового суда [11, с. 508].

Как отмечалось в поданной земцами в губернский комитет записке, на выборы судей оказывалось существенное давление со стороны земских начальников [11, с. 22]. Эта точка зрения отвергалась Ф. Д. Самариним, который утверждал, что волостной суд дешевле и проще для крестьян [11, с. 57–58]. Кроме того, он считал, что предложения крити-

ков волостной юстиции неконструктивны, поскольку взамен они предлагают «оградить права крестьян правильной формой суда», что, по его мнению, «не указывает того пути, следуя которому, можно бы найти исход из нынешнего положения дела» [11, с. 66].

При обсуждении вопроса о реформе волостного суда в Дмитровском комитете Ф. П. Козыревым было выдвинуто предложение осуществлять выборы судей из числа всех жителей волости (т. е. сделать суд всесословным). Это предложение нашло как сторонников, так и противников. Большинство голосов оно было отвергнуто: Ф. И. Тютчев возражал, что «участие интеллигенции отнимает у волостных судов их характер как судов чисто крестьянских, судящих “по обычаю”, лучше и ближе знакомых крестьянам, чем лицам других сословий» [11, с. 235]. Помимо этого, Тютчев в своей записке, поданной в комитет, утверждал, что необходимо сохранить существующий порядок выборов волостных судей (сельские общества избирают кандидатов, из числа которых половина утверждается земским начальником в должности судей), поскольку при таких условиях в судьи будут утверждать «людей грамотных, более развитых и в нравственном отношении благонадежных» [11, с. 239–240].

Для крестьянства большое значение приобретал выборный характер судебных должностей и знакомство судей с местной жизнью. В этой связи критике подвергался институт земских начальников: «Назначают из людей, мало знающих крестьянскую жизнь и в то же время получающих огромную власть над крестьянской жизнью» [11, с. 314]. О том, что земские начальники нередко «назначаемы не из местных землевладельцев, а из лиц совершенно чуждых данной местности, без всякой связи с нею», упоминал в своей записке, поданной в Подольский уездный комитет земский гласный В. В. Пржевальский. В этой связи им предлагалось судебные полномочия земских начальни-

ков передать мировым судьям, которые избирались бы земскими собраниями, поскольку только такая мера, с его точки зрения, позволила бы обеспечить судебскую независимость и несменяемость. Вместе с тем он допускал сохранение волостной юстиции при условии ее реформы, при этом особое внимание уделялась кандидатам на должности председателей волостных судов: желая видеть их из «интеллигентных лиц», он допускал замену их избрания назначением [11, с. 472–473]. Подольский комитет, рассмотрев записку, после ее обсуждения большинством голосов отверг предлагаемые в ней изменения системы местного суда [11, с. 478].

Звенигородский землевладелец И. М. Глаголев подверг критике волостной суд («не может знать обычного права всех селений своей волости, а это дает возможность заправилам волостного суда подводить в решениях обычное право не действительное, а лишь соответствующее их желанию») и предложил все решаемые им на основе обычного права дела передать в ведение сельских сходов [11, с. 359].

Отдельные комитеты идеалом организации местного суда видели мировую юстицию. Так, за восстановление выборного мирового суда высказались Рузский и Клинский уездные комитеты [11, с. 109, 114]. Заменить волостной суд единоличными судьями, «находящимися в неразрывной связи со всеми судебными учреждениями», постановил Коломенский комитет [11, с. 113–114].

Дмитровский комитет высказался за сохранение волостной юстиции, но при условии изменения системы выборов волостных судей: предлагалось устранить порядок, при котором из числа избранных кандидатов земским начальником половина утверждалась в должности судьи, и избирать судей на волостных сходах из числа выбранных от сельских обществ кандидатов (а выборы председателей волостных судов осуществлять самими судьями из своей среды) [11, с. 109, 113].

Также Дмитровским комитетом было предложено ввести выборное начало для замещения должностей земских участковых начальников, поскольку в назначении министром внутренних дел было усмотрено стеснение независимости их как судей. Утверждение избрания предлагалось возложить на Сенат, а сменять исключительно по суду [11, с. 113].

Заключение

Таким образом, на примере проектов, выдвинутых в Московской губернии, можно отметить, что вопрос о реформе выборных институтов самоуправления и местного суда являлся одним из наиболее актуальных в начале XX в. При этом наиболее дискуссионными оставались вопросы о порядке реорганизации выборного начала при формировании представительных органов земства (вопрос о всесловном или бессловном характере, избирательные права женщин, вопрос об имущественном цензе). Предложенные проекты реформ земского самоуправления должны были способствовать более широкому участию населения

в решении насущных хозяйственно-экономических вопросов за счет изменения применявшейся системы имущественного и иных цензов; связать волость и уезд путем формирования мелкой земской единицы со своим аппаратом самоуправления; оградить земское самоуправление от влияния губернских властей.

В отношении реформы крестьянского самоуправления были предложены диаметрально противоположные проекты (расширить права земских начальников в отношении должностных лиц крестьянского управления либо наоборот, полностью освободить крестьян от административной опеки). Вопрос о реформе местного суда также являлся одним из ключевых, и здесь для большинства земских деятелей идеалом являлся институт выборной мировой юстиции образца 1864 г., в то время как для многих крестьян было важно сохранить не лишенный недостатков, но избравшийся именно из их среды волостной суд.

Статья поступила в редакцию 14.02.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Берендеев В. А., Николаев Д. А. Инициативы нижегородских земских деятелей по модернизации законодательства о земстве в начале XX в. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 5-1. С. 103–106.
2. Галкин П. В. Земские избирательные кампании и административный надзор на рубеже XIX–XX веков (по материалам Московской губернии) // Государственное управление (Электронный вестник). 2011. № 29. С. 20.
3. Галкин П. В. Местное самоуправление в Московской губернии и государственная власть, 1864–1917 гг. М.: Гл, архивное упр. Москвы, 2012. 448 с.
4. Гусман Л. Ю. «Фундамент земства». Дискуссии о всесловной волости в русской публицистике 2-й половины XIX – начала XX вв. // Научная сессия ГУАП. Сборник докладов. Ч. III. Гуманитарные науки. СПб.: СПб. гос. ун-т аэрокосмического приборостроения, 2015. С. 11–17.
5. Коновалова М. А. Мелкая земская единица в трудах членов юридических обществ в дореволюционной России // Современное общество и право. 2014. № 3(16). С. 30–34.
6. Михеев Д. С. История образования и развития местного самоуправления (земств) в России в период середины XIX – начала XX вв. // Научный форум: юриспруденция, история, социология, политология и философия: Сборник статей по материалам XIII международной научно-практической конференции. М.: МЦНО, 2017. С. 132–137.
7. Мякотин В. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1903. № 1. С. 139–167.
8. Пирумова Н. М. Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX века. М.: Наука, 1977. 288 с.
9. Попова А. В. Вопросы реформирования местного самоуправления в российской неолиберальной политико-правовой доктрине начала XX века // Журнал российского права. 2016. № 2 (230). С. 39–46.

10. Сорокин А. А. Вопрос о реформе местного суда Российской империи: власть и общество (1889–1912 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2017. 262 с.
11. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXIII. Московская губерния. СПб.: тип. Народная польза, 1903. 696 с.
12. Шелохаев С. В. Д. Н. Шипов: личность и общественно-политическая деятельность. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 339 с.
13. Шидловский С. И. Земство. СПб.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1904. 126 с.
14. Щедрина Ю. В. Дискуссии о судьбе волостного суда в ходе работы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 4 (32). С. 32–43.
15. Щербакова И. К. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности и редакционная комиссия Министерства внутренних дел как альтернативные центры обсуждения крестьянского вопроса в начале XX века: 1902–1905 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 282 с.
16. Pearson T. S. *Russian Officialdom in Crisis: Autocracy and Local Self-Government. 1861–1900.* N.-Y.: Cambridge University Press, 2007. 304 p.

REFERENCES

1. Berendeev V., Nikolayev D. [Initiatives of Nizhny Novgorod Zemstvo leaders to modernize legislation on Zemstvo in the early twentieth century]. In: *Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk* [Actual problems of Humanities and natural Sciences], 2016, no. 5–1, pp. 103–106.
2. Galkin P. [Zemstvo election campaigns and administrative supervision at the turn of the XIX–XX centuries (based on the materials of the Moscow province)]. In: *Gosudarstvennoye upravleniye (Elektronnyy vestnik)* [State administration. Electronic Bulletin], 2011, no. 29, pp. 20.
3. Galkin P. *Mestnoye samoupravleniye v Moskovskoy gubernii i gosudarstvennaya vlast', 1864–1917 gg.* [Local self-government in the Moscow province and state power. 1864–1917]. Moscow, Gl. arkhivnoye upr. Moskvyy Publ., 2012. 448 p.
4. Gusman L. [«The Foundation of the Zemstvo». Discussions about the all-Russian parish in Russian journalism of the 2nd half of the XIX – early XX centuries]. In: *Nauchnaya sessiya GUAP. Sbornik dokladov. Ch. III. Gumanitarnyye nauki* [Scientific session of the GUAP. Collection of reports. Part III. Humanities]. St-Petersburg, SPb. gos. un-t aerokosmicheskogo priborostroyeniya Publ., 2015, pp. 11–17.
5. Konovalova M. [Small Zemstvo unit in the works of members of legal societies in pre-revolutionary Russia]. In: *Sovremennoye obshchestvo i pravo* [Modern society and law], 2014, no. 3(16), pp. 30–34.
6. Mikheev D. [History of education and development of local self-government (Zemstvos) in Russia during the mid XIX – early XX centuries]. In: *Nauchnyy forum: yurisprudentsiya, istoriya, sotsiologiya, politologiya i filosofiya: Sbornik statey po materialam XIII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Scientific forum: jurisprudence, history, sociology, political science and philosophy: Scientific papers based on the materials of the XIII international scientific and practical conference]. Moscow, MTSNO Publ., 2017, pp. 132–137.
7. Myakotin V. [Chronicle of inner life]. In: *Russian wealth* [Russian wealth], 1903, no. 1, pp. 139–167.
8. Pirumova N. *Zemskoye liberal'noye dvizheniye: Sotsial'nyye korni i evolyutsiya do nachala XX veka* [The Zemstvo liberal movement: its social base and evolution to the beginning of the twentieth century]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 288 p.
9. Popova A. [Problems of local self-government reform in the Russian neoliberal political and legal doctrine of the beginning of the XX century]. In: *Journal of Russian Law* [Journal of Russian law], 2016, no. 2 (230), pp. 39–46.
10. Sorokin A. *Vopros o reforme mestnogo suda Rossiyskoy imperii: vlast' i obshchestvo (1889–1912 gg.): diss. ... kand. ist. nauk* [The problem of the reform of the local court of the Russian Empire: power and society (1889–1912): PhD Thesis in Hist. sciences]. Nizhny Novgorod, 2017. 262 p.
11. *Trudy mestnykh komitetov o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti. T. XXIII. Moskovskaya guberniya* [Proceedings of local committees on the needs of the agricultural industry. Vol. XXIII. Moscow province]. St-Petersburg, tip. Narodnaya pol'za Publ., 1903. 696 p.
12. Shelokhaev S. D. N. *Shipov: personality and socio-political activity* [D. N. Shipov: personality and socio-political activity]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 339 p.

13. Shidlovsky S. *Zemstvo*. St-Petersburg, tip. V. F. Kirshbauma Publ., 1904. 126 p.
14. Shchedrina Y. [Discussions about the fate of the volost court in the course of a Special meeting on the needs of the agricultural industry]. In: *Uchenyye zapiski: elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes: electronic scientific journal of the Kursk State University], 2014, no. 4 (32), pp. 32–43.
15. Shcherbakova I. *Osoboye soveshchaniye o nuzhdakh sel'skokhozyaystvennoy promyshlennosti i redaktionnaya komissiya Ministerstva vnutrennikh del kak al'ternativnyye tsentry obsuzhdeniya krest'yanskogo voprosa v nachale XX veka: 1902–1905 gg.: dis. ... kand. Ist.nauk* [Special meeting on the needs of the agricultural industry and the editorial Committee of the Ministry of internal Affairs as alternative centers of discussion of the peasant question at the beginning of the XX century: 1902–1905: PhD Thesis in Hist. sciences]. Moscow, 2003. 282 p.
16. Pearson T. *Russian Officialdom in Crisis: Autocracy and Local Self-Government. 1861–1900*. Cambridge, 2007. 304 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сорокин Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского;
e-mail: skaliger1989@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander A. Sorokin – PhD in Historical sciences, lector at the Department of Foreign Regional Studies and Local History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;
e-mail: skaliger1989@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сорокин А. А. Проекты реформ выборных институтов самоуправления и местного суда в Московской губернии в начале XX в. (по материалам особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 2. С. 124–133.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-124-133

FOR CITATION

Sorokin A. Reform projects of elected institutions and of the local court in Moscow province in the early 20th century (on materials of the special meeting on needs of agricultural industry). In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 2, pp. 124–133.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-124-133

УДК 358.4

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-134-144

ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ, ПОВЛИЯВШИЕ НА СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ КРАСНОЙ АРМИИ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

Солодилов А. В., Бруз В. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация.

Цель статьи состоит в выявлении объективных факторов (политических, экономических, внешнеполитических и др.), повлиявших на состояние и развитие Красной Армии накануне Великой Отечественной войны.

Процедура и методы исследования. Рассмотрены подходы исследователей к вопросу о целях подготовки СССР к предстоящей войне и принятии в связи с этим важнейших политических, экономических, организационно-управленческих решений, повлиявших на боеспособность Красной Армии; причины, вызывавшие сложность укрепления Красной Армии в данный исторический период вследствие экономического рывка и политических репрессий. Главным общенаучным методом был диалектический метод. Среди специальных исторических методов исследования применялись сравнительно-исторический метод, метод периодизации, хронологический, проблемно-хронологический, актуализации, а также методы конкретного и логического анализ, историко-системный метод и некоторые другие.

Результаты проведенного исследования. Выявлено содержание основных политических, экономических и внешнеполитических факторов, оказавших влияние на состояние Красной Армии перед началом Великой Отечественной войны.

Теоретическая/практическая значимость. Результаты исследования позволяют объективно оценить состояние Красной Армии накануне Великой Отечественной войны, роль различных факторов, оказывавших на нее влияние. Сделаны выводы о необходимости творческого использования опыта прошлого в решении задач, поставленных сегодня перед обществом, личным составом армии и флота.

Ключевые слова: советское руководство, стратегическое мышление, СССР (до Великой Отечественной войны), Красная Армия, оборонная промышленность

OBJECTIVE FACTORS AFFECTING THE STATE AND DEVELOPMENT OF THE RED ARMY IN THE PREWAR YEARS

A. Solodilov, V. Brooz

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

Aim. To identify the objective factors (political, economic, foreign policy, etc.) that affected the state and development of the Red Army on the eve of the Great Patriotic War.

Methodology. The article considers established approaches to the goals of preparing the USSR for the upcoming war and making the most important political, economic, organizational and manage-

rial decisions that affected the combat capability of the Red Army. The reasons for the complexity of strengthening the Red Army in this historical period as a result of the economic spurt and political repression are considered. When conducting the research, the dialectical method was used as the main scientific method. Among the special historical research methods, we used the comparative-historical method, the method of periodization, the chronological and problem-chronological methods, actualization, as well as the methods of specific and logical analysis, the historical-system method, and some others.

Results. In the course of the work, the content of the main political, economic and foreign policy factors that influenced the state of the Red Army before the beginning of the Great Patriotic War was clarified.

Research implications. The results of the study offer an objective assessment of the state of the Red Army on the eve of the Great Patriotic War and the role of various external factors. Conclusions are drawn about the need for creative use of the experience of the past in solving the tasks set today for society, as well as for Army and Navy personnel.

Keywords: Soviet leadership, political, economic decisions, strategic thinking, Red Army

Введение

Три четверти века отделяют нас от окончания Великой Отечественной войны. За это время геополитический облик мира претерпел серьезные изменения. Перестал существовать Советский Союз, внесший решающий вклад в Победу над гитлеровской Германией.

Дети, внуки и правнуки – наследники советского народа-победителя – теперь граждане независимых государств. Россия, став правопреемницей СССР, стремится сохранить память о героическом прошлом нашего, некогда общего Отечества. Однако сегодня, в силу ряда политических причин руководители некоторые бывших республик Советского Союза предпринимают попытки пересмотра и прямой фальсификации истории Великой Отечественной войны, стремятся отречься от нашего общего прошлого. Отказываются от участия в совместных мероприятиях, посвященных 75-летию Победы. По мнению Президента РФ В. В. Путина, «это будет означать, что они не проявляют должного уважения к тем людям, которые боролись и отдали свою жизнь за независимость их собственной родины...»¹.

К сожалению, в ряде стран предпринимаются попытки стереть из памяти народов героические подвиги советско-

го народа, внесшего решающий вклад в Победу. Сносятся памятники советским воинам, оскверняются мемориалы. Об этом говорил на саммите лидеров стран СНГ в Санкт-Петербурге Президент РФ В. В. Путин. Российский лидер показал архивные документы о начале Второй мировой войны, которые проливают истинный свет на расклад сил и отношения в Европе. «Мы наследники Советского Союза», – напомнил российский Президент и зачитал строки из резолюции Европарламента о том, что пакт Молотова-Риббентропа поделил Европу между двумя тоталитарными режимами и проложил дорогу к началу Второй мировой войны. И теперь они требуют от России прекратить усилия по «пропаганде искажения исторических фактов»².

Поэтому актуальность данной темы в том, что, во-первых, многие исследователи, в том числе проживающие на территориях постсоветского пространства, перечеркивают все достижения СССР, пытаются фальсифицировать истинные причины Второй мировой войны, показать, что якобы наша страна вместе с гитлеровской Германией и ее союзниками была готова развязать военные конфликты и для этого создавала сильные армию и флот, поднимала экономику.

¹ Парламентская газета. 2019. № 46 (2912). 20–26 дек. С. 5.

² Это все что-то очень напоминает // Российская газета. 2919. 20 дек.

Во-вторых, в условиях растущих вызовов и угроз современной России крайне важно сделать экономический рывок, провести технологическую модернизацию, и необходимо изучить все причины, способствовавшие небывалому росту экономики в советский период.

В-третьих, предвоенная ситуация представляют большой интерес для широкой российской общественности, в том числе и в опыте воспитания гражданственности и патриотизма в современной России.

В отечественной историографии немало работ, посвященных исследованию политических, экономических, внешнеполитических и других факторов, повлиявших на состояние Красной Армии накануне Великой Отечественной войны. Особенности подготовки к войне подробно отражены в книге «Великая Отечественная война 1941–1945 годов»¹, в трудах Л. Л. Батехина, И. М. Майского, В. М. Зарецкого, В. Е. Зенкова, А. С. Яковлева [6; 10; 12; 15; 29] и др. В книге В. Э. Багдасаряна рассматриваются наиболее распространенные антироссийские исторические мифы, в том числе касающиеся рассматриваемой в данной статье темы [1]. В работе В. В. Бруза анализируется либеральная концепция Второй мировой войны и ее значение для современной России [2].

В трудах К. Б. Виноградова [4], В. Л. Малькова [24], Г. Н. Реутова [23] и др., представлены обзоры исследований англо-американских авторов по освещаемой проблеме. Анализ предистории войны с позиций западногерманской точки зрения нашел отражение в работах Е. Н. Кулькова [16], им же представлен сопоставительный анализ зарубежной историографии. Фундаментальные исследования принадлежат британскому историку П. Финни [32–35]. Автор провел сравнительный анализ исследования традиций предистории Второй мировой

войны в нашей стране и некоторых зарубежных государствах. Краткая характеристика отечественной историографии конца 80-х гг. прошлого столетия представлена в работе С. А. Гвоздева [7]. В исследованиях М. В. Коваля [30], М. Ю. Мухина [17], О. А. Ржешевского² и А. О. Чубарьяна [27] освещены отдельные специфические направления предистории Великой Отечественной войны.

Особенности советско-германских отношений выявляются в работах Б. Питетров-Энкер [20], Г. А. Якобсена [28] и др. К сожалению, украинские авторы М. В. Коваль [30], А. Ф. Трубайчук [25], В. В. Стецкевич [31] советско-германские отношения накануне войны рассматривают не с научных позиций, а исходя из политических интересов нынешнего руководства Украины.

Экономический фактор

Накануне войны в СССР принимались важные решения в соответствии с многими факторами – социально-политическими, экономическими, военно-техническими, географическими, международными и др., – в дальнейшем «в условиях войны» эти факторы «приобрели новое содержание и воздействие их стало более глубоким» [9, с. 419].

Исторически важными были решения, принятые еще в 1925 г. на XIV съезде ВКП(б), где подчеркивалось, что необходимо бороться за экономическую самостоятельность. Тогда же И. В. Сталин утверждал, что, развивая экономику, необходимо опираться на внутренние возможности, внутренний рынок [11, с. 48]. В соответствии с этим уже в 1925 г. советское руководство приняло решение об отказе от закупок иностранной авиационной техники.

Так, например, в ходе реализации политики опоры на собственные силы, в период 1925–1940 г. в войска поступили но-

¹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. / Изд. доп. и испр. М.: Кучково поле, 2015

² См.: Ржешевский О. А. Мы избежали войны на 2 фронта (интервьюер А. Бондаренко) // Красная звезда. 2000. 21 июня. С. 4.

вые летательные аппараты: истребители И-2 (выпущено более 200 шт.) [6, с. 63]; И-3 (1929 г. – 399 шт.); И-4 (1929 г. – 370 шт.); И-5 (1932 г. – 803 шт.) [6, с. 41, 74]; И-14 (1934 г. – около 50 шт.); И-15 (1934 г. – 384 шт. [15, с. 33]); И-16, ставший самым массовым истребителем советских ВВС (1934 г., – всего же было произведено 10 292 самолета); ИП-1(1934 г. – 90 шт.); ДИ-6 (1936 г. – 222 шт.); И-15бис (1937 г. – 2 408 шт.); И-153 (1939 г. – 3 437 шт. [29, с. 41, 74]); а также небольшое количество самолетов других типов.

Качественные изменения в вооружении и боевой технике Красной Армии связаны с пятилетними планами экономического развития. О первой пятилетке было объявлено на XVI партийной конференции в апреле 1929 г. В 1930 г. состоялся XVI съезд партии, который отметил важность развития отраслей промышленности, повышающих обороноспособность страны¹.

Наряду с пятилетними планами экономического развития страны в целом, принимались и отдельные планы по производству вооружений. Так, первый пятилетний план строительства ВВС был утвержден Реввоенсоветом СССР 27 апреля 1928 г. За годы первой пятилетки количество самолетов увеличилось примерно в 2,5 раза. Благодаря самоотверженному труду ученых, конструкторской мысли, достижениям промышленности новые образцы военной техники значительно отличались от предыдущих моделей конструктивными особенностями. Улучшалось навигационное и другое оборудование самолетов, совершенствовалось их вооружение.

В апреле 1935 г. Совет труда и обороны принял план развития военной авиации на 1935–1937 гг., которым предусматривалось к 1 января 1938 г. довести состав военной авиации до 10 тыс. боевых еди-

ниц. Это позволяло решить важнейшую задачу дальнейшего количественного роста боевых самолетов.

Увеличивались производственные возможности авиационной отрасли. Если в 1930 г. ею было выпущено 899 самолетов, то уже в 1934 г. – 3109 самолетов, а в 1940 г. – 8331 [12, с. 61]. Производство боевых самолетов выросло в 1939 г. в 6,5 раз по сравнению с 1930 г. На вооружение авиационных частей и соединений стали поступать новые типы боевых машин: Ил-2, Пе-2, МиГ-3, Як-1, ЛаГГ-3. Страна превращалась в мощную авиационную державу [18, с. 38]. Это свидетельствовало о том, что Советский Союз в кратчайшие сроки сумел догнать ведущие мировые державы в сфере тяжелой промышленности.

Росло производство различных видов вооружения и боевой техники. За десять лет, с 1930 по 1939 гг., количество артиллерии в Красной Армии возросло в семь раз. Большое внимание уделялось танковым войскам. За эти годы количество танков увеличилось в 2,5 раза.

Параметры развития народного хозяйства страны (3-й пятилетки, 1938–1942 гг.) были рассмотрены на XVIII съезде ВКП(б), который состоялся 10-21 марта 1939 г.² На съезде обосновывалась необходимость дальнейшего повышения боевой мощи Красной Армии. На первый план выдвигалась задача укрепления их материально-технической базы. С целью решения задач производства современной боевой техники совершенствовались структура и методы управления военной промышленностью. Так, например, в январе 1939 г. создается Наркомат авиационной промышленности, начинается перевооружение авиационных частей на новые типы самолетов.

Однако воздушные бои в Испании, в Финляндии, а также начавшаяся в Ев-

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986): В 15 т. 9-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, Т. 5. 1929–1932. 1984. С. 120–142.

² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). В 15 т. 9-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, Т. 7. 1938–1945. 1985. С. 51–80.

ропе широкомасштабная мировая война показали, что стоящие на вооружении в нашей стране самолеты по своим летно-тактическим характеристикам не отвечают реалиям времени. Советское руководство поставило задачу создать лучшие в мире боевые машины. В короткий срок появляются новые модели – истребители МиГ-3, Як-1 и ЛаГГ-3, которые направлялись в строевые части, хотя количество новых образцов боевой техники было недостаточным. Как показали исследования, в первой половине 1941 г. было выпущено 1946 истребителей МиГ-3, Як-1, ЛаГГ-3 [28, с. 74]. К началу войны в строевых частях Красной Армии было 1540 современных для того времени самолетов [5, с. 157].

Менялась система управления экономикой. Не будь политических решений, политической воли, данные изменения были бы невозможны. Так, создавались органы отраслевого управления – общесоюзные и объединенные наркоматы [3, с. 101]. В начале 30-х гг. принято важное решение о создании металлургической базы на востоке страны, что способствовало пространственному ее развитию и недосыгаемости в случае боевых действий.

Вопросы обороны страны, строительства армии и флота разрабатывала Постоянная Комиссия обороны (28 апреля 1937 г. преобразована в Комитет обороны). 22 ноября 1934 г. было утверждено «Положение о Народном комиссариате обороны Союза ССР», которому непосредственно были подчинены командующие войсками округов, армий, флотов. Руководители военного ведомства, являясь членами военной секции Госплана СССР, принимали участие в ее работе по вопросам, связанным с обороной страны [9, с. 371].

Постановлением СНК СССР от 22 сентября 1935 г. Штаб РККА был переименован в Генеральный штаб РККА, который решал следующие задачи: разрабатывал планы оперативно-стратегического ис-

пользования всех видов Вооруженных Сил, их всестороннее обеспечение, развитие; формировал заказы для промышленности по созданию мобилизационных запасов; осуществлял руководство военно-научной работой и др.

При Совете Народных комиссаров был создан Военный совет, который по своему составу был довольно широк. 14 марта 1938 г. создается новый орган – Главный военный совет при Наркомате обороны в качестве коллегии [9, с. 371].

К середине 1930-х гг. процесс решения узловых проблем строительства Генштаба, связанных с определением его места и роли в советской государственной и военной системе, в основном, был завершён [9, с. 375]. Именно он руководил строительством и подготовкой армии и флота, стал в преддверии войны оперативным органом по стратегическому руководству Вооруженными Силами.

В период реконструкции народного хозяйства была проведена работа по совершенствованию системы управления экономикой. Так, была изменена структура ВСНХ. СНК СССР принял отдельное решение о Госплане СССР [3, с. 101].

Советское руководство мыслило стратегически и понимало, что без экономического фундамента невозможно одержать победу в затяжных мировых войнах. Главной экономической задачей страны руководство считало форсирование темпов развития тяжелой промышленности, это означало структурный перекос народного хозяйства, однако это была вынужденная и, в тех исторических условиях, крайне необходимая и оправданная мера. Данную задачу предлагалось решить с помощью скачка, используя административный ресурс. Самоотверженный труд, патриотизм и энтузиазм советских людей позволили добиться позитивных результатов в решении экономических задач, особенно в промышленности. Темпы ее роста были достаточно высокими, хотя в 1929 г. начался мировой экономический кризис.

Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП (б), который состоялся 7–12 января 1933 г., подвел итоги очередной пятилетки, где было заявлено, что изменилось соотношение промышленной и сельскохозяйственной продукции в пользу первой¹. Объем промышленной продукции в 1932 г. вырос по сравнению с 1928 г. до 219%! Капиталовложения в промышленность составили за 4 года и 3 месяца 23,3 млрд. рублей, вместо намеченных пятилеткой 18,8 млрд. рублей за пять лет, что составляет 124% против пятилетнего плана. Производительность труда в промышленности выросла за 4 года на 38%, что несколько отставало от заданий пятилетки. Такие темпы могут показаться сегодня совершенно невероятными. И тем не менее это было. Большинство людей осознавали важность перемен, были вовлечены в общественное производство. Патриотизм находил выражение в конкретных делах трудящихся.

Благодаря самоотверженному труду советского народа СССР из страны аграрной превратился в страну индустриальную. Союз получил возможность значительную часть необходимого оборудования производить на своих предприятиях². И это в период экономического кризиса, когда в других странах наблюдалось падение производства по сравнению с 1928 г. – в Германии на 45%, Франции на 25%, Англии на 20%, Польше на 46%, США на 44%.

В марте 1939 г. на очередном съезде партии еще раз была отмечена важность развития тяжелой промышленности. В дальнейшем, при планировании пятилетних планов, советское руководство скорректировало экономическую политику. Были снижены темпы роста промышленного производства: 16,5% на вторую пятилетку и 14% – на третью. Появилось

больше последовательности и плановости в решении задач развития народного хозяйства.

В 1930–1932 гг. в Советском Союзе была заложена основа современной для того времени армии, был создан ряд секторов промышленности, имевших двойное назначение: авиационная, автомобильная, тракторная и химическая промышленность. В этом случае предельная мощность предприятия для военного времени определялась мобилизационной заявкой. Таким образом, влияние экономического фактора и его частных составляющих, таких как, военно-промышленное планирование, оказали значительное влияние на развитие Красной Армии.

Внешнеполитический и внутриполитический факторы

Следующим по значению фактором явился внешнеполитический, обусловивший определение угроз СССР и соответственно развитие его военной компоненты. С середины 30-х гг. мир втягивается в новую войну. Советское государство стремилось к сохранению мира на основе принципов мирного сосуществования с другими странами и создания системы коллективной безопасности. Однако эта политика не получила поддержки у стран западной демократии, стремившихся направить фашистскую Германию против СССР.

15–20 февраля 1941 г. состоялась восемнадцатая конференция ВКП(б), в решениях которой было записано, что «в результате успехов освоения новой техники и роста оборонной промышленности значительно повысилась техническая оснащенность Красной Армии и Военно-Морского Флота новейшими видами и типами современного вооружения»³. Подчеркивалось, что «продукция социалистической промышленности в 1940 г. увеличилась на 11%, причем темпы роста промышленного производства в 1940 г. систематически возростали» [14, с. 969].

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. (1898–1953): 7-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, Часть II. 1953. С. 719–720.

² Там же.

³ Там же. С. 969.

В то же время, говоря о состоянии Красной Армии накануне Великой Отечественной войны, нельзя обойти вопрос о репрессиях. Рассматривая этот вопрос, исследователи говорят о масштабах этих трагических событий. При этом порой приводятся фантастические цифры. Так, ряд исследователей утверждают, что за 1937-1938 гг. было репрессировано 100 тыс. офицеров [22, с. 289, 291]. По мнению Н. М. Романичева, репрессировано было 43 тыс. офицеров [21, с. 3.] Некоторые авторы делают выводы о более 40 тыс. пострадавших [8, с. 4.] Здесь необходимо учесть, что офицеров, уволенных за уголовные и морально-бытовые правонарушения, неправомерно относить к числу репрессированных.

По официальным данным, в 1937 г. было уволено их армии 18658 человек, из них арестовано 4474. В 1938 г. «вынужденно покинули вооруженные силы 16362 чел., арестовано 5032 чел. В 1939 г. уволено было 1878 чел., арестовано – 73 [8, с. 16]. В то же время необходимо учитывать и реабилитированных. Так, из 36898 уволенных офицеров было реабилитировано 12461 человек [14, с. 18].

По данным ФСБ РФ и Главной военной прокуратуры, по политическим мотивам в 1937–1938 гг. было репрессировано 24190 представителей командно-начальствующего состава Вооруженных сил СССР [26, с. 272]. Несмотря на то, что официальные данные существенно, порой в несколько раз меньше приведенных некоторыми авторами, тем не менее они весьма негативно отразились на состоянии Красной Армии.

Урон был нанесен высшему командному составу Красной Армии: в 1938–1940 гг. сменилось 100% командующих войсками военных округов; около 90% – обновлены их заместители, помощники, начальники штабов, начальники родов войск и служб; на 80% – руководящий состав корпусных управлений и дивизий; на 91% – командиры полков, их помощники и начальники штабов полков [19, с. 69].

Были репрессированы 4 командующих ВВС. Это сказалось на уровне подготовки командиров всех рангов [13, с. 7–8].

В предвоенные годы, когда назревала ширококомасштабная война, ситуация усугубилось еще и тем, что большинство репрессированных военачальников командного состава имели значительный боевой опыт, сражаясь в Испании, в Китае, в советско-японских вооруженных конфликтах. Большинство знали вероятного противника. Новые кадры такими знаниями не владели. Этот опыт пришлось приобретать уже в ходе войны, заплатив за него кровью.

Возвращаясь к сегодняшнему дню, необходимо отметить, что ситуация в современном мире во многом схожа с положением в 40-х гг. прошлого века.

Заключение

Вызовы и угрозы современной России постоянно возрастают. Как отметил Президент РФ В. В. Путин, сейчас нам недостаточно просто поступательного движения, нам необходим прорыв.

Богатый исторический опыт нашего Отечества свидетельствует, о нескольких подобных прорывах. Мощные прорывы наша страна осуществила при Петре I и при И. В. Сталине. Кстати, самые высокие темпы роста национальной экономики за всю историю мировых наблюдений были именно во времена первых советских пятилеток. В основе их лежали не страх и репрессии, которыми так любят пугать нынешние либералы, но и, прежде всего, так ненавистное либералам чувство патриотизма советского народа, о чем было сказано выше.

Исторический опыт свидетельствует о том, что только сильная Россия, с мощными Вооруженными силами способна противостоять внешним угрозам и смело смотреть в будущее. Это подтвердила и Великая Отечественная война: «Политика форсированной индустриализации была призвана не просто обеспечить подъем экономики, но создать

именно самодостаточную, независимую от внешней конъюнктуры, хозяйственную систему страны...» [11, с. 77]. За 10 предвоенных лет были построены тысячи передовых предприятий, а объем промышленного производства по сравнению с 1913 г. вырос более чем в 9 раз! «И Великая Отечественная война показала, что это был единственно правильный путь» [11, с. 77].

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в предвоенные годы Советский Союз осуществил мощный экономический рывок при одновременном подъеме духовной и других сфер общества. Все это было сделано с целью в крат-

чайшие сроки привести в надлежащее состояние народное хозяйство страны, чтобы быть готовыми дать отпор любому агрессору.

Во-вторых, экономический и политический факторы, несомненно оказали огромное влияние на строительство Красной Армии, оснащение ее вооружением и боевой техникой, ее количественный и качественный рост.

Творческое использование опыта прошлого сегодня способствует решению задач, стоящих перед обществом, личным составом армии и флота, воспитанием патриотов Отечества.

Статья поступила в редакцию 03.02.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдасарян В. Э. Антироссийские исторические мифы. СПб.: Питер, 2016. 384 с.
2. Бруз В. В. Либеральная концепция истории Второй мировой войны. Что она означает для России? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 4. С. 30–39.
3. Бруз В. В., Солодилов А. В. История государственного и муниципального управления: учебное пособие. М.: Кнорус, 2020. 167 с.
4. Виноградов К. Б. Буржуазная историография Первой мировой войны. Происхождение войны и международные отношения, 1914–1917 гг. М.: Соцэкгиз, 1962. 402 с.
5. Виноградов Р. И., Пономарев А. Н. Развитие самолетов мира. М.: Машиностроение, 1991. 381 с.
6. Воздушная мощь Родины / Под ред. Л. Л. Батехина. М.: Воениздат, 1988. 432 с.
7. Гвоздев С. А. Расставаясь с привычной ложью. Обновление исторических знаний о войне 1941–1945 гг. в условиях «перестройки» // Европейская историография XX века: Материалы рос.-британск. междунар. конф. историков «Ярославль-Эксетер». Ярославль: Ярославский госпединститут им. К. Д. Ушинского. 1992. С. 100–110.
8. Данилов В. Д. Советское главное командование в преддверии ВОВ // Новая и новейшая история. 1988. № 6. С. 3–9.
9. Двухсотлетие военного министерства 1802–2002 гг. Очерки истории военного министерства. М.: РИЦ ГШ ВС РФ, 2003. 695 с.
10. Зенков В. Е. Подготовка летных кадров для ВВС Красной Армии // Военно-Исторический журнал. 2009. № 10. С. 42–46.
11. Зюганов Г. А. О русских и России. М.: Молодая гвардия, 2004. 206 с.
12. История военного искусства: учебник. Момино: ВВА, 1996. 268 с.
13. Кулиш В. К. К вопросу об уроках и правде истории // Наука и жизнь 1987. № 12. С. 7–8.
14. Лошков Д. Б. Командные кадры Красной армии накануне Великой Отечественной войны (1939 – июнь 1941): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 30 с.
15. Майский И. М. Воспоминания советского дипломата, 1925–1945 гг. М.: Наука, 1971. 716 с.
16. Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 3: Вторая мировая война: Исторический очерк / Отв. ред. Е. Н. Кульков. М.: Наука, 2002. 597 с.
17. Мухин М. Ю. К вопросу о причинах поражения РККА в приграничном сражении 1941 г. // Зеркало истории: сборник статей. М.: РГГУ, 1992. С. 132–139.
18. Найденов И. Н., Викторова П. Г. Авиационное Момино. Смоленск, 2015. 371 с.
19. Нармин О. Н. Репрессии против командного, политического и начальствующего состава Красной Армии в 1937–1941 гг.: (Причины, масштаб и последствия): дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 200 с.

20. Пиетров-Энкер Б. Германия в июне 1941 г. – жертва советской агрессии? // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований / Пер. с нем. М.: Вест Мир, 1997. С. 459–476.
21. Раманичев Н. М. «Красная армия всех сильнее?» // Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С. 2–9.
22. Рапопорт В. Н., Геллер Ю. А. Измена Родине (о роли сталинских репрессий в истории Красной Армии). М.: Стрелец, 1995. 462 с.
23. Реутов Г. Н. Правда и вымысел о Второй мировой войне: (английская буржуазная историография о происхождении Второй мировой войны, внешней политике Англии и международных отношений (1939–1945 гг.)). М.: Международные отношения, 1967. 214 с.
24. Современная зарубежная немарксистская историография / Отв. ред. Б. Л. Мальков. М.: Наука, 1989. 466 с.
25. Трубайчук А. Ф. 1939 год. К истории советско-германского сговора. Киев: Истина, 1994. 138 с.
26. Черушев Н. С. Удар по своим. Красная армия: 1938–1941. М.: Вече, 2003. 480 с.
27. Чубарьян О. А. В преддверии Второй мировой войны // Коммунист. 1988. № 14. С. 102–112.
28. Якобсен Г. А. Противоречивые оценки 22 июня 1941 года // Война и политика, 1939–1941. М.: Наука, 2001. С. 253–269.
29. Яковлев А. С. Советские самолеты. М.: Наука, 1978. 399 с.
30. Коваль М. В. Друга світова війна та історична пам'ять // Український історичний журнал. 2000. № 3. С. 3–21.
31. Стецкевич В. В. Вітчизняне історіописання війни 1939–1945 рр. (деякі проблеми методології) // Сторінки військової історії України: 36. наук. ст. 2006. Вип. 10 (ч. 1). С. 73–84.
32. Finney P. Finding the Führer Bunker // Rethinking History. 2007. № 11. P. 282–291.
33. Finney P. Remembering the Road to the World War Two. London: Routledge, 2011. 325 p.
34. Finney P. Keith Jenkins and the Heroic Age of British Postmodern Theory // Rethinking History. 2013. № 17. P. 172–190.
35. Finney P. Politics and Technologies of Authenticity: the Second World War at the Close of Living Memory // Rethinking History. 2017. № 21. P. 154–170.

REFERENCES

1. Bagdasaryan V. *Antirossiiskie istoricheskie mify* [Anti-Russian historical myths]. St-Petersburg, Piter Publ., 2016. 384 p.
2. Bruz V. [Liberal conception of the history of the Second world war. What does it mean for Russia?]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Regional State University. Series: History and Political Science], 2015, no. 4, pp. 30–39.
3. Bruz V., Solodilov A. *Istoriya gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya: uchebnoe posobie* [History of state and municipal management: textbook]. Moscow, Knorus Publ., 2020. 167 p.
4. Vinogradov K. *Burzhuaznaya istoriografiya pervoi mirovoi voyny. Proiskhozhdenie voyny i mezhdunarodnye otnosheniya, 1914–1917 gg.* [Bourgeois historiography of the first world war. The origin of war and international relations, 1914–1917]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1962. 402 p.
5. Vinogradov R., Ponomarev A. *Razvitie samoletov mira* [The development of aircraft in the world]. Moscow, Mashinostroenie Publ., 1991. 381 p.
6. Batekhin L., ed. *Vozdushnaya moshch' Rodiny* [Air power in the homeland]. Moscow, Voenizdat Publ., 1988. 432 p.
7. Gvozdev S. [Parting with the usual lies. Update of historical knowledge about the war of 1941–1945 in the conditions of "perestroika"]. In: *Evropeiskaya istoriografiya XX veka: Materialy ros.-britansk. mezhdunar. konf. istorikov "Yaroslavl'-Ekseter"* [European historiography of the XX century: Materials of ROS.the British. Intern. Conf. historians "Yaroslavl'-Exeter"]. Yaroslavl: Yaroslavskii gospedinstitut im. K. D. Ushinsky Ushinsky, 1992, pp. 100–110.
8. Danilov V. [The Soviet high command on the eve of the second world war]. In: *Novaya i noveishaya istoriya* [Modern and Current History Journal], 1988, no. 6, pp. 3–9.
9. *Dvukhsotletie voennogo ministerstva 1802–2002 gg. Ocherki istorii voennogo ministerstva* [The bicentennial of the war Ministry 1802–2002. the Essays on the history of the Ministry of war]. Moscow, RITS GSH VS RF Publ., 2003. 695 p.

10. Zenkov V. [Training of flight personnel for the air force red Army]. In: *Voenno-Istoricheskii zhurnal* [Military History Journal], 2009, no. 10, pp. 42–46.
11. Zyuganov G. *O russkikh i Rossii* [About the Russian and Russia]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2004. 206 p.
12. *Istoriya voennogo iskusstva: uchebnik* [History of the military art: tutorial]. Monino, VVA Publ., 1996. 268 p.
13. Kulish V. [To the question about the lessons and the truth of history]. In: *Nauka i zhizn'* [Science and life], 1987, no. 12, pp. 7–8.
14. Loshkov D. *Komandnye kadry Krasnoi armii nakanune Velikoi Otechestvennoi voiny (1939 – iyun' 1941): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The command cadres of the red army on the eve of the great Patriotic war (1939 – June 1941): abstract PhD Thesis in Hist. sciences]. Moscow, 2003. 30 p.
15. Maiskii I. *Vospominaniya sovetskogo diplomata, 1925-1945 gg.* [Memories of a Soviet diplomat, 1925–1945 gg]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 716 p.
16. Kulkov E., ed. *Mirovye voiny XX veka: v 4 kn. Kn. 3: Vtoraya mirovaya voina: Istoricheskii ocherk* [World war of the XX century: in 4 vol. KN. 3: the Second world war: Historical review]. Moscow, Nauka Publ., 2002. 597 p.
17. Mukhin M. [To the question about the reasons for the defeat of the red army in the border battle 1941]. In: *Zerkalo istorii: sbornik statei* [The mirror of history: collected articles]. Moscow, RGGU Publ., 1992, pp. 132–139.
18. Naidenov I., Viktorova P. *Aviatsionnoe Monino* [Aviation Monino]. Smolensk, 2015. 371 p.
19. Narmin O. *Repressii protiv komandnogo, politicheskogo i nachal'stvuyushchego sostava Krasnoi Armii v 1937–1941 gg.: (Prichiny, masshtab i posledstviya): dis. ... kand. ist. nauk* [Repression against the command, and the political officers of the red Army in 1937–1941 gg.: (Causes, scale and consequences): PhD Thesis in Hist. sciences]. Moscow, 1993. 200 p.
20. Pietrov-Enker B. [Germany in June 1941 – a victim of the Soviet aggression?]. In: *Vtoraya mirovaya voyna. Diskussii. Osnovnyye tendentsii. Rezul'taty issledovaniy* [The second world war. Discussion. The main trends. The results of studies]. Moscow, Ves' Mir Publ., 1997, pp. 459–476.
21. Ramanichev N. ["Red army is the strongest?"]. In: *Voenno-istoricheskii zhurnal* [Military History Journal], 1991, no. 12, pp. 2–9.
22. Rapoport V., Geller Yu. *Izmena Rodine (o roli stalinskikh repressii v istorii Krasnoi Armii)* [Treason (about the role of Stalinist repression in the history of the red Army)]. Moscow, Strelets Publ., 1995. 462 p.
23. Reutov G. *Pravda i vymysel o vtoroi mirovoi voine: (angliiskaya burzhuaznaya istoriografiya o proiskhozhdenii vtoroi mirovoi voiny, vneshnei politike Anglii i mezhdunarodnykh otnoshenii (1939–1945 gg.))* [Truth and fiction about the second world war: (the English bourgeois historiography about the origins of the second world war, the foreign policy of England and international relations (1939–1945 gg.))]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1967. 214 p.
24. Malkov B., ed. *Sovremennaya zarubezhnaya nemarksistskaya istoriografiya* [Modern foreign non-Marxist historiography]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 466 p.
25. Trubaichuk A. *1939 god. K istorii sovetsko-germanskogo sgovora* [1939. The history of Soviet-German collusion]. Kiev, Istina Publ., 1994. 138 p.
26. Cherushev N. *Udar po svoim. Krasnaya armiya: 1938-1941* [Blow to her. Red army: 1938–1941]. Moscow, Veche Publ., 2003. 480 p.
27. Chubar'yan O. [On the eve of the second world war]. In: *Kommunist*, 1988, no. 14, pp. 102–112.
28. Yakobsen G. [Controversial 22 June 1941]. In: *Voina i politika, 1939 - 1941* [War and politics, 1939–1941]. Moscow, Nauka Publ., 2001, pp. 253–269.
29. Yakovlev A. *Sovetskie samolety* [Soviet planes]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 399 p.
30. Koval' M. [World War II and historical memory]. In: *Ukrains'kii istorichnii zhurnal* [Ukrainian Historical Journal], 2000, no. 3, pp. 3–21.
31. Stetskevich B. [Patriotic Historiography of the War of 1939-1945 (Some Problems of Methodology)]. In: *Storinky voyennoyi istoriyi Ukrainy: Zb. nauk. st.* [Pages of Military History of Ukraine: Coll. of sci. art.], 2006, iss. 10 (part 1), pp. 73–84.
32. Finney P. Finding the Führer Bunker. In: *Rethinking History*, 2007, no. 11, pp. 282–291.
33. Finney P. *Remembering the Road to the World War II*. London, Routledge, 2011. 325 p.

34. Finney P. Keith Jenkins and the Heroic Age of British Postmodern Theory. In: *Rethinking History*, 2013, no. 17, pp. 172–190.
 35. Finney P. Politics and Technologies of Authenticity: the Second World War at the Close of Living Memory. In: *Rethinking History*, 2017, no. 21, pp. 154–170.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Солодилов Анатолий Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Московского государственного областного университета, профессор Академии военных наук;
e-mail: solodilov-anatol@mail.ru

Бруз Владимир Виленович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления Московского государственного областного университета, член-корреспондент Академии военных наук;
e-mail: vvb54@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anatoly V. Solodilov – PhD in Historical sciences, Head at the Department of State and Municipal Administration, Moscow Region State University, professor of Academy of Military Sciences;
e-mail: solodilov-anatol@mail.ru

Vladimir V. Brooz – Doctor in Historical sciences, professor at the Department of State and Municipal Administration, Moscow Region State University, Corresponding Member of the Academy of Military Sciences;
e-mail: vvb54@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Солодилов А. В., Бруз В. В. Объективные факторы, повлиявшие на состояние и развитие Красной Армии в предвоенные годы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 2. С. 134–144.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-134-144

FOR CITATION

Solodiliv A., Brooz V. Objective factors affecting the state and development of the Red Army in the prewar years. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 1, pp. 134–144.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-134-144

УДК 351.745

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-145-154

НКВД КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

Суверов Е. В.¹, Малкова Ю. А.²

¹ Барнаульский юридический институт МВД России
656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, д. 49, Российская Федерация

² Всероссийский государственный университет юстиции (Сочинский филиал)
(РПА Минюста России)
354000, г. Сочи, Дагомысская ул., д. 42, Российская Федерация

Аннотация.

Цель работы состояла в изучении деятельности НКВД СССР в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны.

Процедура и методы исследования. Применены общенаучные, специально-исторические, проблемно-хронологические и ретроспективные методы исследования процесса функционирования важного элемента правоохранительной системы в отдельно взятом Сибирском регионе, в военный период.

Результаты проведённого исследования. Выявлены последствия перехода на военный режим подразделений НКВД СССР в Красноярском крае.

Теоретическая/практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучении деятельности отечественных правоохранительных органов советского периода.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, НКВД, Красноярский край, преступность, общественная безопасность, беспризорность

NKVD OF THE KRASNOYARSK TERRITORY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

E. Suverov¹, J. Malkova²

¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
49 ul. Chkalova, Barnaul 656038, Russian Federation

² Sochi (branch) of the all-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of justice of Russia)
42 Dagomysskaya ul., Sochi 354000, Russian Federation

Abstract.

Aim. To study the activities of the NKVD of the USSR in the Krasnoyarsk Territory during the Great Patriotic War.

Methodology. The functioning process of an important element of the law enforcement system in a particular Siberian region during the war period is considered. General scientific, special-historical, problem-chronological, and retrospective research methods were used for this study.

Results. The consequences and implications of the transition to the military regime of the units of the NKVD of the USSR in the Krasnoyarsk Territory are revealed.

Research implications. The results of the research can contribute to further research into the activity of domestic law enforcement agencies of the Soviet period.

Keyword: The NKVD, the militia, gangs, deserters, prisoners, crime, personnel

Введение

Исследование функционирования Наркомата внутренних дел СССР в Красноярском крае в военный период, направленного, прежде всего, на борьбу с преступным элементом и поддержания порядка в регионе, включает анализ следующих процессов: перехода на военный лад подразделений НКВД в Красноярском крае, изменения в кадровой структуре органов, борьбы с преступным подпольем и организации охраны общественного порядка.

Изучение деятельности подразделений НКВД в годы Великой Отечественной войны в границах Советского Союза принимали различные исследователи: Е. М. Мальшева, А. А. Плеханов, В. В. Золотов, В. В. Блинова, С. П. Шатилов¹ и др., а также и в пределах Сибирского региона: В. А. Гашенко и И. В. Свиридов² и др. Но комплексного исследования по деятельности органов НКВД в Красноярском крае в годы Великой Отечественной войны так и не было проведено. Авторы в данной статье впервые ввели в научный оборот уникальный, архивный материал,

¹ Мальшева Е. М. Органы НКВД-НКГБ в политической системе СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 1. С. 38–45. Плеханов А. А. Особые отделы НКВД СССР в обеспечении режима секретности в начале Великой Отечественной войны // Материалы Международной научной конференции «К 75-летию начала Великой Отечественной войны. На грани катастрофы». 2017. С. 109–118. Золотов В. В. Войска НКВД в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2015. № 3. С. 26–30. Блинова В. В. Борьба со спекуляцией как одна из задач деятельности органов НКВД в годы Великой Отечественной войны // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2014. № 22. С. 5–9. Шатилов С. П. Организационно-структурная перестройка НКВД и НКГБ в годы Великой Отечественной войны // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 3 (36). С. 9–16.

² Гашенко В. А., Свиридов И. В. Обеспечение общественной безопасности и правопорядка в Новосибирске органами НКВД-НКГБ в годы Великой Отечественной войны // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2007. Т. 3. № 1. С. 9–16.

имевший ранее гриф «секретно» или «совершенно секретно».

Великая Отечественная война стала серьезным испытанием для функционирования всей советской правоохранительной системы. Мобилизация в Красную армию привела к сокращению кадрового потенциала НКВД, резкому снижению жизненного уровня красноярцев, увеличению численности населения края, в том числе и с криминальным прошлым, что повлияло на рост преступности в регионе.

С начала Великой Отечественной войны в Красноярский край из западных районов с эвакуированными предприятиями, учреждениями, к 1942 г. прибыло более 75 тыс. человек, население г. Красноярска увеличилось в два раза. Из-за низкой урожайности зерновых в ряде районов края и возросшей задолженности колхозов перед государством по хлебозаготовкам возникли проблемы выдачи хлеба колхозникам. Так, в 1943 г. колхозники Ермаковского района получили 380 грамм хлеба на трудодень, в результате 70–75% местных жителей находились в крайне тяжелом положении, возникла угроза массового голода. Потребление промышленных товаров на душу населения в военный период резко сократилось³.

Приток населения и материальные трудности осложнили криминальную обстановку в Красноярском крае, возложив дополнительную нагрузку на правоохранительные органы.

Переход на военные рельсы

Вся система НКВД СССР переходила на военное положение под лозунгом «Все для фронта, все для Победы!» В конце 1941 г. механическая мастерская красноярского Спецторга НКВД приступила

³ Мезит Л. Э. Условия жизни населения Красноярского края в годы Великой Отечественной войны // Вестник Московского областного университета. Серия: История и политические науки. 2010. № 2. С. 29–32.

к изготовлению боеприпасов. В 1944 г. коллектив мастерской успешно освоил производство запасных частей к тракторам и комбайнам, различного ширпотреба¹. Сотрудникам НКВД в Красноярском крае были отменены отпуска, рабочий день стал для них ненормированным и заканчивался нередко в ночное время.

В военное время произошло серьезное сокращение финансирования всех государственных органов. Начальник УНКВД Красноярского края 19 мая 1944 г. подписал приказ № 242 «Об экономном расходовании бумаги», на основании которого подлежали наказанию сотрудники, не по назначению расходовавшие бумагу. Были вскрыты факты, когда докладные записки, специальные сообщения, акты и другие многостраничные материалы, писались лишь на одной стороне листа без оборота, во многих случаях печатался текст с большим интервалом, а также использовалась чистая бумага в качестве черновиков².

Личный состав УНКВД по Красноярскому краю проходил ускоренную программу военного обучения, где прививались навыки, необходимые в боевой обстановке. Милиционеры должны были уметь передвигаться, совершать маршевые переходы, вести рукопашный бой, преодолевать препятствия, метать гранаты, плавать, переплывать водные препятствия и стрелять из личного оружия. Сотрудники обучались штыковому бою, противостоянию невооруженного против вооруженного, гранатометанию, преодолению препятствий, строевой подготовке, стрельбе из личного оружия (женщины – из мелкокалиберной винтовки) и тактике ведения боя. Программа обучения была рассчитана на 41 час.³

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф.Р. 5446. Оп. 1. Д. 3. Л. 36.

² ГАРФ. Ф.Р. 5446. Оп. 1. Д. 3. Л. 70.

³ Отдел спецфондов и реабилитации жертв политических репрессий Информационного центра ГУ МВД России по Красноярскому краю (ОСФ и РЖПР ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю). Ф. 6. Оп. 1. Арх. № 63. Д. 2. Л. 25.

В связи с возрастающей опасностью вражеских бомбардировок промышленных объектов в Красноярском крае велась работа по противовоздушной безопасности. 9 июля 1941 г. был организован штаб ПВО в составе заместителя начальника Управления НКГБ Красноярского края старшего лейтенанта ГБ А. В. Самойлова, заместителя начальника УНКВД лейтенанта ГБ А. В. Дунаева, начальника АХФО УНКВД старшего лейтенанта ГБ П. М. Хренова, начальника АХО УНКВД А. С. Усенко, секретаря партбюро НКГБ младшего лейтенанта ГБ Н. И. Смирнова. На секретаря партбюро УНКВД Красноярского края Н. Черных было возложено руководство всеми видами противовоздушной обороны.⁴

В органах внутренних дел ужесточалась дисциплина, повышалась ответственность за соблюдением режима секретности. Выступая 3 июля 1941 г. по общесоюзному радио, Сталин заявил: «Прежде всего, необходимо, чтобы наши люди, советские люди, поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение <...> Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага»⁵.

Усилилось и поддержание паспортного режима в крае. В ходе проверок было установлено, что в Канском, Иланском, Рыбинском, Нижне-Ингашском районах проживало значительное количество лиц без паспортов и прописки. Во время проверки милиционерами общежития сельхозтехникума в г. Канске было выявлено проживавших без паспортов 24 человека,

⁴ ОСФ и РЖПР ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1. Арх. № 26. Д. 1. Л. 262.

⁵ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Воениздат, 1948. С. 13.

без прописки – 19 человек. В ходе рейда в Нижнем Ингаше только на одной улице было обнаружено 17 человек без прописки, 2 человека с просроченными паспортами, 41 человек, не выписанных из домовых книг¹.

В ночь на 17 июля 1941 г. была произведена внезапная проверка состояния хранения сотрудниками УНКВД Красноярского края секретных, совершенно секретных и других служебных документов. В кабинете № 28, начальника отделения 1 спецотдела УНКВД Красноярского края лейтенанта ГБ Киликана была обнаружена на окне совершенно секретная директива, на стуле находился журнал учета арестованных и бланки орденов на этапирование арестованных. В журнал было вложено дело с совершенно секретной перепиской, список бежавших лиц и документы по агентурно-оперативной работе. Кабинет, занимаемый начальником отделения 1 спецотдела младшим лейтенантом милиции Чернудиным, где хранились документы по агентуре уголовно-преступного и другого противобщественного элемента, вообще не был закрыт на замок².

Для предотвращения слухов и паники среди населения 25 июня 1941 г. вышло Постановление Совета народных комиссаров СССР № 1750 «О сдаче населением радиоприемных и радиопередающих устройств». Все советские граждане, имеющие у себя радиоприемники (ламповые, детекторные и радиолы), в пятидневный срок обязаны были сдать их органам связи по месту жительства. Лица, не сдавшие в установленный срок радиоприемники и передатчики, подлежали уголовной ответственности по законам военного времени³.

Сотрудники УНКВД по Красноярскому краю ориентировали свою агентуру на

вскрытие нелегальных самодельных коротковолновых передатчиков. Для выявления радиоаппаратуры использовались различные предлоги: осмотр квартир для ремонта, ремонт телефонов, водопровода⁴.

Любые действия, компрометирующие советскую власть, жестко пресекались правоохранительными органами. В ночь с 16 на 17 мая 1942 г. противодиверсионным осведомителем экономического отдела (ЭКО) УНКВД на заводе № 477 была обнаружена контрреволюционная надпись на упаковке готовой продукции. На следующий день в этом месте была обнаружена новая надпись. Начальник 1 отделения ЭКО Керин и оперуполномоченный ЭКО Чарочкин, предприняв экстренные меры, 21 мая задержали правонарушителя⁵.

На сотрудников НКВД возлагались задачи по изоляции неблагонадежных элементов во время мобилизации в вооруженные силы СССР. С 1 августа 1941 г. в призывные пункты райвоенкоматов назначались представители НКВД для участия в работе комиссий по призыву в Красную армию, Военно-морской флот и войска НКВД. При наличии компрометирующих материалов представитель НКВД исключал из списков призывников к назначению в определенные части и рода войск Красной армии и ВМФ. Особое внимание было обращено на отбор призывников, предназначенных на укомплектование пограничных и внутренних войск НКВД, шифровально-штабной службы штабов округов, разведывательных радиочастей и радиоразведывательных частей ВМФ. Ответственное лицо от органов НКВД по призыву принимал участие в организации и отправке эшелонов и команд пополнения войск НКВД, проверяя еще раз качественный и количественный состав призванных⁶.

¹ ОСФ и РЖПР ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1. Арх. № 41. Д. 4. Л. 37.

² ОСФ и РЖПР ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1. Арх. № 26. Д. 1. Л. 267, 268.

³ ГАРФ. Ф.Р. 5446. Оп. 1. Д. 194. Л. 51.

⁴ ОСФ и РЖПР ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1. Арх. № 29. Д. 1. Л. 71–73.

⁵ ОСФ и РЖПР ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1. Арх. № 46. Д. 2. Л. 5.

⁶ ОСФ и РЖПР ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1. Арх. № 26. Д. 4. Л. 295–298.

Кадры

Резкое сокращение личного состава представляло серьезную опасность, так как неуккомплектованность органов могла сказаться на эффективном обеспечении правопорядка и укреплении законности. Военная обстановка требовала срочного принятия мер по комплектованию кадрового состава правоохранительных органов¹.

Около 25% рядового и младшего начальствующего состава рабоче-крестьянской милиции были призваны на фронт². Потери личного состава органов и войск НКВД СССР в Великой Отечественной войне составили 159100 человек³. За период войны нехватка кадров в территориальных органах милиции возросла в 2,6 раза, увеличившись с 4,6% по состоянию на 1 января 1941 г. до 12,2% к ноябрю 1945 г. По численному показателю дефицит кадров возрос почти в два раза (с 11288 до 22126 чел)⁴.

Место убывших на фронт сотрудников-мужчин заняли женщины, комиссованные военнослужащие, а также граждане пожилого возраста. В 1945 г. в органах внутренних дел проходило службу 75365 женщин или 30,2% от общего количества сотрудников милиции⁵.

Со вновь прибывшими на службу сотрудниками проводили занятия по профессиональной подготовке. Для пришедших на службу милиционеров стали действовать подготовительные курсы⁶.

Всего за военный период в специальных милицейских учебных заведениях было подготовлено 18747 чел⁷.

Для восстановления кадрового потенциала НКВД в июне 1944 г. в Красноярском крае начался набор мальчиков от 10 до 16 лет в Ташкентское Суворовское военное училище войск НКВД. Была сформирована отборочно-приемная комиссия (действовавшая с 25 июня 1944 г. по 15 июля 1944 г.) в составе: начальника УНКВД по Красноярскому краю полковника Г.Б. Семенова, командира 111 полка войск НКВД майора Маркина. В учебное заведение отбирали в первую очередь детей военнослужащих офицерского состава НКВД и НКГБ погибших на фронтах Великой Отечественной войны, инвалидов войны и участников боевых действий⁸.

Борьба с преступным элементом

В военные годы в крае выросла преступность, серьезную угрозу государственной и общественной безопасности представляли банды. Преступные группы пополняли дезертиры из армии и уклонисты от воинской службы и работы на промышленных предприятиях, самовольно оставившие места работы и бежавшие из мест лишения свободы, которые использовали в основном холодное оружие, охотничьи ружья и револьверы⁹.

В Тунгусо-Чунском районе с августа 1942 г. в тайге скрывалось 10 вооруженных дезертиров. Заместитель начальника Тунгусо-Чунского РО НКВД милиции старший лейтенант милиции Ромашенко, умело используя агентуру, доверенных лиц и бригаду содействия милиции, установив местонахождение всех дезертиров, 28 февраля 1943 г. произвел их задержание¹⁰.

¹ Суверов С. Е. Комплектование правоохранительных органов в годы Великой Отечественной войны // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2015. № 2 (29). С. 79.

² Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк / Отв. ред. А. Г. Горлов. М.: МВД России, 1996. с. 261.

³ Щит и меч. 1994. 14 марта

⁴ Гусак В. А. К вопросу о состоянии и динамике кадров милиции в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2010. № 1. С. 5.

⁵ ГАРФ. Ф.9401, Оп. 8. Д. 71. Л. 22.

⁶ Суверов Е. В., Москвитин Ю. Н., Антропов В. М., Миронов Е. В. История органов внутренних дел. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России. 2017. С. 199.

⁷ Биленко С. В. Советская милиция в защите социалистического Отечества (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1983. С. 35.

⁸ ГАРФ. Ф.Р. 5446. Оп. 1. Д. 3. Л. 148.

⁹ Печерский В. А. Борьба с бандитизмом в Сибири в годы Великой отечественной войны // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 2. С. 41.

¹⁰ ОСФ и РЖПР ИЦ ГУ МВД России по Красноярско-

Бандиты нападали на местных жителей, совершая разбойные нападения и грабежи, насиловали женщин. Красноярцы опасались заходить в лесные массивы, где вольготно себя чувствовал уголовный элемент. Противостояли бандитам сотрудники немногочисленного отделения по борьбе с бандитизмом. В декабре 1941 г. личный состав отделения по борьбе с бандитизмом УНКВД СССР Красноярского края состоял из: начальника лейтенанта ГБ Л. В. Синицына, старшего оперуполномоченного младшего лейтенанта ГБ А. Л. Керина, старшего оперуполномоченного Г. М. Григорьева, старшего оперуполномоченного сержанта милиции Т. П. Новикова, оперуполномоченного сержанта милиции А. М. Филиппович, оперуполномоченного сержанта милиции Т.Т. Тархова, секретаря-машинистки Л. В. Войткевич.¹

В Красноярском крае проводились регулярные мероприятия по ликвидации бандитских формирований. В Канском районе 30 августа 1942 г. следователь сержант ГБ Грачев и младший милиционер РОМ НКВД Трусов проводили операцию по задержанию бандитской группы. В ходе ее преследования на Грачева набросились двое бандитов, один с кинжалом, другой с дробовым ружьем, в ходе схватки милиционер выбил из рук бандитов ружье и кинжал, а Трусов смог задержать третьего бандита, пытавшегося спастись бегством.²

В ночь с 31 июля на 1 августа 1942 г. под руководством старшего оперативно Уполномоченного 3 ГОМ г. Красноярска Коробова была арестована бандитская группа, ранее совершившая крупную кражу в часовой мастерской. Задержанными оказались: «Вор Юрченко, дезертир РККА Рузанов, дезертир оборонной промышленности и вор-рецидивист Фролов.

У преступников был изъят револьвер «наган» с боевыми патронами, финский нож, 17 часов и другие краденые вещи».³

В течение первого квартала 1943 г. было ликвидировано несколько вооруженных бандитских групп из числа дезертиров и уклонявшихся от призыва по мобилизации. В Ярцевском РО НКВД было нейтрализовано 50 скрывавшихся нелегалов и бандитов. Начальник отделения 1 спецотдела Шишкин вместе с опергруппой, состоящей из 5 человек (оперуполномоченного Козлова, участкового уполномоченного Мархотенко, милиционера Кускова, командира отделения сельскохозяйственной колонии Часовникова) выявили скрывающуюся длительное время в тайге банду в количестве 13 человек. В результате умелой операции, несмотря на вооруженное сопротивление, преступники были обезврежены и арестованы. Заместитель начальника Емельяновского РО НКВД милиции Бабушкин, вместе с помощником коменданта УНКВД Варзаевым, задержал 13 одиночек-нелегалов. Большую роль в ликвидации красноярских бандитов сыграл начальник отделения УНКВД по борьбе с бандитизмом капитан госбезопасности Синицын⁴.

В годы войны большая нагрузка ложилась на отдел уголовного розыска и следственные органы. Оперуполномоченные угрозыска методично зачищали территорию края от воровского элемента. В ночь на 8-е сентября 1944 г. в г. Абакане группой цыган из квартир граждан Кормицкого и Верман путем взлома окон была совершена кража вещей на общую сумму в размере 130000 руб. Начальник отделения уголовного розыска Федорчук производя осмотр места преступления, установил, что похищенные вещи преступники вывезли на телеге. По следам повозки и лошади была организована погоня. Несмотря на то, что преступники

му краю. Ф. 6. Оп. 1. Арх. №. 67. Д. 1. Л. 3.

¹ ОСФ и РЖПР ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1. Арх. №. 28. Д. 1. Л. 190.

² ОСФ и РЖПР ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1. Арх. №. 46. Д. 2. Л. 14.

³ ОСФ и РЖПР ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1. Арх. №. 70. Д. 1. Л. 172.

⁴ ОСФ и РЖПР ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1. Арх. №. 66. Д. 4. Л. 41.

спрятали похищенное имущество в яме на расстоянии более 20 м от цыганского табора, Федорчук в течение 4 часов раскрыл кражу и возвратил похищенное. Начальнику ОУР Хакасского областного УНКВД старшему лейтенанту милиции Федорчуку была объявлена благодарность и выдана денежная награда в размере месячного оклада¹.

Большую помощь в задержании преступного элемента оказало грамотное применение служебно-розыскных собак. Проводник служебно-розыскных собак ОУР УМ УНКВД сержант милиции Крамаренко 11 февраля 1943 г. был вызван на место кражи в склад комитета резервов, где ночью были украдены товары на сумму в 500000 руб. Умело задействовав собаку по кличке Джек, Крамаренко нашел воров и спрятанный ими похищенный товар. В тот же день милиционер с помощью служебно-розыскной собаки обнаружил преступников, совершивших кражу у гражданина К., 15 февраля 1943 г. он раскрыл две квалифицированные кражи. Крамаренко была объявлена благодарность и выдано денежное вознаграждение в размере 150 руб.²

Следственным отделением СПО НКВД по Красноярскому краю только за 9 месяцев 1942 г. было закончено расследование по 73 делам, обвинение было предъявлено 102 человекам, в том числе по 11 групповых дел на 44 человек, за этот же период рассмотрено 878 районных дел с 1035 обвиняемыми. Все дела проведены качественно и в установленные сроки. Начальнику следственного отделения СПО, младшему лейтенанту ГБ Мельникову была объявлена благодарность, с выдачей премии в 300 руб.³

Пользуясь тяжелейшим экономическим положением в регионе, спекулянты продавали на «черном рынке» хлеб,

¹ ОСФ и РЖПР ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1. Арх. №. 85. Д. 1. Л. 48.

² ОСФ и РЖПР ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1. Арх. №. 70. Д. 1. Л. 40.

³ ОСФ и РЖПР ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1. Арх. №. 46. Д. 42. Л. 15.

табак, спиртные напитки и продовольственные карточки, обувь, нередко имевшие преступный след. Инспектор ОСБП УРКМ Захаров 7 июня 1943 г. находясь на колхозном рынке, задержал продавших там хлебную карточку подростков Егорова и Воронова.⁴ В июле 1943 г. сотрудниками отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС). Управления милиции на городском рынке была задержана с продажей хлебных карточек кассир тюрьмы № 1 Ворогушина. В ходе проверки было выяснено, что она произвела растрату на сумму в 11919 руб., похищала хлебные карточки, которые реализовывала на рынке. В результате судебного решения расхитительница была приговорена к 8 годам лишения свободы⁵.

Охрана общественного порядка

Компетенция участковых уполномоченных милиции была многогранна: наблюдали за соблюдением чистоты и порядка в общественных местах, паспортного контроля, принимали меры уголовного и административного воздействия.

Охрана общественного порядка осуществлялась конными и пешими патрулями, с привлечением местных жителей. Бригадир группы охраны общественного порядка Краснореченского сельского совета Боготольского района П. В. Девятов вместе со своими товарищами арестовал бежавшего из лагеря рецидивиста Ладыгина, дезертиров РККА Колесникова и Сергеева, подозреваемого в краже гражданина Колина. В мае 1943 г. он задержал осужденного на 10 лет лишения свободы Кровякова и дезертиров РККА братьев Михайловых. Девятову была объявлена благодарность и выдано денежное вознаграждение в размере 200 руб.⁶

⁴ ОСФ и РЖПР ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1. Арх. №. 70. Д. 1. Л. 156.

⁵ ОСФ и РЖПР ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1. Арх. №. 63. Д. 3. Л. 40.

⁶ ОСФ и РЖПР ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1. Арх. №. 70. Д. 1. Л. 95.

В Советском Союзе в результате разрушительных последствий войны увеличилось количество сирот, преступный мир пытался втянуть в свои ряды оставшихся без родителей детей, росла детская преступность. В 1941 г. несовершеннолетние совершили 5% от всех зарегистрированных преступлений, а в 1944 г. этот показатель увеличился до 11%¹.

В 1942 г. милиционеры изымали с улиц, рынков, при массовых облавах и обходах в стране около 377 тысяч беспризорных и безнадзорных детей, в 1943 г. уже около 800 тысяч (277948 и 524497 чел., соответственно), в 1944 г. – 432898 и 740770 чел.²

В составе НКВД СССР приказом НКВД СССР от 21 июня 1943 г. были созданы отделы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (ОБДББ). Помощью бездомным, а также оказавшимся без родительского контроля несовершеннолетним занимался отдел УНКВД по Красноярскому краю по борьбе с детской беспризорности и безнадзорности, в штате которого состояли: старший инспектор по организационным вопросам, инспектор по учебно-воспитательной работе, инспектор по санитарному обслуживанию, инженер, инспектор по снабжению и сбыту³. В детские приемники-распределители осуществлялся прием безнадзорных и беспризорных детей в возрасте от 3 до 16 лет. Через детские приемники-распределители НКВД за военный период прошло около 1 млн. человек⁴. Серьезную роль в ликвидации беспризорности и безнадзорности играли детские комнаты милиции⁵.

После освобождения советской территории от захватчиков, для укрепления кадрового потенциала формирующихся правоохранительных органов из Красно-

ярска направлялись сотрудники НКВД. В январе 1944 г. после окончания краткосрочных курсов начальники паспортных столов были откомандированы в г. Киев в распоряжение ОК НКВД УССР и в г. Гомель в распоряжение ОК НКВД БССР⁶.

Красноярская государственная автомобильная инспекция обеспечивала безопасность во время движения автомобильного транспорта, количество которого постепенно возрастало. Так, после проверки ГАИ УМ НКВД по Красноярскому краю технического осмотра автомобильного парка, было установлено, что по сравнению с первым полугодием 1944 г. увеличилось количество автотранспорта с 1866 до 2263 ед., техническая готовность автопарка возросла на 5,8%⁷.

Сотрудники НКВД, члены бригады содействия милиции (БСМ) не раздумывая, приходили на помощь, жителям Красноярского края, спасая их жизни и имущество. 11 июня 1943 г. на одной из рек перевернулась лодка, после чего начала тонуть гражданка Романова вместе со своей двухлетней дочерью. Благодаря находчивости и смелости члена БСМ Крылова, бросившегося в воду, удалось спасти женщину с ребенком, разыскав при этом все затонувшие вещи. Бригадмилльцу Крылову Владимиру Ивановичу была объявлена благодарность и выдано денежное вознаграждение в 200 руб.⁸

Заключение

Подразделениям НКВД СССР удалось перейти в достаточно короткий срок на военные рельсы, где была организована ускоренная программа армейского обучения. Была повышена мобилизационная и противовоздушная готовность и ужесточено соблюдение режима секретности. Проводились мероприятия по предотвращению слухов и паники, изо-

¹ ГАРФ. Ф.Р. 9415. Оп. 3. Д. 12а. Л. 42.

² ГАРФ. Ф.Р. 9415. Оп. 3. Д. 1409. Л. 80.

³ ОСФ и РЖПР ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1. Арх. №. 82. Д. 3. Л. 16.

⁴ ГАРФ. Ф.Р. 9412. Оп. 1. Д. 242. Л. 51.

⁵ История советской милиции: в 2-х т. Т. 1. Советская милиция в период строительства социализма. М., 1977. с. 75.

⁶ ОСФ и РЖПР ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1. Арх. №. 84. Д. 3. Л. 16.

⁷ ОСФ и РЖПР ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1. Арх. №. 94. Д. 3. Л. 60.

⁸ ОСФ и РЖПР ИЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю. Ф. 6. Оп. 1. Арх. №. 70. Д.1.Л.117.

лировались неблагонадежные элементы.

1. В военный период значительная часть сотрудников НКВД СССР была призвана в действующую армию. Их место заняли женщины, пенсионеры, демобилизованные из-за ранений красноармейцы. Новобранцы проходили обучение на подготовительных курсах и в специализированных ведомственных учебных заведениях. Несовершеннолетние направлялись в Суворовские военные училища НКВД СССР.

2. Серьезные усилия сотрудники органов внутренних дел направляли на ликвидацию бандитских группировок, скрывавшихся в труднодоступных местах, изолирование бежавших из воинских частей и с предприятий дезертиров, нейтрализацию спекулянтов. В борьбе с бандитско-воровским элементом значительно возросла нагрузка на все подразделения НКВД СССР, особенно на уголовный розыск, отделения по борьбе с бандитизмом, следственный аппарат, ОБХСС. Seriously повышало эффективность борьбы с пре-

ступным элементом применение милиционерами служебно-розыскных собак.

3. Значительная роль в поддержании порядка в городе и сельской местности отводилось участковому уполномоченному. В населенных пунктах Красноярского края была организована охрана общественного порядка пешими и конными патрулями. Активно привлекались к совместному патрулированию представители местных жителей, организованные в бригады содействия милиции. Ликвидация беспорядков и безнадзорности являлись основной задачей деятельности отдела по борьбе с детской беспорядочностью и безнадзорностью НКВД СССР. Обеспечение безопасности дорожного движения в крае осуществляла государственная автомобильная инспекция. Сотрудники правоохранительных органов спасали жизнь и здоровье красноярцев во время природных катаклизмов и в других чрезвычайных ситуациях.

Статья поступила в редакцию 28.11.2019

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусак В. А. К вопросу о состоянии и динамике кадров милиции в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2010. № 1. С. 3–8.
2. История советской милиции: в 2-х т. Т. 1. Советская милиция в период строительства социализма. М., [б. и.], 1977. 346 с.
3. Мезит Л. Э. Условия жизни населения Красноярского края в годы Великой Отечественной войны // Вестник Московского областного университета. Серия: История и политические науки. 2010. № 2. С. 29–32.
4. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк / Отв. ред. А. Г. Горлов. М.: МВД России, 1996. 464 с.
5. Печерский В. А. Борьба с бандитизмом в Сибири в годы Великой отечественной войны // Вестник Костромского государственного университета. 2018. Т. 24. № 2. С. 37–41.
6. Суверов С. Е. Комплектование правоохранительных органов в годы Великой Отечественной войны // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2015. № 2 (29). С. 79–80.
7. Щит и меч. 1994. 14 марта.

REFERENCES

1. Gusak V. [To a question of a condition and dynamics of shots of militia during the Great Patriotic War (1941–1945)]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Ural'skiy region* [Izvestiya of higher educational institutions. Ural region], 2010, no. 1, pp. 3–8.
2. *Istoriya sovetskoy militsii: v 2-kh t. T. 1. Sovetskaya militsiya v period stroitel'stva sotsializma* [History of the Soviet militia in 2 vols. Vol. 1. Soviet police during the construction of socialism]. Moscow, [u. p.], 1977. 346 p.
3. Mezit L. [Living Conditions of the Krasnoyarsk region population during the Great Patriotic War]. In: *Vestnik Moskovskogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and political science], 2010, no. 2, pp. 29–32.

4. Gorlov A., ed. *Organy i voyska MVD Rossii. Kratkiy istoricheskiy ocherk* [Bodies and troops of the Ministry of internal Affairs of Russia. A brief historical sketch]. Moscow, 1996. 464 p.
5. Pechersky V. [Fight against banditry in Siberia during the Great Patriotic War]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma state University], 2018, vol. 24, no. 2, pp. 37–41.
6. Suverov S. [Recruitment of law enforcement agencies during the Great Patriotic War]. In: *Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Barnaul law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia], 2015, no. 2 (29), pp. 79–80.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Суверов Евгений Васильевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД России;
e-mail: suverovev69@mail.ru

Малкова Юлия Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сочинского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);
e-mail: malkov01@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeny V. Suverov – Doctor in Historical sciences, professor at the Department of theory and history of law and state, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
e-mail: suverovev69@mail.ru

Jlia A. Malkova – PhD in Historical sciences, assistant professor at the Department of theory and history of state and law, Sochi branch of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of justice of Russia);
e-mail: malkov01@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Суверов Е. В., Малкова Ю. А. НКВД Красноярского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 2. С. 145–154.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-145-154

FOR CITATION

Suverov E., Malkova J. NKVD of the Krasnoyarsk Territory during the Great Patriotic War (1941–1945). In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 2, pp. 145–154.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-145-154

УДК 338.45:69(470-25)61970/19809
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-155-158

САМЫЙ МОДЕРНИСТСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ПРОЕКТ Н. С. ХРУЩЕВА

Горлов В. Н.

*Московский государственный лингвистический университет
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38 стр., Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Роль и место архитектуры, социальная обусловленность архитектурных решений в жизни советского общества.

Процедура и методы исследования. Выявлены факторы, определяющие концепцию градостроительства Москвы в 60-е гг. в контексте с социальными условиями данного советского периода. При проведении исследования применены методы наблюдения и обобщения.

Результаты проведённого исследования. На историческом опыте раскрываются актуальные вопросы архитектуры и строительства как средства комплексного развития социокультурной сферы, формирования гуманитарного пространства.

Теоретическая/практическая значимость. Описано влияние научно-технического прогресса на экономические и эстетические основы советского зодчества, включая субъективный фактор принятия градостроительных решений.

Ключевые слова: Магистраль, центр Москвы, комплексность застройки

THE MOST MODERNIST ARCHITECTURAL PROJECT BY NIKITA KHRUSHCHEV

V. Gorlov

*Moscow State Linguistic University
Ulitsa Ostozhenka, 38, c. 1, Moscow, Russian Federation, 119034*

Abstract.

Aim. To consider the role and place of architecture, as well as the social conditionality of architectural solutions, in the life of Soviet society.

Methodology. The factors that determined the urban development concept of Moscow in the 60s under the social conditions of the Soviet period were identified using the methods of observation and generalization.

Results. On the basis of historical experience, the current issues of architecture and construction as a means of integrated development of the socio-cultural sphere, as well as the formation of the humanitarian space, were discussed.

Research implications. The impact of scientific and technological progress on the economic and aesthetic foundations of the Soviet architecture, including the subjective factor of making urban planning decisions, was analysed.

Keywords: highway, Moscow centre, the complexity of the building

Введение

В период хрущевской «оттепели» к 40-летию Октябрьской революции открыли Новоарбатский мост и насыпали трассу будущего проспекта Калинина. Застройка в 1962–1968 гг. в Москве проспекта Калинина стала крупнейшим градостроительным событием 60-х гг. Проспект стал новой радиальной магистралью, соединяющей центр с жилыми районами Давыдовка, Филей, Матвеевского, Кунцева, Крылатского. Н. С. Хрущёв интересовался, как строят в разных странах. Во время визита на Кубу Н. С. Хрущёву очень понравились дома американского района Гаваны, которые были построены перед кубинской революцией в конце 1950-х гг. Свои впечатления лидер государства рассказал главному архитектору Москвы Михаилу Посохину. Когда М. В. Посохин начал разрабатывать проект проспекта Калинина, он обладал огромной поддержкой.

Подготовка к смене московской традиции градостроительства

После борьбы с «архитектурными излишествами» архитекторы пытались строить крупномасштабные здания геометрических форм, похожие на западные небоскребы. Такая архитектура была совершенно не связана с масштабом традиционной застройки Москвы. Н. С. Хрущёв ознакомился с проектом проспекта и сам просил внести изменения. Архитекторы послушно выполняли требования вождя. Получив от Хрущёва одобрение, архитекторы во главе с Посохиним произвели хирургическую архитектурную операцию в самом центре столицы.

М. В. Посохин в 1961 г. писал в газете «Правда»: «На опыте Москвы наша страна покажет пример разумного решения “проблемы больших городов”, к которой приковано внимание градостроителей всего мира и широкой общественности»¹.

¹ Перспективы развития Москвы // Правда. 1961. 18 мая.

М. В. Посохин продемонстрировал полное непонимание роли исторического центра в развитии Москвы. К историческим зданиям в целом относились как к бросовым, как к застройке, которая не имела перспективной ценности. В апреле 1962 г. здесь был вынут первый ковш земли, а к 50-летию Великого Октября строительство проспекта было завершено, и он был самым модернистским архитектурным проектом 60-х гг. и вызывал в те годы только восхищение. М. В. Посохин застроил проспект с обеих сторон многоэтажными зданиями, которые напоминали раскрытые книги, с учреждениями обслуживания и торговли в нижних этажах. Архитекторы во главе с Посохиним считали, что надо изменить привычные пространственно-планировочные традиции, мешавшие развитию центральной части столицы. В жертву экономичности данного проекта принесена была московская традиция градостроительства.

Архитектурная операция в центре Москвы

Прорубая новую магистраль с современными высотными домами, архитекторы объясняли это тем, что здесь было очень много рядовой застройки. В процессе строительства проспекта Калинина, снесли целый район старого Арбата, где жила разночинная интеллигенция. Это был в некотором смысле нервный центр столицы. Снесли улицы и переулки старинной части Москвы с исторической застройкой, которая имела огромную культурную ценность. При строительстве проспекта разрушили Арбат, разрушили знаменитую круглую площадь, посередине которой находился фонтан. Эту площадь называли Собачьей площадкой. Здесь находился дом друга Пушкина Виельгорского. Более того, проекты, которые тогда публиковались в печати, предполагали снести все ампирные особняки, прилегающие к высотным зданиям. После упорного сопротивления

общественности и во многом благодаря поддержке художника Павла Корина сохранили единственную церковь Симеона Столпника XVII в. Многих архитекторов вдохновлял «французский опыт». В те годы ссылались на опыт барона Османа, который в XIX в. проламывал знаменитые парижские бульвары, снося старинные кварталы. Поэтому и Собачью площадь было нисколько не жаль. Жителей уничтоженных домов Большой и Малой Молчановки, Собачьей площадки, Ржевских переулков и самого духа интеллигентской Москвы уже не вернуть.

Н. С. Хрущёв часто приезжал на строительство проспекта с инспекцией. Он верил, что очень скоро все советские люди будут жить в таких высоких и красивых домах. Благодаря энергии Н. С. Хрущева финансирование и снабжение строительства материалами и рабочей силой было бесперебойным и процесс строительства такого огромного комплекса не превратился в «долгострой». Столь масштабные архитектурные работы в центре старой Москвы проводились впервые после Великой Отечественной войны. Тотально уничтожив старинные домики Арбата, авторы проектов искренне рассчитывали, что, воздвигнув высотные дома, они построят для своего народа светлое будущее. Н. С. Хрущёв хотел приобщить советских граждан к незнакомой им цивилизации развитых зарубежных стран.

Самый модернистский архитектурный проект 60-х гг. в СССР

Многие элементы выгодно отличали проспект Калинина от аналогичных городских магистралей, созданных в середине 50-х гг. – Ленинского, Комсомольского, Кутузовского проспектов. На южной стороне проспекта помимо торгового центра были расположены четыре 26-этажных административных здания из стекла, алюминия и бетона. Они поднимались над единым двухэтажным корпусом, в котором размещались рестораны, кафе, магазины. На северной стороне распо-

лагались пять 24-этажных жилых домов, один из крупнейших кинотеатров страны «Октябрь», в котором проходили международные кинофестивали, крупнейший в Москве Дом книги. Делегации почти всех стран Европы, побывавшие в этом магазине, были единодушны в своем мнении: ничего подобного в Европе нет. Проспект Калинина, став крупным композиционно целостным объектом городской среды, придал столице качественно новую масштабную форму, изменив силуэт центра и всю панораму Москвы. Проспект стал крупным общественно-культурным, деловым и торговым центром города, привлекающим значительные потоки советских граждан. Сочетание общественного центра и жилья обеспечило проспекту Калинина постоянную оживленность. Проспект стремительно превратился в нарядную улицу и стал очень престижным местом Москвы. На фотографиях 60-х гг. проспект Калинина выглядит значительно привлекательнее, чем сегодня. На старых фотографиях видны и зеленые газоны, и пышные кроны деревьев.

Это был первый опыт строительства сразу целой улицы в центре Москвы, что послужило хорошей школой для архитекторов. Проспект можно ругать за архитектуру, но функционально проспект сделан правильно: административные здания, книжный центр, магазины – всё находилось вместе. Проспект Калинина, единый как по композиции, так и по своему назначению, являлся примером реализации крупного градостроительного замысла по единому плану. Проспект стал образцом комплексно выполненного объекта. Это была в период «оттепели» первая попытка привнести в облик столицы самое модернистское звучание, приобщиться к архитектуре западных стран. Почти все объекты проспекта были построены для тех лет в прорывном модернистском стиле. Советские граждане чувствовали себя как будто в будущем, которое они скоро построят. Целое царство сверкающих зеркальных витрин ма-

газинов, ресторанов, кафе. Были созданы невиданные зоны комфорта советских людей. У гостей столицы просто кружилась голова от такого великолепия. Это был как бы отдельный город светлого будущего внутри столицы. Заговор против Н. С. Хрущёва повлиял на судьбу всей старинной Москвы. Не случись отставки Хрущёва, центр Москвы понёс бы очень крупные потери. Когда Хрущёва сняли с должности, вместо совнархозов были вновь образованы министерства. Председатель правительства А. Н. Косыгин часть «книжек» проспекта Калинина предложил отдать министерствам¹.

Заключение

Невероятно широкая прямая магистраль в обрамлении высоких зданий радикально реконструировала центр Москвы. Проспект Калинина, возвышаясь над старой малоэтажной Москвой, представлял собой удивительное, уникальное архитектурное и градостроительное

решение советского периода. Первое впечатление от знакомства с проспектом Калинина было грандиозное. По параметрам международной градостроительной мысли 60-х гг. проспект находился на самом высоком уровне. Проспект восхищал своей легкостью и смелостью почерка. Казалось, что стиль и масштаб проспекта Калинина были привнесены откуда-то с другой планеты.

Несмотря на издержки, проспект, безусловно, является очень интересным памятником советской архитектуры эпохи Н. С. Хрущёва. Все было бы прекрасно, если бы проспект располагался подальше от приземистой среды старой Москвы. Арбатские особняки, где жили Гоголь и Лермонтов, никак не сочетались с высокими зданиями. Город получил первоклассную магистраль с современными зданиями. Но и потерь, проблем после постройки проспекта было множество.

Статья поступила в редакцию 14.11.2018

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры исторических наук Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Gorlov – Doctor in Historical sciences, professor at the Department of Historical sciences, Moscow State Linguistic University;
e-mail: tihomirov_n@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горлов В. Н. Самый модернистский архитектурный проект Н. С. Хрущева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 2. С. 155–158.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-155-158

FOR CITATION

Gorlov V. The most modernist architectural project of Nikita Khrushchev. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 2, pp. 155–158.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-155-158

¹ См.: Андриянов В. И. Косыгин. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 288

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94+276

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-159-165

ДОБРОДЕТЕЛЬ НАДЕЖДЫ В РАННЕМ ХРИСТИАНСТВЕ: СТАНОВЛЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ

Епифанова Т. В.

Дипломатическая академия МИД РФ

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1

Аннотация.

Цель исследования – в выявлении смыслового содержания понятия добродетели «надежда» в учении отца неразделенной христианской церкви Августина (354–430 гг.), созданию и разработке которой на раннем этапе существования способствовала международная историческая обстановка начавшегося германского завоевания Римской империи.

Процедура и методы исследования. Системный анализ в совокупности с терминологическим анализом и сравнительно-историческим методом.

Результаты проведенного исследования. Рассмотрено смысловое содержание, субъект и объект христианской надежды, ее место в триаде теологических добродетелей. Выявлено отличие античного понимания надежды от христианской добродетели, заключающейся в надежде на божественное спасение души.

Теоретическая / практическая значимость. Значимость темы обусловлена тем, что сформулированная ап. Павлом и разработанная Августином система добродетелей в последовавшие столетия определяла духовные ценностные ориентиры развития общества, не утратив актуальности до настоящего времени. Изучение триады добродетелей ведется крайне неравномерно, основное внимание специалистов уделяется добродетелям веры и любви, христианская надежда в учении Августина до настоящего времени не рассматривалась. Устранить пробел призвано предпринятое исследование.

Ключевые слова: раннее христианство, теологическая добродетель, Августин, апостол Павел

VIRTUE OF HOPE IN EARLY CHRISTIANITY: FORMATION AND CONTENT OF THE CONCEPT

T. Epifanova

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry

53/2-1 Ostozhenka ul., Moscow 119021, Russian Federation

Abstract.

Aim. To identify the semantic content of the virtue concept of "hope" in the teachings of Augustine (354–430) – the father of the undivided Christian Church, the creation and development of which at

an early stage of existence were facilitated by the international historical situation at the beginning of the German conquest of the Roman Empire.

Methodology. The research methodology involved the methods of system analysis, terminological analysis and comparative–historical analysis.

Results. The authors described the semantic content, subject and object of Christian hope, along with its place in the triad of theological virtues. The difference between the ancient understanding of hope and a Christian virtue was revealed, which consists in the hope for divine salvation.

Research implications. The system of Christian virtues, formulated by Paul the Apostle and developed by Augustine, determined the spiritual values of the social development in the following centuries without losing relevance to the present time. The study of the triad of virtues has so far been extremely uneven: the main attention of experts is usually paid to the virtues of faith and love, while Christian hope in the teachings of Augustine has not yet been considered. The present paper is intended to fill this gap.

Keywords: hope, theological virtue, faith, love, Augustine, Paul the Apostle

Введение

Современная система христианских добродетелей не содержит их исчерпывающего перечня и включает в себя несколько категорий нравственных качеств человека. Основу этой системы составляют теологические добродетели веры, надежды и любви. По мере своего развития система дополнилась четырьмя кардинальными (мудрость, благоразумие, мужество, справедливость) и естественными добродетелями, список которых все больше расширялся.

Теологическая триада христианских добродетелей своим первоисточником имеет новозаветные священные писания, в частности апостольские послания Павла к Коринфянам¹ и Римлянам². Зародившись в период языческой античности, система получила развитие и обоснование в трудах отцов неразделенной церкви уже в период официального христианства. Особенный вклад в понимание сути триады внес Августин Гиппонский (354–430 гг.), канонизированный в христианстве как святой католической церковью и как блаженный – православной.

Значимость богословия Августина как для римско-католической, так и для греко-православной церкви неоспорима. Поэтому мнение иеромонаха Афанасия (М. А. Букина) о том, что не только допустимо, но и предпочтительно именование «святитель Августин Блаженный, епископ Иппонийский» [3, с. 67] в православной традиции весьма убедительно. Оно «позволяет сохранить то видение св. Августина, которое было присуще святым отцам Церкви как при его жизни, так и в последующие века» [3, с. 67].

Поскольку учение Августина в последующие века оказывало сильное влияние на развитие христианской доктрины церкви и раннесредневековое мировоззрение, важно обратиться к его пониманию христианских добродетелей, и в частности добродетели христианской надежды.

Необходимо обратить внимание на неравномерность исследования теологической триады добродетелей Августина. Добродетель любви в его наследии активно исследуется специалистами, их внимание привлекает как сам феномен добродетели [8], так и в целом его влияние на мировоззрение и миропонимание средневековья [7] и, в частности, на западную иконографию [4]. Не обойдена вниманием исследователей добродетель веры [2], что невозможно сказать о добродетели надежды, без изучения которой невоз-

¹ Первое послание апостола Павла к Коринфянам // Библия. Книги священного писания ветхого и нового завета. Юбилейное издание, посвященное тысячелетию крещения Руси. Ленинград: Печатный двор, 1988. С. 1244–1261.

² Послание апостола Павла к Римлянам // Там же. С. 1226–1244.

можно рассмотрение всей системы теологических добродетелей.

Концепция добродетели надежды Августина

Первоосновой концепции христианской надежды у Августина стали Послания ап. Павла. Всестороннее исследование христианской любви – агапэ в посланиях ап. Павла предпринял Р. Г. Апресян [1]. Понятие же добродетели надежды у ап. Павла изучено М. Поликарповским [5]. Его исследование убедительно показывает, что вера и упование, надежда и любовь представляют собой различные стороны сложной, но единой духовной установки [5, с. 98]. Понятие «надежда» в Посланиях ап. Павла употребляется в значении «спасение в надежде» и «ожидание» [5, с. 99]. В своем единстве надежда на спасение имеет три момента: обетование будущего, доверие к нему как аспект веры и терпеливость его ожидания [5, с. 99].

Не вызывает никакого сомнения, что концепция добродетели надежды Августина преемственна новозаветной концепции надежды. Отдельный труд Августина, написанный между 421 и 423 гг., «Энхиридион к Лаврентию о вере, надежде и любви» (*Enchiridion ad Laurentium, sive de Fide, Spe et Caritate*) посвящен триаде добродетелей. Понятие христианской надежды рассмотрено им также в главном труде жизни «О граде Божьем» (*De Civitate Dei* – поздний трактат в 22 книгах, потребовавший напряженной работы автора в течение многих лет, с 413 по 427 гг.) и в ряде речей. Несложно заметить, что понятие христианской добродетели надежды Августин формулировал на протяжении всей жизни.

Христианская надежда (*spes*) в системе добродетелей у Августина, как и у ап. Павла, неразрывно соединена с другими элементами триады – верой (*fides*) и любовью (*caritas*). Широко известно высказывание Августина, обосновывающее приоритет любви в теологической триаде

добродетелей: «возлюби Бога и делай все, что хочешь» (*dilige, et quod vis fac*)¹.

Но христианская любовь, как пишет Августин, не может существовать без веры и надежды: «апостол Павел одобряет и заповедует веру, движимую любовью (Гал. 5:6), которая, в свою очередь, не может быть без надежды. Следовательно, нет любви без надежды, нет надежды без любви, нет и обеих без веры»².

Вера является первым элементом триады не случайно. Она по времени предшествует надежде и любви. Только уверовав в Бога, человек получает доступ к обретению надежды и любви: «нельзя надеяться на то, во что не веришь. Верить же можно и в то, на что не надеешься»³. Поэтому, – сначала вера, за ней – надежда.

Продолжая сопоставлять добродетели, Августин пишет: «надеяться же можно только на доброе (*bonum*), только на будущее (*futurum*) и только на того, кого считают способным эту надежду оправдать»⁴. Это широкий контекст понимания надежды как эмоционального чувства, свойственный всем людям, а не только христианам. Христианская же добродетель, будучи основанной на общечеловеческом чувстве, имеет собственный субъект, объект и предмет.

Объект и предмет надежды христианина

В качестве предмета христианской надежды (того доброго, в контексте более широкого понимания чувства, на что необходимо надеяться) Августин, как и ап. Павел, выделяет спасение души. Обращаясь к собратьям по вере, он конкретизирует этот аспект: «Если хочешь знать, на что нужно надеяться, то указываю тебе на воскресение (*resurrection*) <...> И если

¹ Augustinus Aurelius (далее – Aug.) *Sermones. De verbis Dominis in evang. Ioan. VII, 8*. Здесь и далее цит. по изданию: Augustinus Aurelius. *Opera Omnia*. Ed. Froben. Basiliae. 1569.

² Aug. *Enchiridion ad Laurentium, sive de Fide, Spe et Caritate* (далее – *Ench.*), 8.

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.*

ты, человек, колеблешься теперь, то будь тверд в надежде, и если смущает тебя труд, пусть ободрит награда»¹.

Воскресение душ праведных христиан произойдет в будущем, поэтому, как пишет Августин, «мы думаем, что все, совершаемое в спасительных таинствах, больше имеет отношение к надежде на будущие блага, чем к удержанию или достижению настоящих»². В данном случае Августин напрямую связывает надежду на будущие блага (*spes futurorum bonorum*) со всем, совершаемым в спасительных таинствах (*totum quod salutaribus agit sacramentis*). Слово сочетание «спасительные таинства» (*salutaria sacramenta*) указывает на то, что его *spes* – христианская по своей сути надежда, а прилагательное *salutaris* подтверждает, что предметом христианской надежды является спасение души человека.

Согласно концепции надежды (*spes*) Августина, объектом надежды христианина может быть только Бог. «Из ... исповедания веры рождается благая надежда верующих, сопровождаемая святой любовью. Но из всех предметов веры к надежде относится только то, что заключается в Молитве Господней. “Проклят всякий, – как свидетельствует Божественное писание, – кто надеется на человека” (Иер. 17:5). А поэтому и тот, кто надеется на самого себя, подпадает под это проклятие. Следовательно, кроме как у Господа Бога мы не должны просить того, что мы надеемся или совершить надлежащим образом, или получить за добрые дела»³. Потому человек не должен надеяться на себя, он должен просить Бога и надеяться на его милость.

Данное положение концепции надежды (*spes*) у Августина очень важно, поскольку, в соответствии с объектом надежды христианина, он разделяет надежду (*spes* – надежда на Бога), являющуюся

элементом системы добродетелей, и превратную надежду (*perversa spes* – надежда на человека)⁴.

Таким образом, *spes*, как элемент системы христианских добродетелей человека, у Августина имеет предметом спасение и будущее воскресение души человека, которое произойдет по воле Бога. Христианская надежда должна проявляться в спасительных церковных таинствах (*sacramenta salutaria*) и молитве христианина, обращенной к Богу.

Цель и сущность христианской надежды

О цели и сущности христианской надежды Августин пишет так: «высочайшее благо града Божия заключается в мире вечном и совершенном, не в том, который переживают смертные, рождаясь и умирая, а в том, в котором пребывают бессмертные, не терпя вовсе никакого бедствия, то кто станет отрицать, что та жизнь – блаженнейшая; или кто не признает, что в сравнении с тою настоящей жизнью – самая жалкая, какими бы внешними душевными и телесными благами она не изобиловала? Впрочем, кто проводит последнюю так, что пользуется этою для достижения той, составляющей предмет его пламенной любви и непоколебимой надежды, о том не без основания можно сказать, что он и в настоящей жизни блажен, но только – надеждой, а не в действительности. Настоящая же действительность без этой надежды есть блаженство ложное и бедствие великое, ибо пользуется неистинными душевными благами»⁵.

Если сопоставить цель добродетели христианской веры (*fides*): «наученный начаткам веры, укрепленный любовью разум при добродетельной жизни порой достигает даже виденья, где святым и совершенным сердцам открывается неиз-

¹ Aug. Sermones, 345, 1.

² Aug. Ench., 66.

³ Aug. Ench., 114; об этом же Aug. De catechizandis rudibus, VIII, 4.

⁴ Aug. Sermones. De verbis Dominis in evang. sec. Matth., XXIX; Aug. Tractatus in Epistolam Joannis ad Parthos, LIX.

⁵ Aug. De Civitate Dei (далее – DCD), XIX, 20.

реченная красота, созерцание которой – высшее блаженство...Последнее есть сущность всего исповедания веры»¹ с целью христианской добродетели надежды (*spes*), указанной им в *De civitate Dei*², то становится очевидным, что они дополняют друг друга.

Целью христианской веры (*fides*) является познание истины и достижение высшего блаженства (*summa Felicitas*). Целью надежды (*spes*) является помощь христианину в преодолении им огромных бедствий (*magna misera*) реальной человеческой жизни на пути к достижению будущей блаженной жизни. Историческая действительность, когда жил и творил Августин, была, по его собственным словам, бедствием великим, и только надежда могла помочь в преодолении все новых и новых трудностей: «О, надежда, ты помогаешь все выносить слаще и приятнее!» (*O spes, tu omnia portare facis dulciter et suaviter*)³.

Страшная для римлян действительность конца IV и начала V вв. нашей эры определяет христианскую надежду (*spes*) на будущее спасение по воле Бога как одну из важных компонентов системы добродетелей. На период жизни Августина выпали события, через которые прошло римское государство перед своей гибелью под натиском германцев. Среди этих событий сильные социальные потрясения, особенно ярко проявившиеся в Северной Африке, где он жил и творил: восстание Гильдона 386–389 гг., движение циркумцеллионов. Это также завоевание «вечного города» готами, возглавляемыми Аларихом, в 410 г. Смерти самого Августина способствовало вандалское завоевание Северной Африки, поскольку он умер в 430 г. во время осады Гиппона вандалами. Все эти события были проявлением главного процесса – процесса разрушения римского государства, закончившего свое существование в 476 г.

¹ Augustinus Aurelius. Ench., 5.

² Aug. DCD, XIX, 20.

³ Aug. Sermones. Ad fratres in Eremito, X.

В этих исторических условиях сложной для римлян международной обстановки и начавшегося романо-германского синтеза надежда на спасение души в лучшем мире была как никогда актуальна для перенесения тягот повседневности.

Понимание надежды как ожидания блага, которое либо будет, либо нет: «надеждой» зовется благо, которое либо будет, либо нет»⁴, – хорошо известно античному миру. И рецепт: «умерь страх надеждой»⁵ тоже не новый для него. Но римский мыслитель Сенека оценивает надежду как порок: «одолей порок пороком – умерь страх надеждой» (*vitio vitium repelle, spe metum tempera*)⁶. Можно сказать, в римской стоической традиции надежда воспринимается как призрачное благо, которое может не случиться, поэтому оценивается как порок.

Такое отношение к надежде в римской мысли может быть обусловлено влиянием греческой философской традиции. Еще Платон указывал на «опасные и зависящие от необходимости состояния: для начала – удовольствие, эту сильнейшую приманку зла, затем страдание, отпугивающее от нас блага, а в придачу двух неразумных советчиц – дерзость и боязнь – и, наконец, гнев, который не внемлет уговорам, и надежду, которая не в меру легко внемлет обольщениям»⁷.

Античное мышление, таким образом, не воспринимает надежду в качестве ценностного ориентира, воспринимая ее как опасное состояние человеческой души или даже порок. Но христианская традиция, и Августин в частности, возведя надежду в ранг добродетели, предлагает новое, по сравнению с классической античностью, видение смысла человеческой жизни.

⁴ Lucius Annaeus Seneca. Epistulae philosophi, X, 2. Ed. Plantin. Antverpiae, 1652.

⁵ Lucius Annaeus Seneca. Epistulae philosophi, XIII, 12. Ed. Plantin. Antverpiae, 1652.

⁶ Ibid.

⁷ Платон Тимей // Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. 4.1 / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса; Пер. с древне-греч. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; «Изд-во Олега Абышко», 2007. С. 559.

В дальнейшем своем развитии, по точному выражению В. И. Уколовой, «на разных этапах средневековой истории эсхатологическая концепция христианской надежды, представленная Августином, постепенно наполнялась политическим смыслом. Начинает преобладать едва намеченная у Августина мысль о том, что политически организованное мирское общество существует, чтобы способствовать достижению высших человеческих упований, совпадающих с божественными устремлениями. Поэтому христианская надежда приобретает все более земной и действенный характер» [6, с. 140–141].

Продолжая мысль, можно отметить, что особенно сильное воздействие на умы людей и общественное развитие в целом, концепция христианских теологических добродетелей, важное место среди которых занимает надежда, оказывала в период высокого средневековья – период господства религии и церкви над сознанием людей. Постепенно утрачивая свою актуальность с наступлением нового времени и эпохи Возрождения, концепция продолжает оставаться значимой и в настоящее время.

Заключение

Проведенное исследование выявило содержание понятия христианской теоло-

гической добродетели «надежда» как надежды на будущее спасение и воскрешение Богом души христианина. Данное понимание было заложено в новозаветных посланиях апостола Павла и получило развитие в трудах Августина Блаженного. Августин обосновал предмет, субъект и объект добродетели надежды, отграничив ее от понятия «превратной надежды» как эмоционального чувства, свойственного дохристианской античной мысли. Если в языческой античности надежда воспринимается как ожидание блага, которого может и не быть, и потому может оцениваться как порок, то в раннем христианстве «надежда» – безусловная добродетель, обретаемая вслед за верой и неразрывно связанная с любовью в триадической системе теологических христианских добродетелей. Целью и назначением добродетели надежды является помощь христианину в перенесении тягот реальной земной жизни, особенно остро ощущавшихся в период кризиса и развала Римской империи. Получив формулировку понятия в учении Августина, добродетель христианской надежды обрела свое существование и развитие в последовавшие столетия.

Статья поступила в редакцию 14.02.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Р. Г. Агапэ // Человек, 2015. № 3. С. 26–39.
2. Джавиш О. Учение о вере и разуме Августина Аврелия: содержание и становление // Философская мысль. 2019. № 4. С. 44–49.
3. Иеромонах Афанасий (Букин). К вопросу о титуловании блаженного Августина Аврелия в восточной православной традиции // Христианское чтение. 2018. № 3. С. 60–72.
4. Козарезова О. О. Влияние на западную иконографию категории любви в тринитарной концепции блж. Августина // Поиск истины как аксиологическая парадигма гуманитарного знания: прошлое, настоящее, будущее материалы по итогам VII Иоанновских научных чтений: сборник статей. М.: Летний сад, 2018. С. 199–210.
5. Поликаровский М. Понятие «надежда» в Посланиях апостола Павла // Труды Саратовской православной Духовной семинарии. 2014. № 8. С. 96–104.
6. Уколова В. И. Философия истории Аврелия Августина // Религии мира: ежегодник, 1985. М.: Наука, 1986. С. 127–145.
7. Хондзинский П. В. Средневековая проповедь FORTIS EST UT MORS DILECTIO в контексте августирианской традиции // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19. № 3. С. 130–139.
8. Шубина М. М., Медведь В. Д. Учение Августина как основа христианской этики любви // Интеграция наук. 2017. № 4 (8). С. 90–92.

REFERENCES

1. Apresyan R. [Agape]. In: *Chelovek* [Man], 2015, no. 3, pp. 26–39.
2. Dzhavish O. [The doctrine of the faith and the mind of Aurelius Augustine: the content and formation]. In: *Filosofskaya mysl'* [Philosophical thought], 2019, no. 4, pp. 44–49.
3. Monk Athanasius (Bukin). [To the issue of titles of St. Augustine Aurelius in the Eastern Orthodox tradition]. In: *Khristianskoe chtenie* [Christian reading], 2018, no. 3, pp. 60–72.
4. Kozarezova O. [The influence of the Western iconography of the categories of love in the Trinitarian concept of blessed John Paul II. Augustine]. In: *Poisk istiny kak aksiologicheskaya paradigma gumanitarnogo znaniya: proshloe, nastoyashchee, budushchee materialy po itogam VII Ioannovskikh nauchnykh chtenii: sbornik statei* [The search for truth as an axiological paradigm of humanitarian knowledge: past, present and future materials on the basis of John VII scientific readings: collection of articles]. Moscow, Letnii sad Publ., 2018, pp. 199–210.
5. Polikarovskii M. [The concept of "hope" in the Epistles of the Apostle Paul]. In: *Trudy Saratovskoi pravoslavnoi Dukhovnoi seminarii* [Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary], 2014, no. 8, pp. 96–104.
6. Ukolova V. [The philosophy of history Aurelius Augustine]. In: *Religii mira: ezhegodnik, 1985* [Religion of peace: Yearbook, 1985]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 127–145.
7. Khondzinskii P. [Medieval sermon FORTIS EST UT MORS DILECTIO in the context of the Augustinian tradition]. In: *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 2018, vol. 19, no. 3, pp. 130–139.
8. Shubina M., Medved' V. [Augustine]. In: *Integratsiya nauk* [Science integration], 2017, no. 4 (8), pp. 90–92.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Епифанова Татьяна Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД РФ;
e-mail: tanjaepi@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana V. Epifanova – PhD in Historical sciences, associate professor at the Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
e-mail: tanjaepi@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Епифанова Т. В. Добродетель надежды в раннем христианстве: становление и содержание понятия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 2. С. 159–165.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-159-165

FOR CITATION

Epifanova T. The virtue of hope in early Christianity: the formation and content of the concept. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 2, pp. 159–165.

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-159-165

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-166-174

К ВОПРОСУ ОБ ОТКРЫТИИ ФЛОРИДЫ В 1513 г.

Ашрафьян К. Э.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация***Аннотация.**

Целью статьи является анализ происходивших в Испании и в Вест-Индии накануне 1513 г. событий, приведших к открытию Флориды.

Процедура и методы исследования. Автором проанализирован корпус исторических источников и выявлены причинно-следственные связи, которые до этого не были отражены или были отражены только частично – без связи с остальными событиями в разных частях мира из-за разрозненности информативных источников в прошлом.

Результат проведенного исследования. Переосмысление взгляда на события, которые привели к экспедиции Понсе де Леона, открывшей Флориду в 1513 г.

Теоретическая / практическая значимость. Автору удалось обновить проблематику открытия Флориды как одного из ключевых моментов в истории Конкисты и пересмотреть события 1513 г. в новом свете взаимодействий различных факторов, происходящих в обществах испанских колонистов в Вест-Индии в начале 16 в., а также в Европе и на территориях аборигенов Южной Флориды.

Ключевые слова: Вест-Индия, договор Санта-Фе (*Capitulaciones de Santa Fe*), Фердинанд II Арагонский, Диего Колумб, Хуан Понсе де Леон

CONSIDERING THE DISCOVERY OF FLORIDA IN 1513

K. Ashrafyan*Moscow Region State University**24 Very Voloshinoi ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation***Abstract.**

Aim. To analyze the events that took place in Spain and in the West Indies before the discovery of Florida. The collected new and existing materials were used to investigate the internal and external reasons that led to the need for Ponce de Leon's expedition in 1513.

Methodology. The author analyzed the corpus of texts and found multiple causal relationships that had previously been either ignored or described partially without connection with other events in different parts of the world due to the fragmentation of informative sources in the past.

Results. The study presents a new perspective on the events of the expedition of Ponce de Leon, who discovered Florida in 1513.

Research implications. The author managed to upgrade the issue of the opening of Florida as one of the key moments in the history of the Conquest and to review the events of 1513 in a new light of the interplay of various factors occurring in the societies of Spanish colonists in the West Indies in the early 16th century, as well as in Europe and in the territories of the aborigines of South Florida.

Keywords: Ponce de Leon, Ferdinand II, Diego Colon, Fountain of the Youth, Calusa, Florida, Bimini

Введение

17 апреля 1492 г. между «католическими королями» и Христофором Колумбом был заключен «договор Санта-Фе» (*Capitulaciones de Santa Fe*). На основании этого договора Христофор Колумб пожизненно назначался адмиралом и вице-королем открытых в будущем земель с правом передачи титула по наследству¹.

В 1499 г. Христофор Колумб был обвинен во многих преступлениях и в кандалах вместе с братьями был доставлен в 1500 г. в Испанию на суд². Колумб был оправдан через некоторое время как навигатор и исследователь, хотя и был признан неудовлетворительным губернатором, и 3 сентября 1501 г. на его место «католические короли» назначили Николаса де Овандо. Поэтому *прав как губернатор на открытые им земли Колумб уже не имел*³ [7, с. 37; 9, с. 170]. С 1504 г. до самой смерти (20 мая 1506 г.)⁴ он постоянно судился с испанской короной, требуя возместить ущерб.

Наследником стал его единственный законнорожденный сын – Диего Колумб [7, с. 156]. В 1508 г. король Фердинанд подтверждает *губернаторство* Диего Колумба в Вест-Индии, *но только на то время, которое он сам пожелает («милосердие будет»)*. В 1508 г. Диего Колумб как губернатор уехал в Вест-Индию [6, с. 303; 7, с. 116–117].

НАРРАТИВ

1508–1511 гг. Вест-Индия

После прибытия Диего Колумба в 1508 г. на Эспаньолю в среде конкистадоров Вест-Индии образовались два

враждебных лагеря. Один – лагерь «роялистов» во главе с королевским казначеем Пасамонте, который «был в большой чести у короля» [6, с. 82, 111], а другой – лагерь тех, кто оставался верен «дому Колумбов». Сам Диего Колумб щедро распределял земли путем энкомьенды (исп. *encomienda*)⁵ среди сторонников и пытался построить новое общество, основанное на своих принципах.

Череда событий, которая послужила установлению откровенной вражды между королем Фердинандом и Диего Колумбом, началась с губернаторства Понсе де Леона [6, с. 73]. Едва Диего Колумб прибыл в качестве губернатора «Вест-Индий», как тут же узнал, что Фердинанд в 1508 г. назначил Хуана Понсе де Леона губернатором острова Сан-Хуан (другие названия острова – Борикен или Пуэрто-Рико). Это назначение должно было исходить от Диего Колумба и было прямым посягательством на права «дома Колумбов» в результате которого разгорелся нешуточный конфликт [6, с. 73]. Вскоре возникли и другие спорные вопросы, которые еще больше усугубили ситуацию [6, с. 280].

1511 г. Неожиданные события в Севилье (Королевство Кастилия и Леон)

В 1511 г. Диего Колумб через суд⁶ потребовал возврата юрисдикции «дома Колумбов» на все земли Вест-Индии, открытых его отцом – Христофором Колумбом, инициировав судебный процесс с испанской короной (так называемые *Los Pleitos Colombinos*), требуя признать его «бессменным вице-королем Новых

¹ Текст «договора Санта-Фе» см.: http://servicios2.abc.gov.ar/docentes/efemerides/12deoctubre2009/descargas/europa/capitulaciones_sanatafe.pdf

² В 1500 году Колумб и его два брата в цепях были доставлены в Кадис (см.: Encyclopedia Britannica. Available at: <https://www.britannica.com/biography/Christopher-Columbus>).

³ См.: <https://www.britannica.com/biography/Christopher-Columbus/The-second-and-third-voyages>.

⁴ Ibid.

⁵ Энкомьенды – это система пожалования земельных владений в Вест-Индии вместе с живущими на них индейцами была утверждена еще 20 декабря 1503 г. королевой Изабеллой I [7, с. 48–49].

⁶ Документы о судебных тяжбах между испанской короной и домом Колумбов можно прочесть: Vilar T. V. Documentos Los Pleitos Colombinos (https://www.researchgate.net/publication/319139023_Columbus's_Inheritance_A_New_Edition_of_the_Misnamed_Pleitos_Colombinos) (accessed 5 December 2019).

Индий с правом получения 10% выгоды, получаемых со всех Индий»^{1, 2}.

Последствием, которое инициировало ускорение дальнейших Великих открытий в мировой истории, стало судебное решение 1511 г. в Севилье по спору между испанской короной и Диего Колумбом³. Оно предусматривало передачу открытых Христофором Колумбом земель Вест-Индии из-под юридической власти Короны «дому Колумба»⁴. А это значило лишение испанской короны управления и, следовательно, большей части прибыли от доходов в Вест-Индии. *Нужно было срочно найти новые земли, чтобы они стали собственностью уже не «дома Колумба», а собственностью с прямым управлением испанской короны.* И для поиска новых земель необходим был человек, преданный лично королю Фердинанду II Арагонскому.

1511–1512 гг. Санто-Доминго. Эспаньола. Воскресная проповедь доминиканских монахов и ее последствия

Еще одним ударом по Диего Колумбу и его управлению было сделано доминиканскими монахами. В воскресной проповеди в Санто-Доминго на Эспаньоле – в сердце «Вест-Индий» – 30 ноября 1511 г. доминиканский монах-проповедник Антонио де Монтесинос выступил публично [11, р. 381] против существующего порядка правления Диего Колумба и «энкомьенды»⁵ и его поддержали все доминиканские монахи [11, р. 279]. С момента своего приезда в Вест-Индию они составили увесистые тома о неправо-

мерных и жестоких действиях колонистов против аборигенов и неправильном управлении администрации, подкрепляя это свидетельскими показаниями. Монахи же Францисканского ордена поддержали Диего Колумба. Поэтому оба Ордена незамедлительно направили свои делегации к королю Фердинанду в Испанию.

1511–1512 гг. Кастилия, Вальядолид

Фердинанд II Арагонский счел показания доминиканцев достаточно сильным аргументом, направленным против существующего порядка управления Вест-Индии вице-королем Диего Колумбом и его сторонниками. Это был весьма хороший повод, чтобы осудить правление Диего Колумба. Поэтому по прямому указанию испанской короны группой богословов и юристов под названием «хунта Бургоса» был написан свод законов и договоров об обращении с индейцами, известный как «Законы Бургоса»⁶, которые Король Фердинанд II Арагонский одобрил 27 декабря 1512 г. (*Las Leyes de Burgos*⁷) [11, р. 104].

1508–1511 гг. События в Пуэрто-Рико

Анализируя имеющиеся документы, мы можем понять, почему именно Понсе де Леон был выбран в качестве такого кандидата. А для этого необходимо упомянуть, что именно король Фердинанд выдал грамоту Понсе де Леону в 1508 г. на заселение Пуэрто-Рико. Благодарный Понсе де Леон с подачи королевского казначея и лидера партии «роялистов» Пасамонте тут же собрал и прислал испанской Короне найденное на острове Пуэрто-Рико большое количество золота [6, с. 73]. Также Хуан Понсе де Леон сразу же установил мир с индейцами племени таино

¹ Vilar T. V. Documentos ...

² Диего пошел на этот шаг, осознав, что у него за спиной стоит огромная сила, которую он приобрел своим браком: Диего Колумб удачно женился на девице из знаменитого рода Герцога Альбы (см.: Encyclopedia Britannica. Available at: <https://www.britannica.com/biography/Diego-Columbus>).

³ См.: <https://dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/134615.pdf>

⁴ Vilar T.V. Documentos ...

⁵ См. в Encyclopedia Britannica: <https://www.britannica.com/topic/encomienda> и <https://www.britannica.com/topic/encomienda#ref45101>.

⁶ См.: <https://en.todocoleccion.net/second-hand-books-ancient-history/facsimil-leyes-burgos-espana-1512~x150983362>.

⁷ О Законах Бургоса: https://www.jstor.org/stable/20135913?read-now=1&seq=1#page_scan_tab_contents и <https://www.britannica.com/event/Laws-of-the-Indies#ref289373>.

на острове, найдя общий язык со старым вождем по имени – Агуэбана I (Гуайбано) [3, с. 226] и предоставил аборигенам защиту от людоедов-карибов [12, р. 184].

Тот же старый вождь Гуайбано рассказал Понсе де Леону о стране, расположенной далеко на севере, – Бимини (будущей Флориде. – прим. К. А.) [6 с. 330–341]. Однако вскоре Агуэбана I умер, и молодой вождь Борикена (т. е. Пуэрто-Рико) – Агуэбана II поднял восстание во главе 10.000 индейцев и решил очистить остров от испанцев [4, с. 342; 12, р. 204].

Имея в распоряжении всего 300 поселенцев, Понсе де Леон проявил организаторский и военный таланты и смог подавить восстание аборигенов в считанные дни. Однако это не помешало Диего Колумбу снять Понсе с губернаторства [4, с. 332; 12, р. 210] и прислать ему на смену нового губернатора, своего человека, – Хуана Серона, а в качестве главного судьи – Мигеля Диаса (оба были ставленниками Диего Колумба) [6, с. 73; 12, р. 258]. Этим решением Диего Колумб показал испанской короне, что он лично намерен быть хозяином Вест-Индии и всюду использовать судебную практику против верных испанской короне «роялистов».

1511 г. Вест-Индия, Куба

К концу 1511 г. Диего Колумб организовал экспедицию Диего Веласкеса (*Diego Velázquez de Cuéllar*) для захвата и покорения Кубы. Этот остров входил в число земель, открытых еще Христофором Колумбом. Его завоевание было на тот момент необходимо для расширения границ юрисдикции Диего Колумба. Веласкес отлично справился с задачей и, высадившись в заливе Баракоа (Лас-Пальмас) с отрядом в 300 человек, сломил сопротивление объединенных отрядов аборигенов под предводительством бежавшего перед этим с Эспаньолы касика Атуэя (Hatuéy) [6, с. 92–100]. Он основал поселение и стал губернатором острова. Таким образом, Диего Колумб расширил свои владения.

1511–1512 гг. Кастилия, Вальядолид

Королю Фердинанду необходимо было что-то срочно предпринять, так как утрата контроля над Вест-Индией означала сокращение добываемого там на рудниках золота и серебра и доходов от торговли. Важным фактором был и тот момент, что от Бартоломе Колумба (брата Христофора Колумба)¹ поступило официальное заявление на открытие страны Бимини (*Bimini*), появившийся на карте Мартира д'Ангиера (Петера Мартира) в 1511 г.²

Фердинанду надо было действовать стремительно. Свою просьбу об организации экспедиции по открытию новых земель король Фердинанд передал Хуану Понсе де Леону через своего казначея и лидера роялистов Пасамонте. Понсе, находившийся в сложном положении, так как его корабль был арестован, а капитан корабля Хуан Кэхо заключен в тюрьму, сразу же согласился. Тем более, что против самого Понсе де Леона выдвинули обвинения в незаконных денежных операциях; его людей стали сгонять с их земель, отдавая эти земли соратникам Диего Колумба и новому губернатору [6, с. 73–74, 88].

Есть все основания считать, что в условиях противоборствующего общества испанских колонистов в Вест-Индии выбор Понсе де Леона королем был более чем удачен, и это можно легко доказать.

Во-первых, Понсе де Леон был врагом Диего Колумба, который лишил его губернаторства, положения, денег и, по свидетельству очевидцев, «решил сжить его со света» [12, р. 258].

Во-вторых, Понсе де Леон имел свой корабль и свои средства, полученные им от доходов со времени губернаторства

¹ Peck D. T. Misconceptions and Myths Related to the Fountain of Youth and Juan Ponce de Leon's 1513 Exploration Voyage (<http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.403.8989&rep=rep1&type=pdf>).

² Карта Петро Мартира д'Ангиера (Петера Мартира) 1511 г. (https://www.infestation.net/photo_gallery.php?photo_id=873).

в Пуэрто-Рико [6, с. 88]. Этого хватало для осуществления миссии по открытию новых земель, и Понсе был готов вкладывать собственные деньги в это рискованное предприятие, так как все равно их конфисковали бы через суд новый судья и губернатор Пуэрто-Рико, преданные Диего Колумбу.

В-третьих, Понсе был ценен как администратор и губернатор, имея богатый опыт управления индейцами в провинции на Эспаньоле [7, с. 88] и основания колонии поселенцев на Пуэрто-Рико. Его быстрое установление хороших отношений с аборигенами Пуэрто-Рико в начале заселения острова резко контрастировало с постоянными войнами и восстаниями индейцев на Эспаньоле.

В-четвертых, Хуан Понсе де Леон также показал свои военные способности и был достаточно опытен в войне против аборигенов как на Эспаньоле, так и в Пуэрто-Рико, где он смог с небольшими силами противостоять огромному числу индейцев.

В-пятых, есть еще один важный момент в научной литературе – это спорные вопросы разных авторов о «Фонтане Молодости». Имеются диаметрально противоположные точки зрения, которые, описывая жизнь Понсе де Леона, по-разному освещают этот вопрос. Их оценки и обоснования этого фактора противоречат друг другу¹ [16; 17], но мы не будем их рассматривать в рамках этой статьи, хотя этот фактор достаточно интересный.

Обобщая все вышеперечисленное, мы понимаем, что стратегическая победа испанской короны в дальнейшем в судебных вопросах юридической принадлежности Вест-Индии была бы невозможна без важного тактического шага в 1512 г.

¹ Повторивший путь Понсе де Леона на своей яхте и переписавший место исторической высадки его экспедиции энтузиаст и исследователь Пек достаточно обоснованно дает предположения о том, что экспедиция Понсе не была связана с Фонтаном Молодости, хотя большинство авторов хроник утверждают обратное: см. Peck D.T. Misconceptions and Myths ...

по организации экспедиции для открытия новых земель.

23 февраля 1512 г. Хуан Понсе де Леон получил Контракт (*Asiento de Juan Ponce de Leon*) от короля Фердинанда II Арагонского на открытие острова Бимини (*Bimini*)², король также назначил Хуана Понсе де Леона *аделантадо*³ и *алькальд*⁴ острова Бимини [4, с. 320–341].

А ведь именно эти назначения были огромным новшеством для всей политики испанской короны для всех последующих Великих открытий – еще ни разу Корона не давала званий *аделантадо* еще до того, как открыта земля. Теперь же *был создан прецедент*, когда экспедиция была организована без помощи и одобрения «дома Колумба». Сложилась ситуация, когда еще не открытую землю Корона уже отдавала для губернаторства, минуя и игнорируя администрацию во главе с вице-королем Вест-Индии Диего Колумбом на Эспаньоле.

Назначение же *альгвасилом* (главным судьей)⁵ еще не открытой земли Бимини давало Понсе де Леону возможность судебной власти и перечеркивало любые юридические попытки засудить обладателя титула *аделантадо* (губернатора с широкими полномочиями)⁶. Это было важное и очень успешное и юридически грамотное решение короля Фердинанда в уже идущих и будущих судебных тяжбах с семьей Колумба.

Король Фердинанд, помня о негативном опыте с предыдущими экспедициями

² Browne Ayes J. J. Juan Ponce de Leon His New and Revised Genealogy. Morrisville: lulu.com, 2010, pp. 100.

³ Аделантадо – это титул конкистадора, который направлялся королём на исследование и завоевание земель, лежащих за пределами испанских владений. Этот титул давал право самостоятельно организовывать экспедиции, не испрашивая на то разрешения местных властей [7, с. 60–64]. Аделантадо имел права распределять земли и назначать мелких чиновников [12, p. 260].

⁴ Алькальд – исп. *Alcalde* (https://bigenc.ru/world_history/text/1815733).

⁵ Альгвасил – исп. *Alguasil* (<https://www.britannica.com/topic/Romance-languages/Vocabulary/Alguasil>)

⁶ Аделантадо – исп. *Adelantado* (<https://www.britannica.com/topic/adelantado>).

Колумба и Пинсона, ограничил в договоре время открытия и заселения новой земли: у Понсе де Леона было всего три года [4, с. 330–341]. Чтобы экспедиция не была сорвана, 10 декабря 1512 г. король назначает Хуана Понсе де Леона инспектором (*Alcade*) и казначеем (*Tesorero*) острова Сан Хуана Батисты (т. е. Пуэрто-Рико), на котором готовилась экспедиция [12, р. 269]. Таким образом, король Фердинанд смог убрать все препятствия, которые могли бы быть со стороны Диэго Колумба и его сторонников во время подготовки экспедиции Понсе де Леона.

В такой внутривосточной борьбе двух домов – правящего «дома Трастамары»¹ и «дома Колумбов» и состоялась экспедиция к новым землям.

Экспедиция 1513 г. Хуана Понсе де Леона

Всего в экспедиции участвовало три корабля: каравелла «Сантьяго»; каравелла «Санта Мария де ла Консоласион»; бригантина «Сан-Кристоваль». Капитанами трех судов были назначены лично доверенные лица Хуана Понсе де Леона: Хуан Боно де Кэхо (*Juan Bono De Quejo*), Диэго Бермудес (*Diego Bermudez*) и Хуан Перес де Ортубиа (*Juan Peres De Ortuba*). Команда насчитывала 65 человек (есть расхождения в количестве у разных авторов – 49 человек или 54 человека) [12, р. 291]. В качестве навигатора был взят Антон де Аламинос – очень важная фигура в последующих Великих открытиях и достаточно интересный, но мало упоминаемый персонаж, благодаря которому экспедиция 1513 г. была успешной. Антон де Аламинос позже служил пилотом Франсиско Эрнандо де Кордобе (1517), Хуану де Грихальве (1518) и Эрнану Кортесу (1519) при открытии Новой Испании (Мексика)².

3 марта 1513 г. состоялось отплытие из Сан-Жермен (*Guayanilla*) армады из

трех судов «аделантадо Бимини» Хуана Понсе де Леона [11, р. 17]. Эта впечатляющая и дорогостоящая экспедиция была полностью оплачена Понсе де Леоном, поскольку он ожидал, что его цель полностью окупит его усилия и инвестиции. В результате семимесячной экспедиции были открыты Флорида, течение Гольфстрим, остров Бимини и еще ряд островов Багамского архипелага. Сам Понсе де Леон по возвращении получил личный герб из рук короля Фердинанда и новый контракт на заселение открытых им территорий³.

Важным моментом является тот малоизвестный факт, что Диэго Колумб послал вслед за экспедицией Хуана Понсе де Леона свой корабль под управлением капитана Диэго Мируэло. Целью его плавания было отследить маршрут Хуана Понсе де Леона для организации в дальнейшем экспедиции «дома Колумбов» на север и попытаться установить свой протекторат над новыми землями, что и было сделано в 1516 г.⁴

Заключение

Итак, факты свидетельствуют о том, что экспедиция 1513 г. по открытию новых земель, организованная Хуаном Понсе де Леоном с откровенной подачи испанской короны, стала результатом внутреннего конфликта, развернувшегося в юридическом поле Испании между правящим «домом Трастамара» и «домом Колумба», которые включились в гонку в попытке поставить под свою юрисдикцию земли вокруг Вест-Индии. По результатам исследования мы видим, что открытие Флориды явилось важным поворотным моментом, недооцененным в научной литературе как точка, с которой начался ускоренный отсчет времени

³ Shea J. G. The Catholic Church in the colonial days. Book II. 1521–1763. New York: John G. Shea, 1886, pp. 102–103.

⁴ Annual Report of the Superintendent of the U.S. Coast and Geodetic Survey. Washington, Government Printing Office, 1885, pp. 517.

¹ Дом Трастамара был представлен Фердинандом II Арагонским. См.: Большая Российская энциклопедия (https://bigenc.ru/world_history/text/4200484).

² Peck D. T. Misconceptions and Myths ...

в гонке за поисками новых земель. И в этой гонке участвовали два противоборствующих лагеря – «дом Колумбов» и испанская корона. То, что король впервые давал звание **аделантадо** для еще неизведанных земель, было уже новым шагом, показывая всем в Испании и в Вест-Индии, что «дом Колумба» может быть просто проигнорирован, а разрешение на открытие новых земель может быть выдано Короной в обход администрации Вест-Индии.

Именно *это повернуло ход всей конкисты в другую плоскость*. Назначением Понсе де Леоне аделантадо и альгвасилом новых еще не открытых земель король Фердинанд создал новые ряды конкистадоров, которые поняли, что могут рассчитывать не на поддержку уже сложившейся группы, образовавшейся вокруг Диего Колумба, а действовать с благословения самого короля Фердинанда II Арагонского. А это, в свою очередь, дало новый стимул и подхлестнуло вице-короля Вест-Индий Диего Колумба и его соратников

на активизацию своих действия по поиску новых земель. Еще одним важным шагом было то, что после этой экспедиции все остальные имели на борту священников для обращения аборигенов в католическую христианскую веру. «Законы Бургаса» изменили вектор дальнейшей конкисты и вызвали шквал энтузиазма среди священников по установлению христианских миссий на новых землях.

С 1513 г. конкиста была отдана в руки предприимчивых людей, которые заключали с королем контракт («капитуляцию») на открытие новых земель с тремя условиями: объявить земли собственностью испанской короны, христианизировать аборигенов и отдать пятую часть в королевскую казну [4, с. 8]. Король не рисковал ничем – конкистадоры рисковали жизнью и всем, что у них есть. И, как мы видим из дальнейшей истории «Великих Открытий», эта политика испанской короны себя оправдала.

Статья поступила в редакцию 20.01.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашрафьян К. Э. История Флориды от ...: в 5 ч. Ч. 1. Кровь и обман. Чарльстон: Криэйт Спейс, 2016. 305 с.
2. Кофман А. Ф. Америка несбывшихся чудес. М.: Профобразование, 2001. 347 с.
3. Кофман А. Ф. Конкистадоры. Три хроники завоевания Америки. М.: Эрвез, 2009. 608 с.
4. Кофман А. Ф. Под покровительством Сантьяго. Испанское завоевание Америки и судьбы знаменитых конкистадоров. СПб.: Крига, 2017. 1032 с.
5. Кофман А. Ф. Рыцари Нового Света. М.: Пан Пресс, 2006. 200 с.
6. Лас Касас Б. История Индий. Л.: Наука, 1968. 471 с.
7. Магидович И. П., Магидович В. Д. Очерки по истории географических открытий. Великие географические открытия (конец XV – середина XVII вв.). М.: Просвещение, 1983. 399 с.
8. Тексты на английском языке и задания к ним для студентов факультета географии. СПб.: РГПУ, 2014. 64 с.
9. Хроники открытия Америки. Новая Испания. Книга I: Исторические документы / Пер. с исп. М.: Академический Проект, 2000. 496 с.
10. Цукерник Д. Я. О целях экспедиции Колумба. Том II, вып. 3. Алма-Ата: Талдыкурганская типография, 1957. 56 с.
11. Ashrafyan K. E. History of Florida by... Fountain of Youth 1513–1514. Charleston: Create Space Publisher, 2017. 325 p.
12. Ashrafyan K. E. History of Florida by... Myths and heroes. 1511–1513. Charleston: Create Space Publisher, 2017. 332 p.
13. Devereux A. Q. Juan Ponce De Leon, King Ferdinand, and the Fountain of Youth. Spartanburg: Published in association with Waccamaw Press by the Reprint Co., 1993. 216 p.
14. Merás G. S. Pedro Menéndez de Avilés and the conquest of Florida: a new manuscript. Gainesville: University Press of Florida, 2017. 431 p.

15. Peck D.T. Ponce de Leyn and the Discovery of Florida: The Man, the Myth, and the Truth. Sarasota: Pogo Press, 1993. 87 p.
16. Fusion R. H. Juan Ponce de Leon: And the Spanish Discovery of Puerto Rico and Florida. Granville: Mc Donald & Woodward Pub Co, 1999. 284p.
17. Sanz V. M. Juan Ponce de Leon. Barcelona: Pareja. 1971. 253p.

REFERENCES

1. Ashraf'yan K. *Istoriya Floridy ot ...: v 5 ch. Ch. 1. Krov' i obman* [The history of Florida from ... in 5 parts. Part 1. Blood and deception]. Charleston, Create Space Publisher Publ., 2016. 305 p.
2. Kofman A. *Amerika nesbyvshikhsya chudes* [America of unfulfilled miracles]. Moscow, Profobrazovanie Publ., 2001. 347 p.
3. Kofman A. *Konkistadory. Tri khroniki zavoevaniya Ameriki* [Conquistadors. Three Chronicles of the conquest of America]. Moscow, Ervez Publ., 2009. 608 p.
4. Kofman A. *Pod pokrovitel'stvom Sant'yago. Ispanskoe zavoevanie Ameriki i sud'by znamenitykh konkistadorov* [Under the patronage of Santiago. The Spanish conquest of America and the fate of famous conquistadors]. St-Petersburg, Kriga Publ., 2017. 1032 p.
5. Kofman A. *Rytsari Novogo Sveta* [Knights Of The New World]. Moscow, Pan Press Publ., 2006. 200 p.
6. Las Kasas B. *Istoriya Indii* [History Of The Indies]. Leningrad, Nauka Publ., 1968. 471 p.
7. Magidovich I., Magidovich V. *Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytii Velikie geograficheskie otkrytiya (konets XV – seredina XVII vv.)* [Essays on the history of geographical discoveries of the Great geographical discoveries (late XV – mid XVII centuries)]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1983. 399 p.
8. Great names, great discoveries: *Teksty na angliiskom yazyke i zadaniya k nim dlya studentov fakul'teta geografii* [The English texts and tasks for students of the faculty of geography]. St-Petersburg, RGPU Publ., 2014. 64 p.
9. *Khroniki otkrytiya Ameriki. Novaya Ispaniya. Kniga I: Istoricheskie dokumenty* [Chronicles the discovery of America. New Spain. Book I: Historical documents]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2000. 496 p.
10. Tsukernik D. *O tselyakh ekspeditsii Kolumba. Tom II, vyp. 3* [About the purpose of the expedition of Columbus, vol. II, iss. 3]. Alma-Ata, Taldykurganskaya tipografiya Publ., 1957. 56 p.
11. Ashrafyan K. History of Florida by... Fountain of Youth 1513–1514. Charleston: Create Space Publisher, 2017. 325 p.
12. Ashrafyan K. History of Florida by... Myths and heroes. 1511–1513. Charleston: Create Space Publisher, 2017. 332 p.
13. Devereux A. Juan Ponce De Leon, King Ferdinand, and the Fountain of Youth. Spartanburg, Published in association with Waccamaw Press by the Reprint Co., 1993. 216 p.
14. Merás G. Pedro Menéndez de Avilés and the conquest of Florida: a new manuscript. Gainesville, University Press of Florida, 2017. 431 p.
15. Peck D. Ponce de León and the Discovery of Florida: The Man, the Myth, and the Truth. Sarasota, Pogo Press, 1993. 87 p.
16. Fusion R. Juan Ponce de Leon: And the Spanish Discovery of Puerto Rico and Florida. Granville, Mc Donald & Woodward Pub Co, 1999. 284 p.
17. Sanz V. Juan Ponce de Leon. Barcelona, Pareja. 1971. 253 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ашрафьян Константин Эдуардович – аспирант кафедры археологии, древней истории и истории средних веков Московского государственного областного университета;
e-mail: kea6465@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin E. Ashrafyan – postgraduate student at the Department of archaeology, ancient history and middle ages history, Moscow Regional State University;
e-mail: kea6465@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ашрафьян К. Э. К вопросу об открытии Флориды в 1513 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 2. С. 166–174.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-166-174

FOR CITATION

Ashrafyan K. Considering the discovery of Florida in 1513. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 2, pp. 166–174.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-166-174

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 327

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-175-186

ЛОГИКА ЭВОЛЮЦИИ ЗНАЧИМОСТИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В КОНЦЕПЦИЯХ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ: КОНТЕКСТЫ И КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ

Джаббаринасир Х. Р.

*Национальный институт социальных и культурных исследований Исламской Республики Иран
1666914711, Тегеран, проспект Пасдаран, пер. Гулистон 1, 124, Иран*

МГИМО МИД России

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, Российская Федерация

Аннотация.

Цель данной статьи заключается в исследовании логики эволюции значимости Ближнего Востока в концепциях внешней политики России.

Процедура и методы исследования. Используются тексты концепций, профильные научные исследования, торгово-экономическая статистика. В качестве основных методов исследования применены метод сравнительного анализа и системный подход, позволившие объяснить влияние вариативных факторов на динамику значимости региона в концепциях внешней политики России.

Результаты проведённого исследования. Сделан вывод, что декларируемая в концепциях внешней политики значимость Ближнего Востока не всегда соответствовала реальному масштабу вовлеченности России в дела региона. В первых концепциях приоритетность региона подчеркивалась преимущественно в контексте экономического прагматизма, а тон самих документов оставался сдержанно-оборонительным. Риторика последних документов говорит о решимости России усилить в регионе свои геополитические позиции.

Теоретическая/практическая значимость. Внесен вклад в дальнейшее осмысление проблематики региональной внешней политики России, в выдвижение реалистичных сценариев концептуально-прикладного развития приоритетов российской дипломатии на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: геополитика, Ближний Восток, концепция внешней политики России, дипломатия

EVOLUTION OF THE SIGNIFICANCE OF MIDDLE EAST IN RUSSIAN FOREIGN POLICY CONCEPTS: CONTEXTS AND KEY FACTORS

H. Jabbarinasir

IRI's National Institute for Cultural and Social Studies

Pasdaran Avenue, 1st 124 Gulistan St, Tehran 1666914711, Iran

MGIMO University MFA Russia

76 Prospect Vernadskogo, Moscow 119454, Russian Federation

© CC BY Джаббаринасир Хасан Реза, 2020.

Abstract.

Aim. To study the evolution of the significance of the Middle East region in Russian foreign policy concepts.

Methodology. An analysis of the texts of ideological concepts, research articles on the question and economic statistical data was undertaken to determine the context and main factors affecting the priorities of Russia in the Middle East region. The research was conducted using the methods of comparative analysis and systems approach.

Results. It is concluded that the significance of the Middle East region declared in the Russian foreign policy concepts did not always correspond to the real extent of Moscow's involvement in the region's affairs. Earlier three concepts emphasized the priority of the region in a defensive tone and mainly from the standpoint of economic pragmatism. However, the rhetoric of two most recent documents regarding Russia's pursuit of its foreign policy principles in the Middle East is quite offensive, which indicates Russia's determination to strengthen its geopolitical position in the region.

Research implications. The results of the study contribute to further understanding of Russia's regional foreign policy, in the context of offering realistic scenarios of the conceptual and applied evolution of the priorities of Russian diplomacy in the Middle East.

Keywords: Russian foreign policy concept, Middle East, national interests, balance of power, geopolitics

Введение

Ближний Восток в силу своего удачного расположения с точки зрения геополитики/геоэкономики всегда находился в центре внимания мировых держав. На протяжении веков Россия тоже рассматривала данный регион в качестве одного из важных направлений своей внешней политики, не оставаясь в стороне от происходящих в регионе процессов. По словам известного российского востоковеда Е. М. Примакова, Ближний Восток исторически является «подбрюшьем» России, и при компаративистском взгляде российский интерес к нему «сопоставим с интересом США к развитию обстановки в Латинской Америке» [12, с. 21]. Однако все исторические примеры активности России на ближневосточном направлении не идут ни в какое сравнение с той беспрецедентной вовлеченностью, которая Москва демонстрирует в регионе в течение второй декады нынешнего столетия.

В этом контексте актуальным представляется не только осмысление российского «возвращения» в регион, перспектив ее «пребывания» там, но и анализ становления приоритетности и осознания важности ближневосточного

вектора российской внешней политики в постсоветский период. Основным доктринальным документом, определяющим систему взглядов на ключевые принципы, приоритетные направления, цели и задачи внешней политики России, является Концепция ее внешней политики. Представляется, что анализ всех редакций данного документа позволит выявить динамику изменения внешнеполитического позиционирования России на концептуальном уровне в отношении Ближнего Востока. Однако на основе «сухих», зачастую общих формулировок концепций сложно судить о значимости того или иного вектора внешней политики, особенно – ближневосточном. Эти документы в основном представляют «дискурсивные ориентиры» внешней политики [21], часто «не успевая» за меняющимися мирополитическими реалиями и трансформациями в структуре приоритетов внешней политики государств.

Исходя из вышесказанного, *цель* настоящей статьи заключается в выявлении логики эволюции места Ближнего Востока (далее – БВ) в концепциях внешней политики России. Для этого автор анализирует контекст принятия документов и ключевые факторы соответствующего

периода. Достижение поставленной исследовательской цели позволит сформировать более четкую картину становления ближневосточной политики России на современном этапе и в дальнейших исследованиях выдвигать наиболее реалистичные сценарии концептуально-прикладного развития приоритетов российской дипломатии в рассматриваемом регионе.

Настоящая работа в теоретическом плане опирается на идеи школы реализма и неореализма, которые подчеркивают принципиальное значение для концептуального и практического определения внешней политики государства характеристики его национальных интересов и приоритетов. Средства их реализации в понимании представителей этих школ ТМО могут быть вариативными. Реалисты, утверждая о рациональной природе поведения государств [19, с. 7], уверены, что национальные интересы превалируют над международными принципами. Так, Г. Моргенгау писал, что «цели внешней политики должны определяться в духе национальных интересов и подкрепляться силой» [11]. Неореалисты же, модифицируя эти идеи, считают внешнюю политику детерминированной структурой международных отношений. Она, как отмечает К. Уолтс, опирается на положения теории баланса сил, определяющую логику курса государств на недопущение усиления других государств. Структура мировой системы не только ограничивает деятельность актора на глобальной арене, но и формирует для него благоприятные возможности [22]. Структурные особенности международной системы также определяют различия целей и результатов внешней политики государств.

Ближний Восток представляется тем регионом, где идеи (нео)реалистов об анархии в международных отношениях, высокой степени неприменимости моральных/аксиологических императивов во внешней политике, стремлении госу-

дарств к власти/гегемонии, к опоре на силовые ресурсы имеют наиболее яркое проявление. Труднопредсказуемая ситуация в регионе, тревожные тенденции формирования линий соперничества с ее усложнением за счет вовлечения региональных государств, стремление внешних акторов навязать странам региона собственные модели социально-политического устройства общества делают (нео)реалистскую парадигму наиболее релевантной теоретической платформой в контексте осмысления темы настоящего исследования.

Ближний Восток во внешнеполитических концепциях РФ

Постсоветской Россией до сегодняшнего дня принято пять концепций внешней политики, анализ которых наглядно отражает эволюцию российского видения миропорядка и приоритетных направлений ее внешнеполитической деятельности. Важность БВ ввиду его выгодного геостратегического расположения всегда подчеркивалась в текстах концепций, однако риторика документов не совсем соответствовала практике; регион часто оказывался на периферии внешнеполитической активности Москвы.

В первой внешнеполитической концепции новой России под названием «Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации» от 23 апреля 1993 г. отношение Москвы к БВ определяются комплексом факторов, представляющих как возможности, так и вызовы. К первым документ относится наличие в регионе значительных финансовых ресурсов и его значимость для мирового энергетического баланса, а ко вторым – географическую близость к границам России, что повышает опасность воздействия идущих там дестабилизационных процессов на ситуацию на Кавказе и в Центральной Азии¹.

¹ Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации от 23 апреля 1993 г. // Дипломатический вестник. 1993. № 1–2. С. 3–23.

Наряду с достаточно предсказуемыми посылками, важным моментом Концепции 1993 г. стало провозглашение целесообразности существенной трансформации связей России со странами Ближнего Востока, их очищения от идеологических мотивов, приведения в соответствие с современными реалиями. Такой подход на фоне позитивного переосмысления российской политической элитой отношений со странами Запада настраивал ближневосточную политику России на строгий прагматизм, что, с учетом специфики сложившихся между СССР и странами региона отношений, во многом и привел к неизбежному снижению значимости ближневосточного вектора российской внешней политики. Для российской общественности такое отступление объяснялось потребностью рационализации использования внешнеполитических ресурсов, а на международной арене новая линия подавалась как сознательный уход от ненужного соперничества с Западом в точках, не имеющих значения для российских интересов, но значимых для интересов США и ЕС [3]. В одной из таких точек оказался и Ближний Восток.

Несмотря на внутренние дискуссии над определением приоритетов внешней политики в предстоящей Концепции, и принятие в итоге сбалансированного документа, на самом деле в его тексте в содержательном плане прозападная позиция оказалась более выраженной. Ближний Восток, хотя и был провозглашен важным регионом, на практике остался в приоритетах второго порядка. Москву в этот период заботило не столько политические аспекты взаимодействия со странами Ближнего Востока, сколько экономические. Это подтверждается, например, тем, что российская дипломатия проявляла активность на тех страновых направлениях, на которых оставались нерешенные вопросы экономического характера или имелись возможности для привлечения инвестиций в российскую экономику. Наиболее важ-

ным вопросом оставалась проблема задолженности некоторых стран региона за поставки советского вооружения. Это касалось, в первую очередь, Ирака, Сирии и Ливии, которые в начале 90-х гг. имели напряженные отношения с Западом или находились под международными санкциями. В надежде добиться возвращения многомиллиардных долгов российская дипломатия, проявляя гибкость, пыталась оказывать, хотя и не совсем успешно, этим странам политико-дипломатическую помощь [13].

Ослабление вовлеченности России в ближневосточные дела не означало, что Москва «уходит» из региона. Ориентация на Запад и отказ от идеологических мотивов не могли в одночасье преодолеть инерционную силу советского наследия. Россия пыталась сохранить свое влияние на решение некоторых проблем региона, расширить рамки экономического и военно-технического сотрудничества с его странами, что было отражено в Концепции 1993 г. Новые тренды во внешней политике Москвы поспособствовали восстановлению отношений с монархиями Залива и Израилем. Россия включилась в процесс урегулирования арабо-израильского конфликта в качестве совместного с США спонсора, а ее позиция в отношении ближневосточного урегулирования отошла от антиизраильской риторики [1].

Постепенное решение комплекса внутренних проблем к началу нового столетия прибавило России больше уверенности и во внешней политике. На диверсификацию региональных направлений российской дипломатии начала 2000-х гг. значительно повлияла иллюзорность формирования «стратегического партнерства» с США и идеи «демократической солидарности». Как отмечают исследователи из Тегеранского университета М. Кушки и И. Тохири, «оскорбительные/неуважительные» шаги Запада для России, а именно – начало процесса восточной экспансии НАТО и эскалация конфликта в бывшей Югославии, не оста-

вили надежд на адекватный для России компромисс с Западом относительно ее равноправного участия в строительстве нового мирового порядка [10]. Более того, в 1996 г. министром иностранных дел РФ становится Е. Примаков, которого многие иранские исследователи считают главным архитектором и мыслителем внешней политики постсоветской России на Ближнем Востоке [6]. На фоне таких перемен Москва начала переводить отношения с Западом в русло политико-экономического прагматизма, а новая концепция предсказуемо констатировала, что «некоторые расчеты, связанные с формированием новых равноправных, взаимовыгодных, партнерских отношений России с окружающим миром» не оправдались¹.

Ближнему Востоку в тексте новой Концепции (принята 28 июня 2000 г.) отведен буквально один абзац, в котором, *во-первых*, провозглашена готовность России работать над достижением стабильности в регионе, который географически, находясь вблизи южных границ РФ, мог стать вызовом безопасности с учетом террористической активности на российском Северном Кавказе [17, с. 15]. *Во-вторых*, документ подчеркивал желание Москвы восстанавливать и укреплять свои позиции, особенно экономические, в этом богатом районе мира. Несмотря на такое краткое изложение видения ближневосточной политики, оно указывает на стремление России диверсифицировать свои внешнеполитические связи, а БВ рассматривается в контексте построения полицентричного мира и достижения РФ статуса одного из центров влияния. Такой вывод является логичным, учитывая, что задача формирования нового мироустройства становится одной из главных концептуально-идеологических новаций

в части функциональных приоритетов в тексте Концепции.

Относительное повышение значимости БВ в шкале географических приоритетов в тексте документа стоит рассматривать в связке с геополитическими и геоэкономическими факторами. Так, подчеркнутая значимость региона «Большого Средиземноморья» для продвижения российских экономических / энергетических интересов с учетом общего посыла Концепции о восстановлении российских позиций в регионе, представляется реакцией на интеграционные проекты ЕС (Барселонский процесс) и США для региона [14]. Обозначенные проекты свидетельствовали о готовности стран Запада в кратчайшие сроки занять оставленную СССР нишу.

Ответ России обновленной Концепцией внешней политики стал логичным шагом в представлении переосмысленного международного позиционирования Москвы. Ко второй половине первой декады XXI в. большой пласт проблемных вопросов с региональными государствами были решены. Благодаря решению вопросов их задолженности Россия начала наращивать свое присутствие на нефтегазовом рынке региона, становилась одним из главных поставщиков вооружений для его государств. Эти факторы способствовали укреплению международных позиций РФ. Возникла необходимость обновления концепции внешней политики с учетом изменившейся мирополитической конъюнктуры.

Концепция внешней политики России 2008 г. обозначает качественно новый этап в развитии концептуальных основ внешней политики РФ. Документ подчеркивает великодержавные стремления России, хотя сам термин «великая держава» не используется. Данный посыл явно прослеживается в тех формулировках документа, в которых констатируется переход России от сугубо реализации международной повестки дня к возможности ее формирования, осознание ответствен-

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации от 28 июня 2000 года // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения: 22.12.2019).

ности за поддержание безопасности в мире¹, что является демонстрацией способности и готовности России *думать* и *действовать глобально* – одни из важных черт «великой державы» [15]. В таком видении России своего статуса и поведения на мировой арене можно проследить идею неореалистов, которые, как известно, переносят центр объяснения международного поведения государств на уровень международной системы, структурные свойства которой являются результатом взаимодействия между великими державами, а не малыми и средними государствами.

Новым моментом в Концепции 2008 г. стало упоминание отдельных государств БВ. Основные страны – партнеры России в регионе в текстах концепции никогда раньше не приводились, что объяснялось стремлением Москвы выстраивать взаимодействие с широким кругом акторов, между которыми наблюдаются острые противоречия [18]. В таких условиях практика обобщенного описания региона представляется логичной, так как позволяет избежать неудобных вопросов относительно порядка упоминания стран в официальных документах. Однако с другой стороны, упоминание основных региональных акторов, несмотря на наличие между ними противоречий, демонстрировало готовность России выстраивать с ними прагматичные взаимоотношения и работать над решением острых проблем.

Следует отметить, что порядок упоминания стран региона в тексте Концепции исходит из уровня сотрудничества с ними России, особенно в экономической сфере. Приведем пример Турции, во взаимоотношениях с которой у России наблюдался период «романтики», когда стремительно развивались экономические взаимодействия, заслонявшие поли-

тические проблемы. Так, с 2001 по 2008 гг. товарооборот между Россией и Турцией увеличился в 9,5 раз (с 4 до 38 млрд долл. США); в этот период доля России во внешнеторговом обороте Турции достигла рекордных показателей – 11,4%, а удельный вес Анкары во внешней торговле России составил 5,7%². В 2008 г. Турция заняла пятое место среди торговых партнеров России из числа стран дальнего зарубежья.

Документ указывает на повышение значимости Ближневосточного региона во внешней политике России. Основными факторами при этом выступали не только усиление мирорегулирующих устремлений России, что требовало восстановления утраченных позиций на БВ, но и трезвый прагматизм, который опирался в первую очередь на продвижение экономических интересов России в регионе. Однако с началом нового десятилетия БВ столкнулся с массовыми народными волнениями, вмешательством, в том числе силовым, внешних акторов в региональные дела. Эти новые тренды и были учтены в новой редакции Концепции внешней политики РФ, которая появилась через 5 лет.

Международный контекст и факторы принятия концепции 2013 г. и логика приоритетности БВ в ней формировались под динамикой растущей международной напряженности, турбулентной ситуации в упомянутом регионе, вызванной событиями «Арабской весны». Концепция фокусирует внимание на том, что на Ближнем Востоке и в Северной Африке проявляются тенденции «повышения значения фактора цивилизационной идентичности»³. Такая идея, как отмечают исследователи, *во-первых*, яв-

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации от 15 июля 2008 года. // Сайт Президента Российской Федерации. – URL: <http://kremlin.ru/acts/785>. (дата обращения: 19.12.2018).

² Внешняя торговля России. Статистика // Портал «Россия-экспорт-импорт». URL: <https://www.rusimrex.ru/index7.htm> (дата обращения: 21.01.2020).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 года // Сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 18.12.2019).

ляется отсылкой к гипотезе С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций» и возможным негативным последствиям прикладного проявления данной теории; *во-вторых*, в теоретическом геополитическом противоборстве по линии «Запад – Восток» показывает Россию в качестве стабилизирующей силы, в том числе и в регионе БВ, где наблюдается перманентная межконфессиональная напряженность на внутригосударственном и региональном уровнях; и, *в-третьих*, акцент на негативном восприятии упомянутой теории был призван способствовать обоснованию представлений об «особой роли России» [9].

В описании приоритетности БВ Концепция повторяет основные моменты предыдущей редакции документа. Подчеркивается готовность РФ внести вклад в стабилизацию региона через продвижение консервативно-охранительной позиции по суверенитету и вопросу о (не-) вмешательстве извне, что было связано с активной политикой внешних акторов и по смене неудобных им режимов в регионе. Выражаясь языком неореалистов, такая позиция России, которая стала характерной чертой риторики и практики ее внешней политики, стала все больше определяться динамикой развития структуры международных отношений в регионе.

Новым моментом в Концепции стала задача России по оказанию содействия созданию на БВ зоны, свободной от оружия массового уничтожения и средств его доставки. Еще в 2010 г. президент России Д. Медведев заявил, что регион должен стать безъядерным, потому что «иное развитие событий будет означать региональную, а... может быть, и глобальную катастрофу»¹. Учитывая близость БВ к границам России, комбинация непред-

сказуемости ситуации и активности террористических групп в нем представлял вызов для безопасности России и с точки зрения возможности попадания технологий или отдельных компонентов ОМУ в руки экстремистов.

Несмотря на достаточно сдержанную констатацию приоритетности БВ в Концепции 2013 г., на практике его значимость для российской внешней политики возрастала. Сама Концепция 2013 г. «устарела» очень быстро – после Крымских событий 2014 г., ставших в итоге переломным моментом для внешней политики современной России, в том числе на ближневосточном направлении.

Разработка новой концепции совпала с беспрецедентными для российской внешней политики событиями, связанными с присоединением Крыма и его международными последствиями, резкой активизацией ближневосточной политики, апогеем которой стало военнополитическое «возвращение» Москвы в Ближневосточный регион. Реагируя на контекст и особенности силового вмешательства России в сирийский конфликт, принятая в 2016 г. Концепция усиливает акцент на повышении роли фактора силы в международных отношениях, подчеркивая, что борьба с международным терроризмом на территории другого государства должна вестись с согласия государств, на территориях которых ведется такая борьба². Такой подход к антитеррористической борьбе является отражением стратегии России в сирийском конфликте и дальнейших планов Москвы по обеспечению своего военного присутствия в регионе.

Хотя в тексте Концепции 2016 г. Ближнему Востоку не отведено много места, а приоритеты внешнеполитической деятельности России в регионе остаются не-

¹ Совместная пресс-конференция с Президентом Сирии Б. Асадом по итогам российско-сирийских переговоров // Сайт Президента РФ. 11.05.2010. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/7710> (дата обращения: 18.12.2019).

² Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 года // Сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 18.12.2019).

изменными, тем не менее на практике наблюдается растущая значимость данного направления российской внешней политики. Как российские, так и иранские исследователи во многом разделяют мнение о том, что после 2014 г. вовлеченность в ближневосточные дела (особенно сирийская кампания), несмотря на свою рискованность, стала для Москвы фактором преодоления международной изоляции [2; 7]. Более того, распространение терроризма в Ближневосточном регионе Концепция связывает с результатами «навязываемых извне идеологических ценностей и рецептов модернизации политической системы государств», что представляется недвусмысленным обвинением в адрес Запада. Риторика документа касательно оценки политики Западных государств в регионе все больше рисует контуры усиления противоборства внешних акторов в регионе в ключе реалистской «игры с нулевой суммой». При этом Россия стремится стать игроком, способным обеспечить баланс сил в регионе [20].

Концепция выводит озабоченность России гуманитарными интервенциями на новый уровень. В отличие от традиционной констатации негативного отношения к практике внешнего вмешательства, в обновленном документе позиция России становится проактивной; Москва «намерена не допускать осуществления под предлогом реализации концепции “ответственность по защите” военных интервенций и прочих форм стороннего вмешательства...»¹. На примере Сирии Россия показала свою приверженность данной позиции, что может позитивно повлиять на ее имидж как надежного политического партнера в глазах государств и обществ региона [16, с. 28].

В новой редакции документа нет упоминания конкретных стран региона при

определении региональных приоритетов, что можно объяснить растущей напряженностью внутри региона. Традиционно упоминается лишь Иран, логика упоминания которого опирается не только на роль РФ в решении ядерной проблемы Ирана, но осознание влияния Тегерана на развитие региональных процессов. Если «ядерная сделка» с Ираном из-за позиции нового президента США Д. Трампа оказалась в кризисе, то сотрудничество по борьбе с терроризмом и в урегулировании сирийского конфликта вывели на совершенно новый уровень отношения между Москвой и Тегераном. Хотя многие эксперты заговорили о становлении стратегического партнерства между сторонами, автор настоящей статьи такую перспективу оценивает критически [4].

Концепция 2016 г., таким образом, четко фиксирует стремления России в достижении основной стратегической целью на Большом Ближнем Востоке – значительное военно-политическое присутствие в регионе [8]. В отличие от абстрактных положений в ранних редакциях, последняя Концепция достаточно конкретна, она представляется инструкцией к действию, в которой больше слов о том, что Россия будет делать и чего делать не будет. С принятием Концепции 2016 г. задача повышения статуса России как значимой глобальной силы оказалась выполненной. На Ближний Восток Москве удалось «вернуться» с относительно четко обозначенной и концептуально лучше сформулированной стратегией. Конечно, в условиях высокой турбулентности региональной конъюнктуры не так просто выработать четкую стратегию дальнейших действий, тем не менее, есть основание полагать, что активизация современной российской политики на Ближнем Востоке будет иметь долгосрочный характер.

Заключение

Ближний Восток превращается в одно из ключевых направлений внешней политики современной России. Однако

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 года. // Сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 18.12.2019).

декларируемая в текстах ее концепций внешней политики значимость Ближневосточного региона не всегда совпадает с реальным значением региона для интересов России и степенью ее вовлеченности в региональные дела. В структуре текста концепций внешней политики России место БВ остается неизменным с 2000 г. С одной стороны, такая логика оформления географических приоритетов опирается на архитектуру первого подобного документа, с другой, на наш взгляд, – на соображения осторожности со стороны России в провозглашении официальной значимости такого чувствительного региона, где пересекаются интересы нескольких ведущих игроков. Анализ логики изменения места БВ в концепциях внешней политики постсоветской России позволяет автору сделать несколько общих выводов.

Во-первых, логику приоритетности Ближнего Востока во внешней политике России в первые годы после распада СССР определило не только стремление нового руководства в Москве продемонстрировать солидарность с «демократическим Западом» и отход от советской идеологизированной внешней политики, но и материальные соображения, которые были существенны для России, находившаяся в непростом экономическом положении. Принятая в 1993 г. достаточно прозападная по содержанию Концепция внешней политики России стала компромиссом между сторонниками «западного» и «восточного» направлений.

Во-вторых, в тексте второй внешнеполитической Концепции, несмотря на наращивание присутствия России в регионе, обозначение приоритетности Ближнего Востока не претерпело заметного изменения. Однако в ней появились первые нарративы о возможном соперничестве России с другими внерегиональными акторами в регионе за геоэкономические позиции. Такие изменения стали результатом разочарования России в идее солидарности с Западом и укрепления

ресурсной базы ее внешней политики с логически отсюда вытекающим стремлением к проведению более диверсифицированной внешнеполитической линии.

В-третьих, к моменту принятия третьей Концепции своей внешней политики Россия подошла с окрепшим международным влиянием и готовностью к проведению более активной внешней политики. Такая уверенность чувствуется и в тексте Концепции – в части определения ее региональных приоритетов, где впервые упоминаются конкретные страны БВ. Значительное повышение уровня сотрудничества России со странами региона, окончательное решение проблем задолженности с некоторыми из его ключевых государств стали факторами постепенного возвращения России на Ближний Восток.

В-четвертых, несмотря «скромную» оценку приоритетности Ближнего Востока для внешней политики России в Концепции 2013 г., на практике Москва продолжает поиск ресурсов для дальнейшего конструирования своего великодержавного статуса в том числе через участие в процессах на БВ. Провозглашение в документе готовности оказать содействие в полной денуклеаризации региона говорит о расширении номенклатуры региональных процессов, в развитии которых Россия намерена наращивать участие. Концепция 2013 г. подчеркивает важность принципов уважения суверенитета в контексте региона и невмешательства во внутренние дела их государств, однако данная позиция остается оборонительной.

И, в-пятых, в своей последней Концепции внешней политики Россия переходит от выражающего поддержки принципам своего международного поведения к положению их защищающего. Это кардинальная трансформация в концептуализации принципов и приоритетов российской внешней политики на современном этапе, в развитии которой огромную роль сыграла и беспрецедент-

ная вовлеченность России в дела Ближнего Востока. Оказавшись в изоляции в Западном направлении, Россия решила выйти из нее через «сирийскую дверь». Рискованный манёвр удался; Россия получила потенциальные рычаги давления не только на процессы в регионе, но и во всем мире. Эти тренды, конечно, отражены в тексте Концепции 2016 г. в части приоритетности БВ, однако риторика и место, отведенное в тексте региону, на наш взгляд, никак не соответствуют

практической активности в нем Москвы и его растущей значимости для внешней политики России. Тем не менее действующая Концепция относительно четко формулирует векторы развития политики России в регионе, которые, с учетом позитивных результатов российского участия в ближневосточных делах, могут стать основой для развития отдельной стратегии России для Ближнего Востока.

Статья поступила в редакцию 24.01.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Барановский В. Новая внешняя политика России: влияние на международную систему // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 7. С. 5–15.
2. Богатуров А. Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессы. 2007. Том: 5. № 1 (13). С. 54–69.
3. Джаббаринасир Х. Иран и Израиль во внешней политике России: ограничения на пути сотрудничества // Сравнительная политика. 2020. Том 11. №1. С. 44–64.
4. Колобов О. А. Современная российская политика на Ближнем Востоке: стратегические цели и тактические действия // Вестник Московского государственного института международных отношений (Университета). 2017. № 4 (55). С. 83–98.
5. Коновалов А. О. Ближний Восток в системе внешнеполитических приоритетов Российской Федерации геополитические концепции XXI в., перспективы, реальность: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2016. 231 с.
6. Моргентау Г. Международная политика // Антология мировой политической мысли: в 5-ти т. Т. 2. М.: Мысль, 1997. С. 501–507.
7. Примаков Е. М. Ближневосточный курс России: исторические этапы // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? М.: ИВ РАН, 2012. С. 21–31.
8. Сапронова М. А. Российско-арабское сотрудничество до и после «арабской весны» // Вестник Московского государственного института международных отношений (Университета). 2014. № 3 (36). С. 27–36.
9. Трофимова О. Е. Средиземноморская политика ЕС в свете интеграционных процессов // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 2. С. 70–80.
10. Шаклеина Т. А. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 2 (26). С. 29–39.
11. Аtxари А., Бахман Ш. Россия и современный Ближний Восток: стратегия и вызовы // Журнал олум-е сиёси вэ равабэт-е байнулмэлал. 2012. № 17. С. 33–64 (на персидском).
12. Карамидж. Внешняя политика России: проблема определения интересов и преодоления противоречий // Мотолеат-е Асиё-е Маркази вэ Кафказ. 2004. № 41. С. 49–78 (на персидском).
13. Колайи Э. и др. Изменения и преемственность во внешней политике России на Ближнем Востоке: динамика, достижения и вызовы // Рахяфтха-е сиёси вэ байномилэли. 2018. № 2. С. 123–152 (на персидском).
14. Кушки М., Тохири И. Присутствие России на Ближнем Востоке в период президентства В. Путина // Журнолэ Уросиёи Мэркази. 2016. № 1. С. 43–62 (на персидском).
15. Giles K. The Turning Point for Russian Foreign Policy. Strategic Studies Institute, US Army War College, 2017. 81 p.
16. González F. J. R. The Foreign policy concept of the Russian federation: A comparative study. IEES. 2013. 22 p.
17. Katz M. N. Russia's Greater Middle East Policy: Securing Economic Interests, Courting Islam. Paris, IFRI Russia/NIS Center, 2010. 25 p.

18. Keohane R. O. Realism, Neorealism and the Study of World Politics // Neorealism and Its Critics. NY: Columbia University Press, 1986. 378 p.
19. Kozhanov N. Russian Policy Across the Middle East Motivations and Methods. L.: Chatham House, Feb. 2018. 33 p.
20. Light M. Russian Foreign Policy Themes in Official Documents and Speeches: Tracing Continuity and Change // Russia's Foreign Policy: Ideas, Domestic Politics and External Relations. Palgrave Macmillan, London, 2015. P. 13–29.
21. Waltz K. Realist Thought and Neorealist Theory // Journal of International Affairs. 1990. Vol. 44. Iss. 1. P. 21–37.

REFERENCES

1. Baranovskii V. [Russia's new foreign policy: implications for international system]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2016, vol. 60, no. 7, pp. 5–15.
2. Bogaturov A. [Three Generations of Russia's Foreign Policy]. In: *Mezhdunarodnye protsessy* [International trends], 2007, vol. 5, no. 1 (13), pp. 54–69.
3. Dzhabbarinasi H. [Iran and Israel in the foreign policy of Russia: Restrictions on the way of cooperation]. In: *Sravnitel'naya politika* [Comparative politics], 2020, vol. 11, no 1. pp. 44–64.
4. Kolobov O. [Contemporary Russian politics in the Middle East: strategic goals and tactical actions]. In: *Vestnik MGIMO Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2017, no. 4, iss. 55, pp. 83–98.
5. Konovalov A. *Blizhnii Vostok v sisteme vneshnepoliticheskikh prioriteto Rossiiskoi Federatsii geopoliticheskie kontseptsii XXI v., perspektivy, real'nost': dis. ... cand. ist. nauk* [Middle East in the system of foreign policy priorities of the Russian Federation, geopolitical concepts of the 21st century, prospects, reality]. PhD Thesis in Political sciences. Saint Petersburg, 2016. 231 p.
6. Morgentau G. [International Politics] In: *Antologiya mirovoi politicheskoi mysli* [Anthology of worlds political thought]. Vol. 2. Moscow. Mysl' Publ., 1995, pp. 501–507.
7. Primakov E. [The Middle East course of Russia: historical stages]. In: *Blizhnii Vostok, Arabskoe probuzhdenie i Rossiya: chto dal'she?* [Middle East, Arabian Awakening and Russia: What's Next?]. Moscow, IOS RAS, 2012. 595 p.
8. Sapronova M. [Russian-Arab cooperation before and after the «Arab spring»]. In: *Vestnik MGIMO Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2014. no. 3, iss. 36, pp. 27–36.
9. Trofimova O. [EU Mediterranean Policy in the Light of Integration Processes]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2012, no. 2, pp. 70–80.
10. Shakleina T. [Great Powers and Regional Subsystems]. In: *Mezhdunarodnye protsessy* [International trends], 2011, vol. 9, no. 2, iss. 26, pp. 29–39.
11. Atkhari A., Bakhman Sh. [Russia and the modern Middle East: strategy and challenges]. In: *Zhurnale olum-e siesi ve ravabet-e bainulmelal* [The Journal of Political Science and International Relations], 2012, no. 17, pp. 33–64 (In Persian).
12. Karami Dzh. [Russia's foreign policy: the problem of determining interests and overcoming contradictions]. In: *Motoleat-e Asie-e Markazi ve Kafkaz* [Journal of Central Asia and Caucasus Studies], 2004, no. 41, pp. 49–78 (In Persian).
13. Kolaii E., et al. [Changes and continuity in the Russia's Middle East foreign policy: dynamic, achievements and challenges]. In: *Rakhyafkha-e siesi ve bainolmüleli* [Journal of International politics], 2018, no. 2, pp. 123–152 (In Persian).
14. Kushki M., Tokhiri I. [The presence of Russia in the Middle East during Putin's presidency] In: *Zhurnole Urosiei Merkazi* [The Journal of Central Eurasia], 2016, no. 1, pp. 43–62 (In Persian).
15. Giles K. The Turning Point for Russian Foreign Policy. Strategic Studies Institute, US Army War College, 2017. 81 p.
16. González F. J. R. The Foreign policy concept of the Russian federation: A comparative study. IEES, 2013. 22 p.
17. Katz M. N. Russia's Greater Middle East Policy: Securing Economic Interests, Courting Islam. Paris, IFRI Russia/NIS Center, 2010. 25 p.
18. Keohane R. O. Realism, Neorealism and the Study of World Politics. In: Neorealism and Its Critics. NY: Columbia University Press, 1986.

19. Kozhanov N. Russian Policy Across the Middle East Motivations and Methods. London, Chatham House, 2018. 33 p.
 20. Light M. Russian Foreign Policy Themes in Official Documents and Speeches: Tracing Continuity and Change. In: Cadier D., Light M., eds. Russia's Foreign Policy: Ideas, Domestic Politics and External Relations. Palgrave Macmillan, London, 2015, pp. 13–29.
 21. Waltz K. N. Realist Thought and Neorealist Theory. In: Journal of International Affairs, 1990, vol. 44, iss. 1, pp. 21–37.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Джаббаринасир Хасан Реза – кандидат политических наук, научный сотрудник Института социальных и культурных исследований Исламской Республики Иран; преподаватель кафедры индо-иранских и африканских языков МГИМО МИД России;
e-mail: hjabbarinasir@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Hasan Reza Jabbarinasir – PhD in Political Science, researcher at the IRI's National Institute for Cultural and Social Studies; Lecturer at the Department of Indo-Iranian and African Languages, MGIMO University MFA Russia;
e-mail: hjabbarinasir@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Джаббаринасир Х. Р. Логика эволюции значимости Ближнего Востока в концепциях внешней политики России: контексты и ключевые факторы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 2. С. 175–186.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-175-186

FOR CITATION

Jabbarinasir H. The logic of evolution of Middle East's significance in Russia's foreign policy concepts: contexts and key factors. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 2, pp. 175–186.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-175-186

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ
2020. № 2

Над номером работали:

Литературный редактор О. О. Волобуев
Переводчики А. В. Квеглис, А. С. Барминова
Редактор перевода Н. Г. Попова
Корректор Н. Л. Борисова
Компьютерная верстка А. В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6104); (495) 723-56-31
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 14,5, усл. п.л. 11,75.
Подписано в печать: 30.04.2020. Выход в свет: 19.05.2020. Заказ № 2020/04-10.
Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А